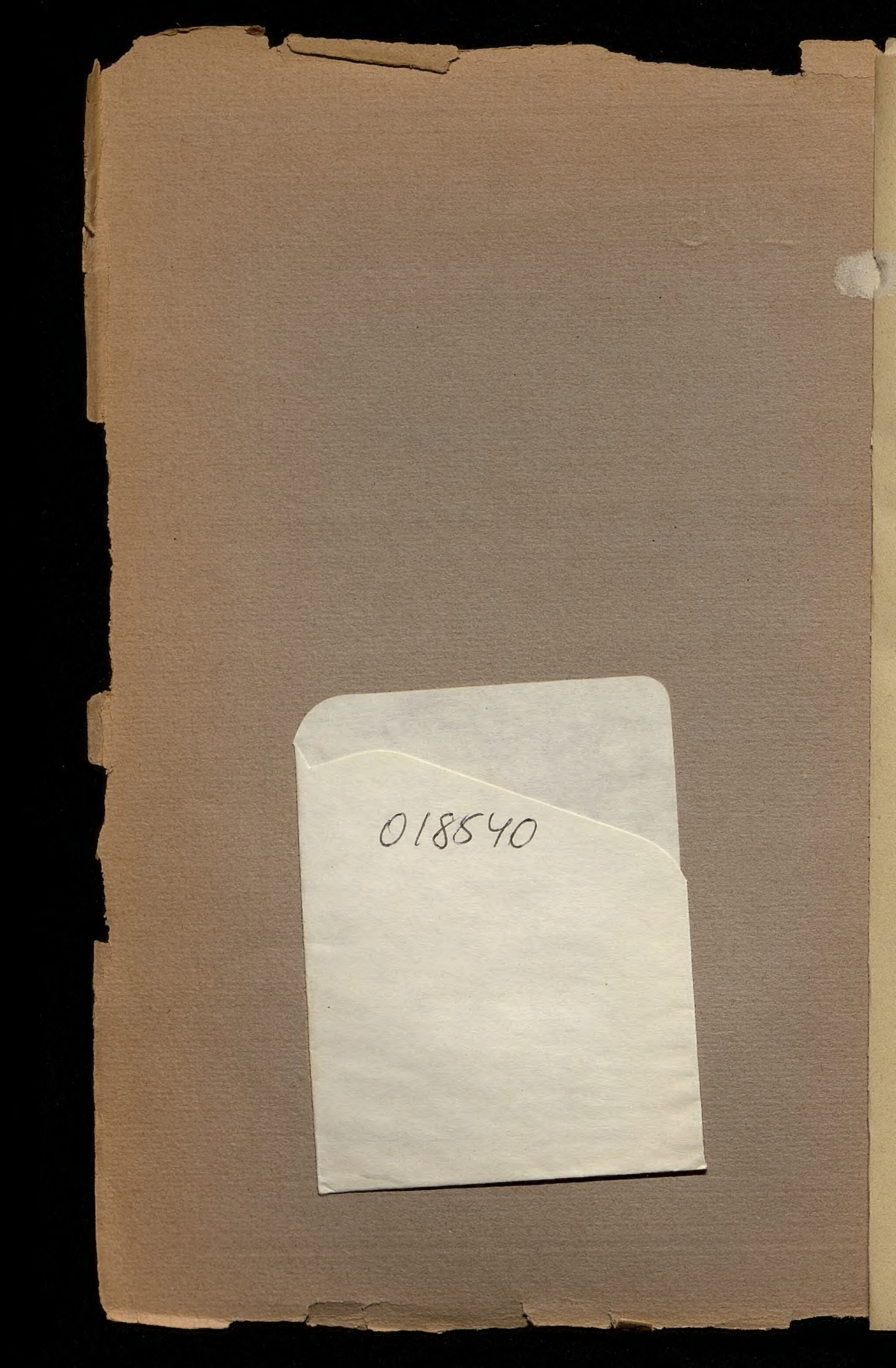
Проф. Е. Ф. ШМУРЛО

ВВЕДЕНІЕ ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ

ПРАГА

018540

о

РІЮ

Проф. Е. Ф. ШМУРЛО

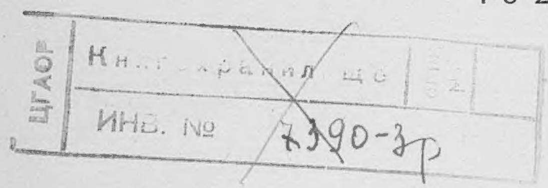
—

ВВЕДЕНІЕ ВЪ РУССКУЮ ИСТОРІЮ

ПРАГА

1924

ИЗД-СТВО

«П Л А М Я»

ВЪ ПРАГѢ

ПОДЪ ОБЩИМЪ РУКОВОДСТВОМЪ

ПРОФЕССОРА

Е. А. ЛЯЦКАГО.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИП.

«ЛЕГІОГРАФІЯ»

Praha-Vršovice, Sámova 665.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Для кого предназначается эта книга? Она выросла изъ университетскихъ лекцій и ставитъ себѣ двойную задачу: во-первыхъ, дать понятіе объ исторіи, о тѣхъ элементахъ, изъ которыхъ она строится; научно обосновать построеніе ея; и, во-вторыхъ, прежде чѣмъ читатель вступитъ на длинный 1000-лѣтній путь, пройденный русскимъ народомъ, предложить ему предварительно окинуть взоромъ этотъ самый путь, чтобы, пока еще не останавливаясь на подробностяхъ, но выдѣливъ главные его этапы, онъ могъ уяснить себѣ духовные и матеріальные факторы, опредѣлившіе какъ направленіе пути, такъ и самое творчество русскаго народа, — тѣ духовныя и матеріальныя цѣнности, какія послѣдній сумѣлъ создать и пріобрѣсти на протяженіи своей исторической жизни. Отсюда и дѣленіе самой книги на двѣ части: въ первой высказаны общія положенія, приложимыя къ исторіи любой народности; вторая — говоритъ исключительно о народности русской и является частнымъ приложеніемъ положеній, выставленныхъ въ первой части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. ОБЪ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.

—

1. Разные взгляды на исторію.

Предметомъ нашихъ бесѣдъ будетъ русская исторія, и потому необходимо предварительно условиться, что именно будемъ мы подразумѣвать подъ этими словами. Дѣйствительно, что такое *русская* исторія и что такое *исторія* вообще? На первый взглядъ подобный вопросъ можетъ показаться совершенно излишнимъ, настолько ходяче и общеупотребительно выраженіе: «русская исторія», настолько обыденно и привычно для насъ словосочетаніе обоихъ этихъ словъ; однако на дѣлѣ отвѣтить на него, пожалуй, будетъ не такъ-то легко.

Начнемъ съ исторіи. Слово это есть греческое: *ἱστορία*, означаетъ повѣствованіе о прошлыхъ событіяхъ, основанное или на личномъ свидѣтельствѣ или на разслѣдованіи данныхъ, дошедшихъ до насъ при посредствѣ другихъ лицъ. Такое формальное, исключительно этимологическое опредѣленіе слова, конечно, не охватываетъ всей глубины его содержанія, и каждый вѣкъ, а иногда и отдѣльный историкъ подъ угломъ своего зрѣнія вкладывалъ въ этотъ терминъ свое пониманіе, свою оцѣнку, такъ что въ большинствѣ случаевъ на такихъ опредѣленіяхъ лежитъ печать времени, воспитанія, индивидуальнаго субъективизма, прикладныхъ цѣлей.

То въ исторіи видятъ образчикъ житейскихъ примѣровъ, наставницу и руководительницу нашей жизни; то усваиваютъ за ней одно простое собраніе хронологическихъ фактовъ; или же, наоборотъ, признаютъ ее наукою, изучающею законы человѣческой дѣятельности. Французскій историкъ Мишле (Mi-

chelet, 1798—1874) видѣлъ въ исторіи борьбу свободы противъ тираніи (l'histoire c'est la lutte de la liberté contre la tyrannie), другой же писатель, Бувье-де-Фонтенелль (Bernard le Bouvier de Fontenelle, 1657—1757) — завѣдомую басню, которую только условились признавать за истину (l'histoire n'est qu'une fable convenue). Излишній субъективизмъ подобнаго рода опредѣленій говоритъ самъ за себя; вмѣсто того, чтобы брать историческій матеріалъ такимъ, какимъ даетъ его исторія, въ немъ отыскиваютъ лишь подтвержденія своихъ излюбленныхъ мыслей, безсознательно игнорируя все, что не подходитъ къ нимъ. Освѣщеніе фактовъ получается вслѣдствіе этого одностороннимъ, и оцѣнкѣ историческихъ явленій недостаетъ главнаго: широты взгляда и спокойнаго сужденія. Происхожденіе формулы Мишле легко раскроется, если вспомнимъ, среди какихъ животрепещущихъ событій политической жизни жилъ и дѣйствовалъ этотъ впечатлительный и отзывчивый писатель. Конечно, не что иное, какъ фоліанты исписанной и печатной бумаги, искажая память прошлаго, породили пессимистическую формулу Бувье-де-Фонтенелля, въ данномъ случаѣ смѣшавшаго явленія съ ихъ литературнымъ воспроизведеніемъ, — потому что, если и можно создавать басни, то самая жизнь, которую описываетъ историкъ, все-таки есть нѣчто реальное и дѣйствительное.

2. *Три ступени въ развитіи исторіографіи.*

Чтобы увѣреннѣе оріентироваться въ данномъ вопросѣ, намѣтимъ въ бѣглыхъ чертахъ тѣ стадіи, какія переживала исторія въ своемъ развитіи.

Зарожденіе историческихъ свѣдѣній совпадаетъ съ той порой умственнаго развитія, когда, чуждый мысли предъявлять къ исторіи высокія требованія, примитивный умъ человѣка ищетъ въ ней пока только отвѣта на самыя неприхотливыя житейскія нужды или же пищи своей фантазіи. Подобно ребенку, такой человѣкъ жаждетъ прежде всего «интереснаго» разсказа, самый «интересъ» понимая, разумѣется, крайне внѣшне и поверхностно. Это должна быть эффектная картина, пора-

жающая глазъ, — рядъ неожиданныхъ событій, героическихъ дѣяній и т. п. Довольствуясь внѣшнимъ изложеніемъ хода событій, простымъ перечнемъ фактовъ, выбирая или отметая послѣднія не по ихъ значенію, а сообразно удовлетворенію этого «интереса», онъ доволенъ, когда разсказъ уноситъ его въ область чудесъ, открываетъ широкое поле воображенію и еще лучше, если кромѣ того удовлетворяетъ также и запросамъ чисто практическаго свойства. Внутренняго сцѣпленія событій онъ не только еше не схватываетъ, но даже и не сознаетъ возможности такового. Всякому овощу, какъ говорится, свое время. Вѣдь точно такъ же и бульварный романъ съ мелодраматической интригой и развязкой во вкусѣ Понсонъ-дю-Террайля скорѣе заинтересуетъ толпу, чѣмъ тонкій анализъ душевныхъ движеній, изложенный перомъ Шекспира, или жизненная правда и величавая простота художественныхъ произведеній Толстого: надо во всякомъ случаѣ подняться на довольно высокую ступень духовнаго развитія, прежде чѣмъ вполнѣ оцѣнить и залюбоваться духовной красотой «Короля Лира», «Бурей», «Войной и Миромъ», «Смертью Ивана Ильича» и т. п.

Выраженіемъ указанныхъ несложныхъ потребностей являются съ одной стороны саги, миѳы, легенды, былины и вообще всякаго рода разсказы и незатѣйливыя повѣствованія, гдѣ историческое и достовѣрное сплошь и рядомъ перемѣшано съ вымысломъ; съ другой — все то, что можетъ облегчить простое запоминаніе совершившихся фактовъ, забвеніе которыхъ почему либо было бы нежелательно: это будутъ календарныя замѣтки, пасхальныя таблицы, списки олимпійскихъ побѣдителей (въ Греціи), консуловъ и понтифексовъ (въ Римѣ), молитвенныя заклинанія, фамильные родословцы, первыя лѣтописныя записи и т. п. Это будетъ по преимуществу исторія *повѣствовательная.*

Но одинъ внѣшній интересъ рано или поздно перестанетъ удовлетворять насъ. Всматриваясь пристальнѣе въ дѣянія прежнихъ людей, человѣкъ открываетъ въ нихъ много общаго и сходнаго съ дѣяніями собственными: поэтому прошлое вскорѣ перестаетъ быть для него простымъ объектомъ наблюденія, но становится цѣннымъ матеріаломъ для аналогій и сопоста-

вленій. «Въ моей жизни (говоритъ наблюдатель), оказывается, возможны такіе же случаи, что и въ той, такія же ошибки и такіе же успѣхи; жизнь современнаго мнѣ общества тоже имѣетъ много аналогичнаго съ жизнью отдаленныхъ поколѣній». Легко понять, лишь стоило придти къ такому умозаключенію, и значеніе исторіи сразу неизбѣжно повышалось. Пусть она продолжаетъ еще удовлетворять потребностямъ фантазіи путемъ внѣшняго интереса, но теперь она пріобрѣтаетъ еще другую способность: возможность поучать, указывать вѣрные пути для достиженія блага. Классическіе народы, особенно римляне, эти типичные представители *практическаго*, *полезнаго* въ жизни, съ особою силою выдвинули и подчеркнули практическую пользу исторіи. По Цицерону, исторія есть свидѣтель прошлаго, свѣтъ истины, источникъ нашихъ воспоминаній, наставница жизни (historia testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae. Срав. опредѣленіе Діонисія Галикарнасскаго: исторія есть философія, наставляющая посредствомъ примѣровъ). Въ силу этого вѣрили, что исторія даетъ образцы жизни, начертываетъ примѣры общественнымъ дѣятелямъ, предостерегаетъ отъ повторенія ошибокъ, культивируетъ добрые нравы и намѣренія въ юношествѣ; на доблестяхъ предковъ воспитываетъ чувство патріотическое, уваженіе и горделивую любовь къ своей родинѣ, — и это не въ отдѣльномъ только индивидуумѣ, но и въ цѣломъ обществѣ. Въ свою очередь самосознаніе національное облегчаетъ разобраться въ отношеніяхъ къ сосѣднимъ народностямъ, обосновать свою дружбу или вражду къ нимъ... Такъ возникаетъ исторія *поучительная*.

Но поученіе въ данномъ случаѣ есть понятіе уже производное, возникшее на почвѣ сознанія, что дѣянія и событія прошлыхъ временъ обладаютъ причинной связью, т. е. что одно событіе вызываетъ къ жизни другое, есть его *причина*, а это другое есть *слѣдствіе* того перваго; а разъ явилась возможность отыскивать въ историческомъ событіи его причину и слѣдствіе, то фактъ, помимо конкретнаго значенія, получилъ ещё и свой внутренній смыслъ. Такъ возникла исторія *прагматическая*, изучающая событія прошлаго въ ихъ причинной связи, *τὰ πράγματα*, или, какъ выражались древніе римляне:

res gestae, чему вполнѣ соотвѣтствуетъ наше старинное *дѣи* и, хотя болѣе позднее, но тоже мало употребительное: *дѣянія*. Срав. однородныя наименованія въ родственныхъ славянскихъ языкахъ: польскомъ — dzieje, чешскомъ: dějiny. Такимъ образомъ исторія поучительная есть лишь частичное проявленіе прагматической исторіи.

Въ современномъ языкѣ слово «прагматизмъ», какъ терминъ, не обладаетъ желаемою точностью и опредѣленностью. Подъ выраженіемъ: «исторія прагматическая» нерѣдко видятъ сочетаніе трехъ признаковъ: изложеніе историческихъ явленій, причинную связь этихъ явленій и поучительный характеръ, какимъ обладаютъ эти явленія. Иные же, наоборотъ, словомъ «прагматическій» опредѣляютъ преимущественно какой-нибудь одинъ изъ названныхъ признаковъ, подчеркивая: или изложеніе фактовъ, внѣшнихъ событій, въ отличіе отъ изображенія быта, состоянія, явленій внутренней жизни, или причинную связь — въ отличіе отъ простого повѣствованія; или же, наконецъ, поучительную сторону — въ послѣднемъ случаѣ не дѣлая уже никакой разницы межъ исторіей «поучительной» и «прагматической».

Какъ ни отличны задачи исторіи повѣствовательной и исторіи прагматической, но ставить рѣзкихъ граней межъ ними невозможно. Зародыши прагматизма не трудно прослѣдить въ пору еще полнаго господства исторіи повѣствовательной. Если греческіе логографы, смѣнившіе кикликовъ, этихъ «историческихъ поэтовъ», если западно-европейскіе монахи-составители хроникъ или русскіе лѣтописцы-Несторы въ сущности даютъ почти лишь одну прозаическую запись мѣстной саги, мѣстнаго историческаго событія или, самое большее, сводятъ эти данныя, нѣсколько расширяя территоріальный объемъ ихъ дѣйствія; то въ этой, чисто внѣшней, механической работѣ, безъ умѣнья отличить невѣроятное отъ достовѣрнаго, басни отъ истины, все же можно прослѣдить по крайней мѣрѣ намекъ на критику и первые проблески личной оцѣнки прошлаго.

Геродотъ (V вѣкъ до Р. Х.) идетъ еще дальше. Хотя въ его повѣствованіи реальный фактъ, къ тому же не всегда рас-

познанный отъ саги, и преобладаетъ надъ идеею; хотя внутренніе мотивы вскрыты очень слабо, но уже чувствуется стремленіе объединить явленія, и связать ихъ общей нитью. Какъ извѣстно, всѣ девять книгъ его исторіи группируются вокругъ одного общаго центра — борьбы грековъ съ персами, и все изложеніе построено на томъ, чтобы провести одну главную мысль: торжество духовной силы надъ грубой варварской. Потому-то Геродотъ и считается «отцомъ исторіи», такъ какъ онъ первый далъ возможность внѣшнюю хронологическую послѣдовательность замѣнить внутреннимъ сцѣпленіемъ.

Но то, что Геродотъ скорѣе предчувствовалъ, скорѣе инстинктивно понималъ, то отчетливо рисуется Өукидиду (род. 464 до Р. Х.) — причина, почему именно въ немъ многіе хотятъ видѣть истиннаго родоначальника прагматической исторіи. Өукидидъ берется за перо съ цѣлью составить ясное представленіе о прошломъ, ища въ немъ примѣра и поученія для аналогичныхъ явленій своего времени и будущаго. Жизнь творится людьми, и потому на первый планъ выступаетъ психологическій анализъ дѣяній человѣческихъ. Психологическая оцѣнка исторіи и есть та почва, на которой собственно возникаетъ поученіе грядущимъ поколѣніямъ. Но истинный творецъ прагматизма Поливій (II в. до Р. Х.), который и самый трудъ свой по всемірной исторіи озаглавилъ *πραγματική ἱστορία;* не довольствуясь однимъ простымъ изложеніемъ хода событій, онъ всюду отыскивалъ причины съ ихъ слѣдствіями, такъ какъ это лучшее, по его мнѣнію, *πράξεις τῶν ἐθνῶν καὶ πόλεων καὶ δυναστῶν.*

Прагматическій взглядъ на изученіе прошлаго можно прослѣдить черезъ всю исторію нашей науки: наиболѣе видные представители его въ древности, кромѣ названныхъ, Корнелій Непотъ, Плутархъ и въ особенности Тацитъ; послѣдній писалъ свою «Германію» прямо съ цѣлью воспитательной. Позже, придворная исторіографія Византіи, полная субъективной оцѣнки и партійности, ищетъ въ прошломъ оправданія современнымъ дѣйствіямъ. Практическая сторона исторіи для Макіавелли (1469—1527) прямо вытекаетъ изъ того, что люди вездѣ одинаковы и что въ любой эпохѣ можно отыскать аналогію съ

міромъ классическимъ, который въ его пору собственно и составлялъ объектъ историческаго изученія. Поэтому онъ искренно скорбитъ о томъ, что современные ему государственные дѣятели не берутъ примѣра съ древнихъ, не хотятъ смаковать исторіи и въ историческомъ повѣствованіи интересуются одной только калейдоскопической смѣной событій (Discorsi sopra la prima decade di Tito Livio. 1532). Въ XVIII столѣтіи блестящимъ и талантливымъ представителемъ прикладного взгляда на исторію является лордъ Болинброкъ. Въ «Letters on the study and use of history» (London, 1778) онъ доказываетъ, что исторія воспитываетъ, насколько развивая въ насъ благородный патріотизмъ, настолько же и уберегая отъ національнаго самомнѣнія. Хотя судъ исторіи, подобно суду египтянъ надъ умершими, есть судъ нѣсколько запоздалый, онъ тѣмъ не менѣе всегда можетъ служить къ общему назиданію.

Для русскаго современника Болинброка, историка Татищева (1686—1750), исторія носитъ завѣдомо практическій, чисто *прикладной* характеръ: она «учитъ о добрѣ прилежать и зла остерегаться». Татищевъ очень наивно, но вмѣстѣ съ тѣмъ наглядно поясняетъ свою мысль. «Напримѣръ, какъ я вспомню, что я вчера видѣлъ рыбака рыбу ловяща и не малую себѣ тѣмъ пользу пріобрѣтоша, то я, конечно, имѣю въ мысли нѣкоторое побужденіе равномѣрно о такомъ же пріобрѣтеніи прилѣжать; или, какъ я видѣлъ вчера татя или другого злодѣя, осужденнаго тяжкому наказанію или смерти, то меня, конечно, страхъ отъ такого дѣла подверженнаго погибели удерживать будетъ; равномѣрно всѣ читаемыя нами исторіи такъ: *дѣла древнія иногда такъ чувствительно намъ воображаются, какъ бы мы собственно то видѣли и ощущали»* (курсивъ Татищева).

Въ XIX стол. изъ категоріи историковъ-прагматиковъ можно указать, для примѣра, на Гизебрехта и Карамзина. Первый въ своей «Geschichte der deutschen Kaiserzeit» (выходила съ 1855 по 1888 г.) восторженно рисовалъ необъединенной еще въ ту пору Германіи эпоху ея наивысшаго блеска и могущества, и съ чувствомъ удовлетворенной гордости могъ впослѣдствіи убѣдиться, что его патріотическое одушевленіе не прошло безслѣдно и сыграло свою роль въ исторіи объединительнаго дви-

женія современной Германіи. Для автора «Исторіи Государства Россійскаго» исторія есть «священная книга народовъ», «завѣтъ предковъ къ потомству», «примѣръ будущаго». Правителей и законодателей исторія, по убѣжденію Карамзина, научитъ, какъ «согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье»; простого гражданина примиритъ «съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей», утѣшитъ «въ государственныхъ бѣдствіяхъ».

Въ тѣсной связи съ исторіей поучительной стоятъ попытки уразумѣть исторію, какъ проявленія *провинденціальной* силы, божественнаго вмѣшательства. Жизнь людей, по этому представленію, направляется рукой Божіей. Всѣ измѣненія въ судьбѣ человѣчества: и мирный ростъ государственныхъ обществъ, и войны, и народныя бѣдствія, перевороты и геніальные люди, смѣны династій и умственный ростъ — все это появляется и совершается по мудрому предначертанію Божественной воли, карающей или награждающей человѣка. «Своимъ предвѣчнымъ разумомъ, говорятъ сторонники провиденціализма, эта Воля мудро предопредѣлила пути человѣка, приспособила силы людей и силы природы къ осуществленію всемірной гармоніи». Такіе выдающіеся умы, какъ блаженный Августинъ (ум. 430) въ своемъ сочиненіи «De civitate Dei» или Боссюэтъ въ «Discours sur l'histoire universelle jusqu'à l'empire de Charlemagne» (Paris, 1681) потратили не мало таланта для доказательства этой болѣе чѣмъ сомнительной теоріи. Напримѣръ, послѣдній изъ сейчасъ названныхъ писателей, составляя свой знаменитый трактатъ для сына Людовика XIV, старался убѣдить наслѣдника гордаго самодержца въ томъ, что государи, при всемъ ихъ могуществѣ и свободѣ дѣйствій, не болѣе какъ простое орудіе Провидѣнія. По мнѣнію Вико, жизнь человѣчества течетъ по вѣчнымъ и незыблемымъ законамъ, согласно плану, заранѣе предустановленному Божествомъ; въ сущности ту же мысль проводитъ и Гердеръ, говоря, что величіе и мудрость Бога сказываются одинаково какъ въ законахъ, управляющихъ жизнью природы, такъ и въ законахъ, которымъ подчинена жизнь человѣка; въ послѣднее время бельгійскій ученый Лоранъ провелъ ту же мысль черезъ всю исторію человѣчества въ

своемъ многотомномъ трудѣ: «Etudes sur l'histoire de l'humanité». (Bruxelles, 1861—1870, 18 vls).

Но мысль строго научная, отнюдь не задѣвая догматовъ религіи, не рѣшится слѣдовать указаннымъ путемъ, находя его слишкомъ скользкимъ и въ научномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ: въ научномъ — потому что такое положеніе нельзя подтвердить точными данными; въ нравственномъ — такъ какъ пришлось бы взвалить на Верховное существо отвѣтственность не только за хорошіе, но и дурные поступки людей. Въ такое неудобное положеніе, къ слову сказать, поставилъ себя и нашъ русскій ученый, проф. Надлеръ, заставивъ, въ талантливомъ трудѣ своемъ: «Императоръ Александръ I и идея Священнаго союза» (Рига, 1886—1893, 5 тт.) Господа Бога держаться одновременно и Франціи и русской стороны, помогать Наполеону, какъ «бичу въ рукахъ Божіихъ для вразумленія людей», и Александру, котораго «избралъ орудіемъ Своего промысла»...

Такимъ образомъ, въ результатѣ, стремленіе къ поученію привело къ искусственному подбору фактовъ: въ исторіи начали видѣть не то, что *было*, а то, что *хотѣли* видѣть, — другими словами, вмѣсто положительнаго знанія возникла субъективная оцѣнка прошлаго. Это неизбѣжно должно было породить протестъ, и мы видимъ, что уже съ давнихъ поръ дѣлались серьезныя попытки выработать болѣе научныя концепціи въ пониманіи прошлаго, уловить основной характеръ и направленіе въ жизни человѣчества, съ помощью пріемовъ болѣе спокойныхъ и объективныхъ. Какъ ни мало способны онѣ въ цѣломъ удовлетворить современное знаніе, послѣднее однако во многомъ обязано своими успѣхами этимъ попыткамъ.

Одною изъ первыхъ по времени можно считать систему, предложенную итальянцемъ Вико въ его сочиненіи «Новая Наука» (Scienza Nuova, 1725). Общество, говоритъ Вико, та же личность: какъ послѣдняя, явившись на свѣтъ, оно растетъ, мужаетъ, потомъ старѣетъ, наконецъ, умираетъ; какъ на смѣну одного поколѣнія выступаетъ другое, такъ и всякое общество смѣняется другимъ, которое должно пережить тѣ же послѣдовательныя стадіи развитія. Такихъ стадій или періодовъ собственно три: божественный, героическій и чело-

2

вѣческій; ихъ совокупность составляетъ одинъ законченный циклъ. Въ первомъ періодѣ человѣкъ еще совершенно подавленъ природой и не опозналъ своихъ силъ; чувство страха передъ мощными силами природы побуждаетъ его боготворить ихъ и создать религіозный культъ; это эпоха патріархальной власти въ семьѣ, авторитетъ жреческаго сословія. Вѣкъ *героическій* — уже выдѣляетъ надъ толпой отдѣльныхъ личностей, создаетъ ихъ авторитетъ сообразно степени силы, какую онѣ проявляютъ, пользы или вреда, какую оказываютъ обществу. Поэмы Гомера — наиболѣе яркое выраженіе этой поры. Третій и послѣдній періодъ характеризуется тѣмъ, что на первое мѣсто выдвинуто общество и его интересы; аристократія смѣняется преобладаніемъ демократіи; индивидуальная жизнь не поглощена толпой, а, наоборотъ, получаетъ широкій просторъ. Это есть пора высшаго духовнаго развитія; но за ней слѣдуетъ разложеніе: справедливость уступаетъ мѣсто произволу, богатые классы начинаютъ угнетать бѣдныхъ; религія смѣняется философіей; наступаютъ внутреннія неурядицы, демократія превращается въ монархію, и лучшіе люди, подъ гнетомъ разочарованія, taedium vitae, замыкаются въ личную жизнь, очищая мѣсто худшимъ элементамъ. Для общества наступаетъ тогда духовная и политическая смерть подъ напоромъ надвигающагося варварства. Таковъ былъ циклъ, пройденный человѣчествомъ отъ перваго момента міозданія до паденія Римской имперіи. Второй циклъ начался съ среднихъ вѣковъ, съ появленіемъ на сценѣ полудикихъ германскихъ племенъ.

Вико видѣлъ въ обществѣ аналогію съ человѣкомъ или, правильнѣе, съ поколѣніемъ, смѣняющимся одно за другимъ; вторая половина XVIII вѣка выдвинула новый принципъ, разсматривая человѣчество, какъ единый цѣльный организмъ, безконечно развивающійся и движущійся впередъ. Такъ, *Лессингъ* (Die Erziehung des Menschengeschlechts, 1780) говоритъ о трехъ возрастахъ, олицетворяемыхъ еврействомъ — съ его примитивной моралью и формулой: «око за око, зубъ за зубъ»; христіанствомъ — провозгласившимъ любовь къ ближнему и пугающимъ карой возмездія, и, наконецъ, третьимъ, будущимъ

состоянiемъ человѣчества, когда люди станутъ любить добро и справедливость не изъ чувства страха, а ради самого добра и справедливости.

Гораздо полнѣе идея человѣческаго рода, какъ единаго цѣльнаго организма, и его постояннаго прогресса развита у Кондорсе и Гердера. У перваго (Esquisse d'un tableau historique des progrès de l'esprit humain. Paris, 1794) особенно выдвинута мысль о безконечномъ совершенствованiи человѣчества; второй — (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit. Riga, 1784—1791, 4 Theile) впервые широко обосновалъ жизнь человѣчества на базѣ законовъ внѣшней природы, какъ фактора, во многомъ опредѣлившаго и влiяющаго на эту жизнь.

Въ свое время не мало поклонниковъ имѣлъ Гегель (1770—1831), видѣвшiй въ исторiи проявленiе всеобщаго мiрового духа, Weltgeist'а, и смыслъ исторiи признававшiй въ постоянномъ наростанiи (прогрессѣ) *сознанiя свободы.* По ученiю нѣмецкаго философа, всемiрная исторiя есть послѣдовательная смѣна четырехъ всемiрно-историческихъ имперiй: восточной, греко-македонской, римской и германской. Каждая опредѣляетъ собою извѣстную фазу развитiя мiрового духа: его дѣтство, юность, зрѣлость и старость, умудренную опытомъ и вѣками накопленнымъ знанiемъ. Такимъ образомъ, Древнiй Востокъ, греки, римляне и германцы опредѣлили собою характеръ и смыслъ всемiрной исторiи; остальныя народности лишь несущественные придатки къ этимъ четыремъ главнымъ, такъ наз. *народы неисторическiе.*

Въ отличiе отъ историческихъ системъ второй половины XVIII ст., теорiя Гегеля не оставляетъ мѣста надеждамъ на безконечное совершенствованiе человѣчества: германцы призваны сказать послѣднее слово, и прогрессъ человѣчества закончится ими. Это не есть смерть духа, какъ у Вико, но предѣлъ его развитiя. Точно такую же высшую точку, а вмѣстѣ съ нею и предѣлъ прогресса, указываетъ французскiй философъ Контъ (1798—1857), видѣвшiй призванiе человѣчества въ послѣдовательномъ раскрытiи *истины* и накопленiя *знанiя.* Три научныхъ фазиса, богословскiй, метафизическiй и позитивный,

опредѣлили собою три основныхъ историческихъ эпохи. Гранями этихъ эпохъ были: для перваго и второго — XIV вѣкъ, смѣна феодальнаго порядка единодержавнымъ и, параллельно, авторитета церкви свободной мыслью, началомъ критики и протеста; для второго и третьяго — конецъ XVIII и начало XIX ст., эпоха великой французской революціи. Позитивный вѣкъ — самый совершенный. Его задача — выработать, при помощи науки, идеальную организацію общественныхъ отношеній, чѣмъ исключается, какъ и у Гегеля, надобность и даже самая возможность дальнѣйшаго движенія, т. е. прогресса, въ человѣчествѣ.

Всѣ эти и другія, подобныя имъ построенія исторіи, даже и тѣ, гдѣ, какъ напримѣръ, у Вико или Гердера, проскальзывалъ старый взглядъ, все болѣе и болѣе убѣждали, особенно въ связи съ огромными успѣхами естествознанія послѣдняго столѣтія, въ неудовлетворительности взгляда на исторію, какъ на поучительную страницу, наставницу жизни, или какъ на проявленіе Божественнаго Промысла. Вотъ почему современная наука, какъ было замѣчено, ищетъ опредѣленія исторіи и ея задачъ въ ней самой, на почвѣ исключительно объективной. Вопросъ о томъ, полезна исторія или нѣтъ, скучна или полна захватывающаго интереса, поучительна или тривіальна, остается для нея побочнымъ. Діалектическія системы, вродѣ Гегелевской или Кантовской, будучи продуктомъ не реальныхъ фактовъ, а чисто теоретическихъ построеній, также не удовлетворяютъ ее. Какъ ни законно желаніе вскрыть *смыслъ*, который имѣютъ для насъ историческія событія, оно всегда будетъ носить субъективный характеръ и лишь покажетъ, съ какой стороны мы подходимъ къ ихъ изученію. Когда же я хочу составить себѣ ясное понятіе о какомъ-либо явленіи или предметѣ, я прежде всего долженъ ознакомиться съ его реальнымъ содержаніемъ, такъ сказать, съ его веществомъ, изъ котораго онъ состоитъ. На этомъ убѣжденіи и выросло современное представленіе объ исторіи и ея задачахъ.

Подобно тому какъ натуралистъ изучаетъ явленіе въ природѣ, тщательно забывая свое Я, отнюдь и не думая задаться вопросомъ: насколько ему лично хорошо или худо отъ того,

что данное явленіе существуетъ, данный процессъ совершается, — такъ и историки позднѣйшей формаціи додумались до того, чтобъ изучать возникновеніе, послѣдовательный ростъ явленія съ строжайшей объективностью. Въ основу наблюденія положена идея *развитія* (Entwickelung, evolution). Прошлому не задаютъ никакихъ вопросовъ практическаго характера, сколько-нибудь носящихъ отзвукъ тѣхъ интересовъ, что волнуютъ современнаго человѣка; у прошлаго не ищутъ никакихъ совѣтовъ, а хотятъ лишь понять сущность явленія, его особенности, его *генезисъ*. Это достигается путемъ тщательнаго и спокойнаго анализа, путемъ строгой критики, сравненій и сопоставленій. Явленія берутся не изолированно, а во взаимной связи, какъ рядъ эволюціонныхъ моментовъ; не такъ, какъ они большей частью представляются при первомъ непосредственномъ наблюденіи, а такъ, какъ происходятъ въ дѣйствительности. Задачей историка становится раскрыть научную истину, добыть чистое знаніе — и только: не больше, но и не меньше. Лишь при этихъ условіяхъ исторія могла стать настоящей наукою. Это и есть ея новѣйшая, послѣдняя, *генетическая* стадія развитія. Таковою она стала недавно, лишь съ прошлаго столѣтія, не раньше, — собственно говоря съ трудовъ нѣмецкаго историка Нибура (1776—1831), положившаго начало историко-критической школѣ (важнѣйшій трудъ его: Römische Geschichte, Berlin 1811—1832, 3 Bde); работы же его учениковъ и послѣдователей, Ранке, Зибеля, Дройзена, Соловьева, Фюстель-де-Куланжа, Тэна, Фримана, Ключевскаго подняли эту генетическую исторію на высоту очень почетную и обезпечили ей дальнѣйшее развитіе въ указанномъ направленіи.

3. Опредѣленіе исторіи.

Сказанное выше все еще не даетъ полнаго отвѣта на поставленный вопросъ. Мы узнали, какъ должна строиться исторія, какихъ пріемовъ слѣдуетъ держаться, чтобъ обезпечить себѣ точное значеніе и возстановить правдивую картину прошлаго; но пока еще не выяснили другого, не менѣе важнаго пункта: что именно изучаетъ исторія, что собственно

составляетъ объектъ ея наблюденій? Постараемся подойти къ рѣшенію этого вопроса путемъ нижеслѣдующихъ разсужденій.

Любое явленіе, любой предметъ духовнаго и матеріальнаго міра возможно изучать съ трехъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія: со стороны его *бытія*, *развитія и отношенія* къ другимъ явленіямъ и предметамъ. Отсюда — три метода наблюденія. Изучая бытіе, мы ставимъ себѣ цѣлью узнать, каково есть явленіе (предметъ) само по себѣ, изъ чего оно состоитъ, въ чемъ его сущность, природа — это такъ наз. *естественно-историческій* методъ. Изучая развитіе, мы наблюдаемъ процессъ послѣдовательныхъ измѣненій и преобразованій, переходовъ явленія или предмета изъ одного состоянія въ другое — это методъ *историческій*. Наконецъ, послѣдній пріемъ называется *философскимъ*, когда явленіе изучается не само по себѣ въ отдѣльности взятое и не въ послѣдовательныхъ хронологическихъ моментахъ его бытія, а въ томъ соотношеніи, въ какомъ стоитъ оно къ другимъ явленіямъ нашего міра.

Зоологъ или ботаникъ, изучающій животное, растеніе, какъ оно есть само по себѣ, его состояніе, его сущность, физикъ или химикъ, изслѣдующій сущность даннаго физическаго или химическаго явленія — изучаютъ его бытіе и слѣдуютъ методу естественно-историческому; но тотъ же зоологъ, слѣдя за тѣмъ, какіе послѣдовательные моменты существованія переживаетъ объектъ его наблюденій, будетъ изучать его уже исторически; и, наконецъ, если его бытіе и развитіе онъ поставитъ въ связь съ существованіемъ и перемѣнами другихъ органическихъ и неорганическихъ индивидуумовъ, другими словами, опредѣлитъ его мѣсто въ природѣ — онъ будетъ слѣдовать методу философскому. Точно такъ же мадонну Рафаэля, трагедію Шекспира можно изучать или со стороны ихъ содержанія, или тѣхъ измѣненій, какія онѣ претерпѣвали (въ сознаніи ли художника, въ періодъ созиданія, послѣдующую ли судьбу), или въ связи съ другими явленіями, болѣе или менѣе однородными по содержанію или болѣе отдаленными, все равно.

Мы сейчасъ установили, что всѣ явленія можно разсматривать исторически; но собственно объектъ исторіи, какъ науки,

есть одинъ лишь человѣкъ. Процессъ измѣненія какого-нибудь цвѣтка, насѣкомаго, птицы, земного шара или климата входитъ въ область другихъ дисциплинъ: ботаники, зоологіи, геологіи, физической географіи, — но исторіи, какъ спеціальной науки онъ не подлежитъ. Да и самый человѣкъ берется исключительно лишь какъ существо разумное, отпечатлѣвшее на себѣ образъ и подобіе Божіе. Исторія предоставляетъ анатому, физіологу изучать его, какъ homo sapiens, какъ зоологическій видъ; антропологу — какъ выраженіе племенныхъ и расовыхъ особенностей; себѣ же она отмежевываетъ собственно духовную сторону его существованія. Но даже и это понятіе человѣка — «разумнаго существа» оказывается слишкомъ широкимъ для историка. *Не всякаго* разумнаго человѣка и не *все* въ данномъ человѣкѣ беретъ историкъ. Явленія индивидуальной, лично-семейной жизни онъ оставляетъ всецѣло въ сторонѣ. Не звучи это парадоксомъ, можно было бы сказать, что исторія совсѣмъ никакого дѣла не имѣетъ съ человѣкомъ — она знаетъ лишь *человѣческое общество*.

Въ жизни отдѣльнаго человѣка, вашей или моей одинаково, неразрывно слиты двѣ стороны существованія: индивидуальнаго, личнаго и общественнаго. Хотя одна отъ другой реально неотдѣлимы, потому что въ любую минуту своего бытія я живу, дѣйствую и какъ отдѣльная особь, и какъ гражданинъ, какъ членъ общества, къ которому принадлежу по рожденію или по отношеніямъ; тѣмъ не менѣе не только та, но и эта сторона существованія, если дѣло касается лично меня, есть область не исторіи, а біографіи. Но дѣянія мои, какъ гражданина, неизбѣжно соприкасаютъ мою жизнь съ дѣяніями вашими, всякаго третьяго лица, то-есть, со всѣми членами нашего общества, а дѣянія нашего общества съ дѣяніями другихъ обществъ. Это соприкосновеніе порождаетъ взаимныя вліянія и воздѣйствія, обусловливаетъ извѣстныя отношенія, поступки, тѣ или другіе факты, — словомъ, создаетъ все то, что мы называемъ совмѣстною жизнью людей, жизнью общества. Процессъ развитія этой-то совмѣстной жизни людей, взятыхъ не въ отдѣльности, а людей, дѣйствующихъ въ громадномъ міровомъ обществѣ, совокупную жизнь ихъ именно какъ членовъ

этого общества, короче говоря, *жизнь самого общества* — вотъ что собственно изучаетъ исторія.

Этимъ опредѣляется и отличіе самой исторіи отъ біографіи. Для біографа общество, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ объектъ его пера, есть лишь фонъ, на которомъ онъ строитъ свое описаніе, лишь средство ярче освѣтить самую личность, хотя общественная сторона дѣятельности этой личности отнюдь не менѣе дорога біографу, какъ и лично-семейный ея міръ. Но въ то время какъ подъ увеличительнымъ стекломъ біографа малѣйшая черта моя выступаетъ выпукло и отчетливо, будучи цѣнна сама по себѣ, — на обширномъ полѣ историческаго кругозора я не болѣе мелкой точки рядомъ съ милліонами другихъ подобныхъ, причемъ даже и въ такомъ видѣ пріобрѣтаю право на существованіе лишь по связи своей съ этими остальными милліонами. Такимъ образомъ, частности моей жизни, разъ онѣ носятъ личный характеръ, ничего не внося въ уясненіе общества, лежатъ внѣ наблюденія историка, для котораго я — лишь микроскопическая грань безконечногранника, именуемаго обществомъ. Всѣ личныя мои грани точно пропали въ немъ, сохранилась всего одна, именно та, черезъ которую я соприкасаюсь съ другими.

Если можно отыскивать сходство между исторіей и біографіей, то развѣ въ томъ, что обѣ онѣ изучаютъ живой организмъ: біографія — организмъ болѣе простой: индивидуумъ; исторія — болѣе сложный: общество. Но въ то время какъ біографъ имѣетъ передъ собой осязаемую, конкретную, доступную его матеріальному глазу личность; историкъ можетъ только умственнымъ окомъ охватить объектъ своего изученія, и это не только потому, что онъ наблюдаетъ явленія прошлыя, уже исчезнувшія, болѣе неповторяемыя, но также и вслѣдствіе того, что объектъ его наблюденія состоитъ, на обыкновенный глазъ, изъ совершенно отдѣльныхъ особей, имѣющихъ, каждая, свою индивидуальную волю, желанія и, повидимому, живущихъ каждая сама по себѣ, по своему плану и самостоятельной программѣ. Нужно много вниманія, чтобы въ этихъ отдѣльныхъ единицахъ признать неразрывныя части одного цѣлаго, живущаго одною общею жизнью, и убѣдиться во внутреннемъ

единствѣ этого, повидимому, столь разнообразнаго міра, — короче говоря, признать въ обществѣ единый цѣльный организмъ съ такою же индивидуальной жизнью, какъ и жизнь отдѣльной особи. Такой то и только такой организмъ изучаетъ исторія.

«Такимъ образомъ исторія ставитъ себѣ задачей слѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ человѣческой дѣятельности въ обществѣ, за смѣной тѣхъ явленій и состояній, совокупность коихъ составляетъ жизнь общества, выражающаяся въ творческой работѣ его духа — въ организаціи правовыхъ, экономическихъ и соціальныхъ отношеній, въ техническихъ усовершенствованіяхъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, въ литературѣ, искусствѣ, наукѣ»*).

Этимъ опредѣленіемъ исторіи уясняется отличіе ея отъ соціологіи. Исторія изучаетъ явленія и состоянія, соціологія— законы этихъ явленій и состояній.

4. Исторія поучительная, прагматическая и генетическая. Положительное значеніе каждой изъ нихъ.

Итакъ мы опредѣлили, что́ надо понимать подъ словомъ исторія, причемъ прослѣдили и главные моменты въ развитіи этого термина. Но если одинъ моментъ, во времени, смѣнялся другимъ, то значитъ ли это, что исторія прагматическая смѣнила исторію поучительную съ тѣмъ, чтобы въ свою очередь быть смѣненной исторіей генетической? Нисколько. Исторія генетическая, разумѣется, есть высшее проявленіе историческаго знанія, но она отнюдь не должна и не можетъ исключать потребности въ остальныхъ двухъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ, на извѣстной степени развитія насъ можетъ удовлетворить одна лишь повѣствовательная исторія, картинное изложеніе; да и взрослая публика, въ массѣ цѣнитъ, главнымъ образомъ, эту форму. Баяны, распѣвавшіе при дворахъ древне-русскихъ князей, прославляли прежде всего славу, *подвиги, дѣи* богатырей и героевъ, не задаваясь никакой мыслью о генезисѣ, а между тѣмъ

*) E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode.

ихъ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Интересъ къ историческому знанію, замѣчаемый въ русскомъ обществѣ за послѣднія десятилѣтія, конечно, главнымъ образомъ, питается не желаніемъ вскрыть научную подкладку событій, а желаніемъ ознакомиться съ тѣмъ, что было. Само распространеніе въ наше время историческаго (и въ рѣдкихъ случаяхъ художественнаго) романа находитъ свое объясненіе именно въ этомъ интересѣ къ повѣствовательной сторонѣ исторіи. Да и для высокообразованнаго человѣка фактическая сторона имѣетъ большую цѣну; самъ историкъ-генетикъ почерпаетъ въ ней обильный матеріалъ для своихъ обобщеній, наглядный обзоръ событій, необходимый для его работъ.

Еще шире примѣненіе исторіи прагматической. Не говоримъ уже про то, что самый генезисъ явленій не мыслимъ безъ привлеченія основной идеи прагматизма, причинной связи событій, — не менѣе широко приложеніе къ жизни и поучительной стороны исторіи. Въ рукахъ опытнаго педагога она даетъ прекрасный воспитательный матеріалъ. Образы спартанскаго царя Леонида, римскаго консула Деція Муса, Жанны д'Аркъ, Сусанина, Минина, Вашингтона научатъ ребенка и юношу горячѣе любить свою родину; Петръ Тразеа, христіанскіе мученики, Гуссъ, Колумбъ, Галилей, Ломоносовъ вдохнутъ мужество и готовность бороться за идею. Французскій король Генрихъ IV, посылающій хлѣбъ осажденному имъ Парижу, вызоветъ улыбку презрѣнія въ современномъ Мольтке и Гинденбургѣ, но заставитъ лишній разъ съ умиленіемъ забиться дѣтское сердце. И сколько благороднаго негодованія породятъ тираническіе поступки Нерона, Камбиза, Атиллы, Ивана Грознаго, безсердечный эгоизмъ Святополка Окаяннаго, Давида Игоревича! Сколько презрѣнія вызоветъ Эфіальтъ, Катилина, Бовадилья!.. Длинный рядъ такихъ государственныхъ дѣятелей, какъ Ѳемистоклъ, Алкивіадъ, Цесарь, Ришелье, Карлъ XII, царевна Софья, Петръ Великій, Наполеонъ I, научитъ юношу понимать, что достоинство и недостатки, добро и зло, польза и вредъ сплошь и рядомъ уживаются въ людяхъ одно подлѣ другого и что было бы грубой ошибкой при оцѣнкѣ людей смотрѣть только на одну сторону, игнорируя другія.

А какое богатое и плодотворное поле для наблюденій представляетъ исторія вообще для всякаго, будетъ ли это государственный человѣкъ, въ чьихъ рукахъ судьба многихъ и многихъ людей, или простой смертный, но чувствующій себя аристотелевскимъ *ζῶον πολιτικόν*, членомъ большого общественнаго организма, и потому ищущій въ исторіи отвѣта на свои общественные запросы! Исторія прежнихъ ошибокъ и уклоненій отъ истины — прекрасное предостереженіе отъ ихъ повтореній. Пользуйся люди почаще опытомъ прошлаго, и перечень суровыхъ карательныхъ мѣръ, насилій надъ человѣческой совѣстью занялъ бы, несомнѣнно, меньшее число страницъ въ общей исторіи человѣчества; люди прониклись бы бóльшимъ сознаніемъ необходимости съ убѣжденіемъ бороться только на почвѣ убѣжденія, отнюдь не прибѣгая къ средствамъ матеріальнаго характера; меньше пылало бы аутодафеальныхъ костровъ, меньше было бы пытокъ, преслѣдованія раскольниковъ, не такъ бы вѣрили въ силу канцелярскихъ указовъ и распоряженій въ тѣхъ случаяхъ, когда таковые идутъ въ разрѣзъ съ убѣжденіемъ и потребностями большинства.

Исторія вообще обладаетъ могучей способностью воспитательно дѣйствовать на массу. Дѣйствительно, отчего такъ восторженно былъ принятъ Геродотъ на Олимпійскихъ играхъ? Конечно, потому, что великій историкъ своей книгою сумѣлъ пробудить у своихъ слушателей струю высокаго патріотизма. Выше уже было упомянуто о вліяніи историка Гизебрехта въ національномъ ростѣ германскаго народа. Митрополитъ Платонъ, сходящій съ церковной каѳедры, въ день празднованія Чесменской побѣды, и взывающій передъ гробомъ Петра къ тѣни перваго нашего императора, тоже въ эту минуту не только будилъ историческія воспоминанія, но и велъ своихъ слушателей въ направленіи, ему угодномъ.

Въ чемъ же, спрашивается, разгадка этого вліянія исторіи? Дѣло въ томъ, что сколь бы мало ни выдерживало *научной* критики опредѣленіе исторіи, какъ magistra vitae, человѣкъ въ своихъ *житейскихъ* потребностяхъ все-таки не перестанетъ искать въ ней уроковъ и точки опоры своимъ дѣйствіямъ и поступкамъ. Это потому, что онъ живетъ одновременно и умомъ и сердцемъ.

Умъ его охотно приметъ объективный выводъ генетической исторіи, гласящій, что жизнь общества зиждется не на случайныхъ, подверженныхъ капризу основаніяхъ, а обнаруживаетъ ту же соразмѣрность, устойчивость и гармонію, подобно устройству вселенной, царству природы, гдѣ все подлежитъ одному незыблемому, вѣчному закону. Но какой бы торжественной правдой, какой бы величавой истиной ни звучалъ этотъ выводъ, онъ еще мало говоритъ нашему сердцу. Помимо всего мы хотимъ найти у исторіи отвѣта также и на свои чувства, желанія, страсти, такъ какъ видимъ, что въ исторіи дѣйствуютъ такія же существа, какъ и мы сами.

Самая вѣра наша въ прогрессъ въ значительной степени зиждется на этихъ урокахъ исторіи. Научный терминъ прогресса до сихъ поръ еще твердо не установленъ. Но какъ бы его ни опредѣлять, какъ постоянное ли развитіе и измѣненіе, какъ постепенную ли дифференціацію явленій или гармоническое приспособленіе дѣйствій человѣка къ ихъ цѣлямъ; станемъ ли видѣть въ прогрессѣ послѣдовательную смѣну періодовъ, развитіе знанія или ростъ сознанія свободы, — никакое изъ подобныхъ опредѣленій не удовлетворитъ насъ: *для себя*, для своего внутренняго міра, мы будемъ примѣнять прогрессъ собственно въ области духа: разума и морали, сливая съ этимъ терминомъ, идею постояннаго совершенствованія ума и сердца и въ сознаніи этого совершенствованія находя точку опоры своей вѣрѣ и надеждамъ на конечное торжество идеаловъ.

Въ этой-то отзывчивости исторіи на самые дорогіе человѣку запросы между прочимъ разгадка и той притягательной силы, какою она обладаетъ. Науки математическія, при всей ихъ ясности и точности, для массы всегда останутся сухи и безжизненны. Красота математическихъ формулъ слишкомъ холодна, слишкомъ безстрастна, чтобы толпа могла ее почувствовать, тѣмъ болѣе увлечься. Науки о внѣшнемъ мірѣ (природѣ) привлекутъ вниманіе или грандіозностью предмета (астрономія, геологія), или непосредственнымъ къ намъ отношеніемъ; но на какое бы мѣсто въ природѣ ни поставила наука человѣка, для самого его эта природа будетъ только обстановкой и науки, ей посвященныя, только служебными по отношенію наукъ, из-

слѣдующихъ жизнь и дѣятельность духа. Искусство, литература, право, религія, философія и рядомъ съ ними исторія — вотъ сфера, гдѣ ищетъ себѣ человѣкъ отвѣта наивысшимъ запросамъ своего духа.

5. Опасныя стороны прагматизма.

Но не трудно видѣть, какъ область «желаній», которыя вносятся въ пониманіе прошлаго, ставитъ истинное знаніе въ крайне рискованное положеніе. Никто, конечно, не запретитъ намъ относиться съ симпатіей или антипатіей къ лицамъ, явленіямъ, но уже будетъ большимъ уклоненіемъ отъ исторической правды, если мы станемъ оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія этихъ сочувствій. Нашъ субъективизмъ неизбѣжно приведетъ къ тенденціозности, и въ общемъ получится одностороннее, то-есть ложное освѣщеніе. А этимъ и страдаютъ въ большей или меньшей степени историки названнаго направленія.

Благородное негодованіе Тацита, вызванное пороками современныхъ римлянъ, помѣшало ему, при обрисовкѣ быта германскихъ племенъ, сохранить историческое равновѣсіе; увлеченный патріотическимъ рвеніемъ остановить соотечественниковъ на пути паденія, онъ начерталъ имъ восторженную картину заальпійскихъ сосѣдей, идеализировалъ ихъ и —удалился отъ истины: роль историка онъ понялъ, какъ роль проповѣдника, цензора нравовъ.

Карамзинъ, воспитанный на идеяхъ Екатерининскаго вѣка, пережилъ тоже и бурную эпоху революціоннаго движенія. Въ сильной самодержавной власти видѣлъ онъ единственное спасеніе отъ бурь, волновавшихъ европейское общество. Въ прошлые вѣка присутствіе или отсутствіе этого фактора обусловило, по его мнѣнію, благо или зло, мощь или безпомощность. Историческаго роста самодержавія Карамзинъ не понимаетъ и видитъ въ немъ элементъ готовый, явившійся въ общество вполнѣ сформированнымъ. Съ такой предвзятой мыслью приступаетъ Карамзинъ къ «Исторіи Государства Россійскаго». Удивительно ли, что много свѣтлыхъ явленій вѣчевого періода, темныхъ въ періодъ роста Московскаго государства было имъ

не замѣчено. На одно онъ наложилъ болѣе мрачныя краски, другому придалъ болѣе радужный цвѣтъ. Петръ Великій былъ ему не симпатиченъ, такъ какъ отъ него пахло насильственнымъ переворотомъ, революціею, хотя бы и царственною; и много выше стоялъ въ глазахъ Карамзина Иванъ III, который подводилъ итоги, суммировалъ и, консервативно дѣйствуя въ духѣ своихъ предшественниковъ, привелъ къ концу закладку фундамента самодержавной власти.

Припомнимъ Тита Ливія и его патріотическія басни о первыхъ вѣкахъ римской исторіи; Люи Блана и Тэна, историковъ французской революціи, давшихъ столь неодинаковую оцѣнку и картину одного и того же событія; нѣмецкую исторіографію конца прошлаго вѣка, воспитанную на побѣдахъ 1870—1871 г. г. и не сумѣвшую уберечь себя, въ описаніи своего прошлаго, отъ самохвальной гордости и квасного патріотизма; или, наконецъ, исторіографію итальянскую, посвященную такъ наз. «Возрожденію» (il Risorgimento), недавнему политическому объединенію Италіи, — исторіографію, проникнутую страстнымъ чувствомъ ненависти, къ свѣтской ли власти или папству, смотря по тому, чья рука, клерикала или объединителя, водила перомъ. Все это лишній разъ доказываетъ, какъ трудно вообще отрѣшиться въ исторіи отъ субъективныхъ воззрѣній, обусловленныхъ временемъ, средой, воспитаніемъ и даже личными вкусами.

Вотъ почему, какъ ни законно было бы существованіе исторіи повѣствовательной и прагматической, но одна лишь исторія генетическая есть истинно научная исторія, отличительнымъ признакомъ которой всегда останутся спокойный объективизмъ, безстрастный анализъ фактовъ, внутренняя стройность, органическое сродство частей. Сравнительно позднее возникновеніе этой исторіи объясняется тѣмъ, что основной принципъ ея — идея развитія — продуктъ высокаго образованія и результатъ лишь позднѣйшихъ успѣховъ человѣческой мысли.

Постараемся же теперь выяснить тѣ условія, при какихъ могъ зародиться и окрѣпнуть научный генезисъ въ исторіи.

II. ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВИВШІЕ СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

1. *Вліяніе естествознанія на современную исторіографію.*

Историческое знаніе въ его теперешнемъ видѣ весьма многимъ обязано успѣхамъ естествознанія въ текущемъ столѣтіи, собственно *ученію о трансформаціи*, измѣняемости видовъ, или, какъ его чаще называютъ, теоріи постепеннаго и постояннаго развитія — *эволюціи*. Хотя старая школа натуралистовъ (Кювье, 1769—1832) тоже допускала трансформацію въ природѣ, но лишь въ видѣ бурныхъ переворотовъ, безпощадно сметавшихъ съ лица земли существующіе типы и замѣнявшихъ ихъ другими. Современное же ученіе, установленное, главнымъ образомъ, трудами Жоффруа Сентъ-Илера (1772—1844, въ разныхъ сочиненіяхъ), Ламарка (Philosophie Zoologique, 1809) и особенно Дарвина (On the origin of species by means of natural selection, 1859), въ основу свою положило мысль, что всякій организмъ подверженъ измѣненію, постоянному и неуклонному, что вся органическая жизнь на землѣ, съ перваго момента ея появленія, есть сплошное и непрерывное движеніе, не допускающее ни стаціонарности, ни скачковъ, — крайне медленное и постепенное, и что чѣмъ дальше идетъ это развитіе, тѣмъ формы и содержаніе организма изъ простыхъ становятся болѣе сложными, изъ слитныхъ — болѣе расчлененными*).

*) Существенную точку опоры получила новая теорія въ ученіи Ляйэлля (Principles of geology, 1830—1832), убѣдительно доказавшаго ложность гипотезы Кювье о переворотахъ на землѣ.

Основная мысль этого ученія была съ успѣхомъ приложена и къ сферѣ человѣческой дѣятельности и мысли. Языкъ въ первоначальной своей стадіи состоитъ изъ простыхъ корней, сочетаніе которыхъ путемъ простыхъ приставокъ одного корня къ другому даетъ слово, причемъ не только отсутствуютъ приставки и окончанія, но и не наблюдается никакого различія между частями рѣчи; это такъ наз. *корневые* (изолирующіе, односложные) языки (древне-египетскій, древне-китайскій, индо-китайскіе языки, тибетскій). Вторая ступень въ развитіи языка — *агглютинація*, сростаніе префикса, корня и суффикса въ одно цѣлое (финскіе, иначе: урало-алтайскіе языки). Наконецъ, третья ступень — *флексія*, измѣненія самаго слова (склоненіе, спряженіе) для выраженія грамматическихъ отношеній (языки индо-европейскіе и семитскіе).

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народовъ можно тоже прослѣдить три главныхъ послѣдовательныхъ момента: фетишизмъ, политеизмъ и монотеизмъ. Такую же эволюцію основательно ищутъ и въ сферѣ права, литературы, исторіи вообще. Первичною формою человѣческаго общежитія позволительно считать такъ наз. матріархатъ; послѣдовательно онъ превращается въ бытъ патріархальный, затѣмъ въ семейную общину, а послѣдняя въ свою очередь даетъ жизнь индивидуальной семьѣ. Точно такъ же и община, прежде чѣмъ стать государствомъ, должна пройти послѣдовательныя ступени союза общинъ, племенъ, иногда даже національностей.

Съ другой стороны образованіе новыхъ формъ на пространствѣ этой трансформаціи есть каждый разъ появленіе болѣе сложныхъ и болѣе разчлененныхъ, дифференцированныхъ видовъ. Подобно тому, какъ корни, стволъ, вѣтви, листья, почки, цвѣты и плодъ даннаго растенія были нѣкогда слиты и заключены въ простѣйшей формѣ — зернѣ; подобно тому какъ превращеніе яичка въ гусеницу, куколку и бабочку есть лишь послѣдовательныя стадіи одного и того же процесса, причемъ каждая новая форма совершеннѣе предыдущей, такъ и у младенчествующихъ народовъ предписанія религіи и нравственныхъ правилъ морали мыслятся обыкновенно еще нераздѣльно, какъ вытекающіе изъ одного общаго источника, а преступленія

противъ государства стоятъ въ одной категоріи съ преступленіями противъ Бога. Въ поэтическомъ творчествѣ такихъ народовъ еще нераздѣльно слиты эпосъ, лирика и драма, такъ что исторія поэзіи любого народа есть лишь постепенное выдѣленіе этихъ трехъ отраслей въ отдѣльныя и самостоятельныя. Въ греческой ѳеогоніи смѣшаны вѣрованія религіозныя съ представленіями научными, и требовалось не мало времени, чтобы выдѣлить, секуляризовать науку изъ области религіи.

Въ первобытномъ обществѣ функціи правителя, судьи, жреца и вождя (вспомнимъ библейскаго Авраама) сливались въ одномъ лицѣ, — въ современномъ каждая изъ нихъ существуетъ самостоятельнымъ органомъ съ массою второстепенныхъ и вспомогательныхъ. Мало того, что древній русскій князь самъ ѣдетъ на полюдье въ объѣздъ области для сбора дани и, заодно, для суда и расправы; но самая эта дань, будучи почти единственной формой княжескихъ доходовъ, замѣняла собою всѣ виды современныхъ: налоги косвенные, прямые, регаліи. Доходы княжескіе еще не выдѣлялись изъ государственныхъ, фискъ отъ эрарія.

Продолжая сравнивать жизнь нашихъ предковъ за 800—1000 лѣтъ назадъ съ современною, найдемъ, что тогдашнее общество еще не успѣло дифференцироваться въ сословія, что ему еще почти неизвѣстно раздѣленіе труда: воинъ, земледѣлецъ и купецъ зачастую находятъ свое выраженіе въ одномъ и томъ же лицѣ. Какъ извѣстно, вплоть до Петра Великаго у насъ почти не существовало спеціально военной, солдатской профессіи; а тотъ фактъ, что вооруженному Олегу удалось, подъ предлогомъ продажи товаровъ, обмануть Аскольда и вызвать его изъ Кіева на берегъ Днѣпра, доказываетъ, что видѣть на торговцѣ мечъ считалось тогда вполнѣ натуральнымъ. Русская Правда еще не умѣетъ различать преступленій уголовныхъ отъ гражданскихъ; русскій воевода XVI в. совмѣщаетъ въ себѣ и административную и военную функціи; губернаторъ до временъ Екатерины II — въ своей губерніи власть и административная, и финансовая, и судебная; лишь съ императора Александра II за ними осталась одна только первая функція. Геродотъ про финикіянъ на западномъ берегу Африки, нашъ

лѣтописецъ про племена на сѣверѣ нынѣшней Европейской Россіи разсказываютъ, какъ они молчаливо обмѣнивали привезенные товары туземцевъ, вещью получая за вещь; названія «мѣновыхъ» дворовъ въ пограничныхъ городахъ Восточной Россіи (Оренбургъ, Троицкъ) — пережитокъ въ сущности той же эпохи, не знавшей ни денегъ, какъ орудія мѣны, ни кредита, ни банковъ для перевода денегъ, ни учета векселей, вообще никакихъ утонченныхъ дифференціацій современнаго торговаго рынка.

Въ настоящее время наука не только высвободилась изъ миѳологіи, но и сама разбилась на крупныя отрасли, а эти, въ свою очередь, на дальнѣйшія подраздѣленія. Теперь знаютъ не только химію, но химію органическую, неорганическую, техническую, теоретическую; въ правѣ различаютъ право уголовное, гражданское, международное, торговое, финансовое, полицейское; дробность медицинскихъ знаній превосходитъ едва ли не все остальное. Кто, наконецъ, не знаетъ, что антропологія, этнографія и этнологія, біологія, соціологія отрасли знанія совершенно новыя, недавно лишь выдѣлившіяся изъ другихъ.

Словомъ, повсюду наблюдается въ исторіи постоянное и постепенное развитіе и видоизмѣненіе формъ и явленій. Поэтому-то идея неустаннаго движенія, перехода изъ одного состоянія въ другое, идея эволюціи становится краеугольнымъ камнемъ пониманія всего нашего прошлаго.

2. *Сознаніе взаимодѣйствія и внутренней связи въ историческихъ явленіяхъ.*

Продолжая пользоваться пріемами, выработанными въ области естествознанія, историческая мысль XIX вѣка признала, что въ человѣческой дѣятельности, а значитъ, и въ процессѣ смѣны историческихъ явленій, есть извѣстнаго рода внутренняя связь, послѣдовательность и взаимодѣйствіе, другими словами, любое проявленіе жизни человѣческаго духа совершается подъ воздѣйствіемъ другихъ проявленій и, въ свою очередь, вызываетъ и опредѣляетъ новыя проявленія. Ничто не дѣлается изъ ничего, и чѣмъ сложнѣе наблюдаемое явленіе,

тѣмъ глубже приходится доискиваться до причинъ, его вызвавшихъ, тѣмъ сложнѣе, разнообразнѣе эти причины. Мысль эта есть достояніе нашего времени. Если Поливій и объясняетъ мощь древняго Рима его государственнымъ устройствомъ, а Тацитъ — упадокъ безнравственностью гражданъ, то все же классическій міръ чувствовалъ очень слабо эту зависимость между той или другой стороной человѣческой дѣятельности, а средніе вѣка и совсѣмъ потеряли сознаніе таковаго соотношенія, и только новые вѣка усвоили, какъ слѣдуетъ, эту идею.

Для насъ теперь значительно уяснилось взаимодѣйствіе различныхъ сторонъ человѣческаго духа и мысли. Мы чувствуемъ, напримѣръ, какъ строго родовой бытъ и суровый завоевательный характеръ воинъ древнихъ римлянъ отразился на римскомъ правѣ; какъ политическая раздробленность древней Греціи наложила свой отпечатокъ не только на внѣшнюю судьбу страны, но и на развитіе самой мысли грековъ. Религія ищетъ и находитъ тамъ свое выраженіе въ искусствѣ, которое въ свою очередь черпаетъ матеріалъ и вдохновляется изъ религіозныхъ представленій народа. Быть можетъ, еще болѣе неизгладимый отпечатокъ наложила религія католическая на духовную жизнь современнаго испанца и опредѣлила его политическую исторію. Напомню роль эпохи Возрожденія въ судьбахъ Италіи, Великой французской революціи — въ жизни современной Франціи. Протестантство, религія по преимуществу разсудка, стоитъ во внутренней связи съ развитіемъ философскаго движенія въ Германіи; подобно тому какъ успѣхи математики во Франціи, искусства въ Италіи — *формальныхъ* проявленій человѣческаго духа — въ соотношеніи съ религіей католической, и т. п.

Идея связи и взаимодѣйствія историческихъ явленій приводитъ насъ кромѣ того къ убѣжденію, что явленія эти суть всегда *порожденіе* лишь *даннаго времени*, *данной среды*, вообще такихъ факторовъ, которые только и могли существовать въ данное время и въ данныхъ сочетаніяхъ, вслѣдствіе чего и появленіе изучаемаго явленія раньше или позже было бы немыслимо. Вѣдь половая зрѣлость или сѣдина невозможны у пятилѣтняго ребенка, какъ нельзя отъ 70—80-лѣтняго старика

ожидать, чтобы онъ обладалъ тою же свѣжестью мысли, такою же энергіей и воспріимчивостью духа, какъ 30—40-лѣтній мужчина; такъ точно и западно-европейскій феодализмъ, древне-русскій удѣльный строй, подавляющій авторитетъ церкви съ ея гордымъ девизомъ: extra ecclesiam nullam salutem, — всего этого было бы странно и ошибочно искать въ какой-либо иной эпохѣ, какъ исключительно только въ т. наз. среднихъ вѣкахъ. Феодальный король Франціи вродѣ Людовика IX Святого былъ бы немыслимъ въ XX столѣтіи не столько потому, что во Франціи теперь республиканская форма правленія и нѣтъ вообще королей, сколько потому, что всѣ факторы, обусловившіе складъ, міросозерцаніе и дѣятельность этого государя существовали налицо лишь въ XIII стол. и совершенно отсутствуютъ въ текущемъ. Людовикъ IX былъ органическимъ продуктомъ своего времени и среды и, какъ таковой, только и мыслимъ былъ, что въ ту эпоху.

Между тѣмъ, идея такого органическаго роста была вообще чужда прежнимъ поколѣніямъ. Прежде отнюдь не казалось страннымъ пріурочивать къ историческому лицу черты и идеи, присущія совсѣмъ другому времени. Отсюда рядъ анахронизмовъ, державшихся иной разъ очень долго, цѣлыя столѣтія. На этихъ анахронизмахъ воспитывалось поколѣніе за поколѣніемъ: опираясь на нихъ, иногда не только строили цѣлыя теоріи, но и практически осуществляли обширныя задачи, вырабатывали идеалы. Средніе вѣка, напримѣръ, вполнѣ были убѣждены, что такъ наз. Священная Римская имперія есть непосредственное *продолженіе* древней Римской; что послѣдняя не переставала существовать, какъ фактъ реальный; — и это породило рядъ очень сложныхъ явленій. Походы германскихъ королей въ Италію, духовное общеніе романскаго и германскаго племени, антагонизмъ германскихъ цесарей и византійскихъ императоровъ, самая теорія «Москвы — третьяго Рима» — все это выросло на почвѣ именно этихъ представленій.

Въ XVIII вѣкѣ въ русскомъ обществѣ господствовалъ почти всеобщій взглядъ на Петра Вел., какъ на такого государя, которому современная Россія обязана всѣмъ своимъ существо-

ванiемъ. Петръ-де создалъ новую Россiю, все началось съ него. Сравнительно еще недавно славянофильская школа провозглашала, что Петръ своими реформами въ конецъ исказилъ строй древней Руси и все перевернулъ тамъ вверхъ дномъ. При этомъ забывали одно: безсилiе единичной, хотя бы и генiальной, воли совершить такой переворотъ, а главное, то, что, чѣмъ сложнѣе явленiе, тѣмъ менѣе допускаетъ оно скачковъ и еще менѣе нуждается въ таковыхъ для своей эволюцiи. — Карамзинъ, видѣвшiй въ Рюрикѣ *государя*, очевидно, тоже впадалъ въ анахронизмъ, перенося на отдаленныя времена понятiя и признаки позднѣйшей эпохи и не сознавая, что въ данномъ случаѣ самая идея государственности должна была предварительно быть выношена въ сознанiи многихъ поколѣнiй, прежде чѣмъ найти соотвѣтствующее выраженiе. Подобно этому же и средніе вѣка сплошь и рядомъ прiурочивали къ Карлу Великому учрежденiе и законы разныхъ эпохъ и поколѣнiй.

3. *Признанiе единства человѣческой природы.*

Большiй сравнительно съ прежнимъ запасъ наблюденiй привелъ и еще къ новому выводу — къ признанiю *единства человѣческой природы*. Какъ ни различны между собою племена, населяющiя земной шаръ, какъ ни мало, на первый разъ, сходны ихъ нравы, привычки, вкусы и обычаи, но во всѣхъ нихъ проявляется въ сущности одна и та же природа, одни и тѣ же свойства и начала, — а это прямо обязываетъ насъ признать одинаковость и самыхъ законовъ развитiя. Матерiальное (фактическое) содержанiе жизни, исторiя разныхъ народовъ можетъ быть различна, но исходныя точки ея вездѣ одинаковы.

1. Такъ, напримѣръ, всѣмъ народамъ, на всѣхъ ступеняхъ развитiя, присуща потребность жить общественными группами. Человѣкъ нигдѣ не живетъ одинъ; ему даже и семьи недостаточно; онъ ищетъ непремѣнно общества. Робинзоны Крузо на пустынныхъ островахъ лишь вынужденные жители; какъ добровольцы, они возможны только въ романахъ. Аскеты, бѣгущiе въ пустыни и лѣса, возможно дальше отъ общества и даже

семьи, лишь единичныя исключенія, и самая рѣдкость подобныхъ явленій, исключительная энергія, страшное напряженіе воли, необходимое для того, чтобы порвать всѣ связи съ міромъ, — все это скорѣе подтверждаетъ, чѣмъ опровергаетъ общее правило. Эту потребность жить среди существъ себѣ подобныхъ, подмѣтилъ еще Аристотель, назвавъ человѣка *ζῶον πολιτικόν*, существомъ съ общественными инстинктами.

2. Кромѣ только что названнаго прирожденнаго импульса, мощнымъ побужденіемъ къ общежитію служитъ присущее всѣмъ и каждому *чувство самосохраненія;* человѣкъ на самой низкой ступени развитія уже отлично понимаетъ, насколько болѣе безопасности представляетъ ему общественный союзъ, сравнительно съ жизнью одинъ на одинъ; насколько успѣшнѣе достигаются намѣченныя цѣли въ дружной работѣ сообща; насколько легче устраняются встрѣчающіяся препятствія, изъ коихъ иныя совсѣмъ не по плечу и не подъ силу энергіи отдѣльнаго человѣка. На этомъ-то стремленіи жить съ подобными себѣ и создается *общество*.

3. Но гдѣ общество, тамъ неизбѣжны и *обязанности*. Пока я жилъ Робинзономъ на необитаемомъ островѣ, я былъ безотвѣтственъ въ своихъ поступкахъ, самъ себѣ господинъ; морали, стимуловъ нравственныхъ не существуетъ и не можетъ существовать внѣ общественнаго союза. Но, какъ членъ таковаго, я принимаю на себя обязанность не дѣлать ничего такого, что могло бы нарушить интересъ, ради котораго я и мои сотоварищи живемъ въ обществѣ: я не долженъ наносить имъ *вреда*. Общество держится, главнымъ образомъ, возможностью для каждаго члена удовлетворить, посредствомъ этой формы жизни, своимъ настоятельнымъ нуждамъ, и если я окажу помѣху, то тѣмъ самымъ стану подкапываться подъ самую основу, на которой возникъ и зиждется нашъ союзъ. Вотъ почему многое изъ того, что было раньше выраженіемъ моей *воли*, теперь, въ иной обстановкѣ, можетъ зачастую превратиться въ *произволъ;* этому произволу должны быть поставлены сдерживающіе предѣлы — такъ выростаютъ *правила*, *законы*. Законъ, разумѣется, стѣсняетъ индивидуальную волю человѣка, но человѣкъ охотно несетъ на себѣ его иго во имя другого болѣе высокаго блага,

достигаемаго общежитіемъ. Возможны случаи, когда человѣкъ добровольно порываетъ свои узы съ обществомъ, бѣжитъ отъ него, находя его законы или несправедливыми, или слишкомъ стѣснительными; но его протестъ не идетъ далѣе частнаго случая; онъ негодуетъ противъ *данныхъ* правилъ, а не противъ правилъ вообще, и, разорвавъ связь со своимъ обществомъ, онъ все равно или организуетъ новое, или вступаетъ въ другое, уже организованное, и одинаково подчиняется тамъ его правиламъ и законамъ. Такимъ образомъ, законы, опредѣляющіе взаимныя отношенія людей, въ каждомъ обществѣ могутъ варьироваться до безконечности въ зависимости отъ многообразныхъ причинъ,— но, тѣ или иныя, они есть въ каждомъ обществѣ, возникая тамъ одновременно съ возникновеніемъ и самаго общества.

4. Но гдѣ существуютъ обязательныя правила, гдѣ приходится предъявлять извѣстныя требованія, тамъ, какъ неизбѣжное, логическое слѣдствіе, выступаетъ на сцену новый факторъ — *власть*. Дѣло въ томъ, что въ человѣческомъ существѣ постоянно борются два начала: эгоистическая забота исключительно о себѣ, въ прямой ущербъ ближнему, и сознаніе, что другое, не менѣе сильное желаніе — жить обществомъ — неосуществимо, если дать широкій просторъ эгоизму. Дорожа общественной формой жизни, мы подчиняемся извѣстному порядку, правиламъ, принимаемъ на себя своего рода жертву, противъ чего однако непрестанно протестуетъ чувство эгоизма. Чѣмъ старше, культурнѣе человѣческое общество, тѣмъ прочнѣе начало эгоистическое подчинено началу соціальному и, наоборотъ, чѣмъ моложе, грубѣе и первобытнѣе общественный союзъ, тѣмъ труднѣе сдерживать порывы человѣческаго эгоизма, тѣмъ чаще подвергается этотъ союзъ риску распасться и расколоться на отдѣльныя единицы. Приходится поэтому охранять новорожденное общество, парализовать теченія антисоціальныя, въ сущности никогда не умирающія и всегда готовыя проявиться наружу при первомъ удобномъ случаѣ. Объ этой то охранѣ и заботится власть въ лицѣ своихъ органовъ. Съ теченіемъ времени задачи правящей власти становятся, разумѣется, шире и разнообразнѣе; и въ такихъ союзахъ, каковы, напримѣръ, современныя государства Европы, онѣ сводятся

уже не столько къ борьбѣ съ началомъ индивидуальнымъ, сколько къ содѣйствію началу соціальному, къ тому, чтобы облегчить и вызвать въ отдѣльныхъ членахъ желаніе работать на пользу общую. Впрочемъ, *главная* забота нисколько не исключаетъ *второстепенной;* какъ въ высокоразвитомъ обществѣ еще достаточно побужденій для борьбы со стремленіями эгоистическими, такъ и въ только-что организовавшемся союзѣ уже есть почва для работы въ духѣ начала соціальнаго.

Говоря о власти, необходимо совершенно устранить вопросъ о *формѣ*, въ какой она проявляется. Дѣло не въ монархіи, республикѣ или деспотіи; не въ томъ, олицетворяется ли общественная власть въ могущественномъ государѣ или въ простомъ начальникѣ ничтожнаго племени дикарей; и тамъ и тутъ общество нуждается въ миротворцѣ-судьѣ, управителѣ, въ знамени, подъ которымъ могли бы сойтись всѣ тѣ, кому дороги общественные интересы. Любое общество сознаетъ, что ему необходимъ верховный блюститель этихъ интересовъ, притомъ достаточно сильный, авторитетный. Можно сказать, ни одно общество не знаетъ себя безъ власти, и вотъ гдѣ объясненіе тому, что исторія всѣхъ народовъ начинается съ Тезеевъ и Ромуловъ, Рюриковъ и Пшемысловъ: они — conditio sine qua non общественной жизни, краеугольный камень общественнаго зданія, фундаментъ, на которомъ только и зиждется общество. И вотъ почему память объ основателѣ государства въ сознаніи позднѣйшихъ поколѣній обыкновенно окружена ореоломъ величія и благодарнаго благоговѣнія. Въ древности такихъ лицъ боготворили, строили въ честь ихъ храмы или по меньшей мѣрѣ дѣлали ихъ синонимами общественной мудрости, нравственной мощи.

5. Власть есть уже проявленіе *соціальнаго неравенства.* Неравенство отдѣльныхъ лицъ въ данномъ обществѣ также явленіе общее и неизбѣжное. Природа не одаряетъ людей одинаковыми духовными способностями, и человѣкъ болѣе умный, болѣе смѣлый и энергичный, съ бóльшимъ запасомъ воли и желаній, уже въ силу одного этого выше и сильнѣе человѣка съ болѣе слабой духовной организаціей. Въ той постоянной борьбѣ, которая зовется жизнью, первый всегда

одержитъ перевѣсъ и превозобладаетъ. Если вдобавокъ онъ по природѣ силенъ еще и физически, то тѣмъ, несомнѣнно, лучше обставитъ себя и въ жизни: обезпечитъ себя матеріально, экономически; станетъ болѣе независимымъ и экономически же подчинитъ себѣ другого. На умственномъ же и экономическомъ преобладаніи само собою выростаетъ и преобладаніе правовое, неравенство юридическое.

6. Къ числу доказательствъ единства человѣческой природы можетъ быть отнесенъ и тотъ повсюду замѣчаемый фактъ, что *духовная жизнь общества*, подобно отдѣльному индивидууму, *возникаетъ и развивается сравнительно поздно*, уже послѣ того, какъ болѣе или менѣе обезпечено его матеріальное бытіе. Вниманіе народности въ началѣ ея существованія почти всецѣло поглощено борьбою съ внѣшними препятствіями, созданіемъ здоровыхъ и нормальныхъ условій жизни народившагося организма. Пушкины и Толстые, Гете и Шекспиры, Вергиліи и Софоклы суть явленія уже болѣе зрѣлой поры; раньше же приходилось бороться съ печенѣгами и половцами, самнитянами или персидскими царями; усмирять внутреннія усобицы, вырабатывать элементарныя условія общежитія, воспитать чувство законности, пережить эпоху борьбы патриціевъ съ плебеями, удѣльныя распри и пр. и пр.

4. Сознаніе единства человѣческаго рода.

Сознаніе единства человѣческой природы постепенно выяснило намъ другое представленіе — о *единствѣ человѣческаго рода*. Дѣйствительно, если основы общественной жизни всюду сходны и одинаковы, то въ сущности люди вездѣ суть люди, общія свойства у нихъ одни и тѣ же, и сходствъ между ними гораздо больше, чѣмъ отличій. Отличія національныя, религіозныя, политическія (государственныя) не болѣе какъ рамки, въ предѣлахъ которыхъ живетъ та или иная группа, народность, — рамки, безсильныя, однако, уничтожить общій фундаментъ, на которомъ строится человѣчество, потому что полтора милліарда людей, населяющихъ земной шаръ, взятые въ цѣломъ, представляютъ изъ себя нѣчто болѣе единое и

общее, чѣмъ это обыкновенно кажется и представляется съ перваго раза. Это именно человѣчество, а не простая сумма отдѣльныхъ, несходныхъ между собою народовъ или племенъ. Европеецъ и папуасецъ, человѣкъ XX вѣка или современникъ отдаленнѣйшей эпохи египетскихъ царей первыхъ династій — все это прежде всего люди, созданные по образу и подобію Божію, съ тѣми же началами жизни, съ тѣми же потребностями, радостями, чувствами и желаніями.

Однако такое сознаніе стало достояніемъ лишь нашего времени. Древнему міру оно было совершенно чуждо. Съ чувствомъ горделивой обособленности эллины противопоставляли себя варварамъ, считая тѣхъ, чья жизнь текла внѣ орбиты эллинской культуры, людьми совсѣмъ особой породы и склада, сопоставленіе съ которыми принципіально немыслимо и абсурдно. Той же самой теоріи «бѣлой кости» держались и римляне. Разница лишь въ оттѣнкахъ: для культурнаго грека, эстетика, поклонника гармоніи и красоты, идея противоположности олицетворялась въ варварствѣ, въ грубости, неразвитости духовной; для гордаго сына міродержавнаго Рима, —въ правовыхъ отношеніяхъ: полноправный гражданинъ, civis romanus, онъ сильнѣе всего чувствовалъ свою разницу съ иноземцемъ на почвѣ юридическаго положенія и потому не столько духовную грубость его подчеркивалъ, сколько заботился выдѣлить его въ особую категорію людей, — перегриновъ, лишенныхъ тѣхъ правъ, которыми пользовался онъ самъ. Неспособность представить народности въ ихъ постоянномъ взаимодѣйствіи, какъ нѣчто цѣлое и единое, отразилась и на историческихъ концепціяхъ классическаго міра: всемірная исторія — *ἱστορία καθολική* — слагалась изъ исторіи однихъ только грековъ и римлянъ.

Христіанство впервые вноситъ существенную поправку въ это узкое и самонадѣянное міровоззрѣніе. Ученіемъ объ общемъ искупленіи и одинаково для всѣхъ безъ различія предстоящимъ Страшнымъ Судомъ, оно впервые проводитъ въ жизнь идею общности человѣчества. Но въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ идея эта прилагалась исключительно въ религіозной сферѣ; ея девизомъ было: tota christianitas; такимъ образомъ, внѣ рамокъ религіозныхъ, и притомъ обязательно

христіанскихъ, она не знала человѣчества, не признавала за нимъ права на существованіе. Лишь съ новыми вѣками, съ открытіемъ новыхъ странъ, съ расширеніемъ географическаго горизонта, съ необходимостью привлечь въ сферу своего наблюденія цѣлый рядъ новыхъ народностей; съ могучимъ развитіемъ экономическихъ и культурныхъ сношеній, съ новымъ матеріаломъ, который явился теперь для наблюденій и сравненій, стала все больше и больше раскрываться общность проявленій человѣческой жизни, стала чувствоваться необходимость примѣнять къ этимъ явленіямъ одну общую мѣрку, выходя изъ одинаковости законовъ, существующихъ безразлично для христіанина и язычника, для образованнаго и варвара, для европейца и азіата. Большую роль въ этомъ дѣлѣ сыграло мощное развитіе знанія, наукъ; существованіе общей духовной жизни выяснилось, благодаря ему, еще сильнѣе и нагляднѣе.

5. *Признаніе единства исторіи.*

Ни одна народность не живетъ вполнѣ изолированно; тѣснѣй или слабѣе, но каждая изъ нихъ соприкасается съ другими народностями; эти другія, прямо или косвенно, тоже имѣютъ свои точки соприкосновенія съ новыми, и такимъ образомъ изъ массы отдѣльныхъ звеньевъ возникаетъ одна громадная цѣпь — человѣчество. Правда, не всѣ звенья одинаковой толщины, не всѣ одинаково крѣпко спаяны; изъ 4 или 5 расъ, на которыя принято дѣлить человѣчество, наибольшій интересъ и значеніе въ глазахъ историка имѣетъ раса арійская, въ виду того, что входящія въ нее части болѣе связаны, взаимно болѣе объединены, а потому и неизбѣжно болѣе жизненны, исторически болѣе продуктивны. Съ другой стороны недостаточность историческихъ познаній не всегда позволяетъ ввести въ кругъ наблюденія безусловно всѣ народности земного шара. Но во всякомъ случаѣ, даже и вынужденно суживая понятіе «человѣчества», невозможно, изучая спеціально одну какую-либо народность, игнорировать другія, такъ какъ онѣ или вліяли на эту, или сами претерпѣвали ея

вліяніе, словомъ, такъ или иначе, но входили въ орбиту ея исторической жизни и, значитъ, въ глазахъ историка, представляютъ извѣстный историческій матеріалъ.

Отдѣльныя народности то же, что главы большого сочиненія, которое можетъ быть понято, лишь когда мы ознакомимся со всѣми главами, не пропустивъ ни одной. Народности — прибѣгая къ другому сравненію — то же, что братья одной великой семьи. Разница характеровъ и наклонностей, различно направленныя способности указали имъ разныя дороги на жизненномъ пути; но чувство родства, взаимные интересы не порвали семейныхъ связей; эти братья находятся въ постоянномъ общеніи, и нужно ли говорить, что складъ ума и свѣдѣнія одного терпятъ сильное воздѣйствіе отъ склада ума и свѣдѣній другихъ братьевъ и въ свою очередь также вліяютъ на послѣднихъ? Вотъ почему, изучая исторію какого-либо народа, необходимо постоянно имѣть въ виду тѣ нити, что́ связываютъ его съ другими народностями, а такъ какъ судьба и этихъ послѣднихъ стоитъ въ связи съ судьбой еще другихъ народностей, то необходимымъ условіемъ правильнаго историческаго представленія является признаніе *единства исторіи* — признаніе того, что есть только одна исторія: человѣчества, — исторія, начало которой сокрыто въ глубинѣ вѣковъ, въ первыхъ движеніяхъ людей къ организаціи общественной жизни, а конецъ не дано намъ предвидѣть, — исторія человѣчества, гдѣ отдѣльныя народности поглощены, подобно тому, какъ цѣлое поглощаетъ свою часть.

Признаніе единства исторіи приводитъ къ другому положенію: нельзя представлять жизнь даннаго народа или даже цѣлой группы народностей, какъ нѣчто обособленное, изолированное; рамки, въ которыхъ течетъ эта жизнь, опредѣляются не территоріей, не народностью, а человѣчествомъ, и потому историкъ, если не хочетъ очутиться въ ложномъ положеніи, долженъ провести своимъ историческимъ плугомъ борозды по радіусу возможно болѣе длинному, чтобы захватить и самые отдаленные горизонты.

Мы восхищаемся стройностью греческой миѳологіи, а думаемъ ли въ эту минуту, что цѣлый рядъ ея боговъ и героевъ, какъ

напримѣръ, Афродита, Діонисъ, Артемида, Гераклъ, происхожденія восточнаго, родились не на эллинской почвѣ, но только переработаны въ горнилѣ національнаго духа грековъ? Точно такъ же и первые зачатки древне-греческой цивилизаціи того же иноземнаго происхожденія: съ именами Кекропса, Кадма, Даная, этихъ выходцевъ съ Востока, преданія связываютъ первое знакомство съ письменностью, обработку руды, копанье колодцевъ, вообще зарожденіе гражданственности и культуры. Эти культуртрегеры древняго міра строятъ города, сплачиваютъ разнородныя общины и тѣмъ самымъ вводятъ туземнаго грека въ область исторіи. На Древнемъ Востокѣ приходится отыскивать не только религіозныя вѣрованія и матеріальную культуру грековъ — тамъ же и зачатки греческаго искусства, греческаго права: правовой порядокъ египтянъ послужилъ источникомъ для эллиновъ и даже для римлянъ, — тѣхъ самыхъ римлянъ, которыхъ мы особенно привыкли считать спеціалистами въ области права и законовъ. Завоеванія Александра Македонскаго и тотъ культурный переворотъ, какой явился ихъ слѣдствіемъ, показываютъ, насколько широко распространила въ эту пору Греція свою цивилизацію и, вознаградивъ сторицею бывшихъ учителей за все, отъ нихъ усвоенное на зарѣ своей исторической жизни, сдѣлала основательное изученіе исторіи Востока невозможнымъ безъ изученія исторіи греческой.

Въ свою очередь, державный Римъ проявилъ свою историческую миссію лишь съ той поры, когда греческій геній прикоснулся къ нему. Народы Западной Европы всегда смотрѣли на себя, какъ на собратьевъ и наслѣдниковъ общаго отца — Рима. Самаго бѣглаго перечня фактовъ изъ исторіи Франціи, Германіи, Англіи достаточно для того, чтобы видѣть, съ судьбой скольких народностей и государствъ связана исторія каждой изъ этихъ странъ. Точно такъ же нельзя изучать исторію Польши безъ исторіи Литвы, Россіи, Венгріи, Турціи, Германіи; исторію Россіи безъ исторіи норманновъ, азіатскихъ кочевниковъ, той же Венгріи, Литвы, Турціи, З. Европы и т. д. и т. д. Распространеніе христіанства, феодализмъ и крестовые походы входятъ скорѣе въ исторію европейскаго

міра, чѣмъ какого-нибудь отдѣльнаго государства. Такое же значеніе въ новые вѣка получаютъ реформація, открытіе новыхъ земель, 30-лѣтная война и т. д. Любой номеръ современной газеты представитъ обильный матеріалъ для опредѣленія того взаимнаго обмѣна идей, среди какого живутъ нынѣшнія поколѣнія.

Вообще духовное общеніе не знаетъ границъ ни географическихъ, ни племенныхъ. Но оно не знаетъ ихъ и во времени. Повидимому, народность «умерла», сошла съ исторической сцены, а между тѣмъ духовно она продолжаетъ жить еще цѣлые вѣка, и слѣдъ ея, незатерянный, яркою нитью проходитъ иногда черезъ всю послѣдующую исторію человѣчества. Интересъ къ буддизму, замѣчаемый въ современной Европѣ, не есть ли доказательство его живучести и внутренней силы? Цѣлые вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ Сакья-Муни повѣдалъ міру свое ученіе; казалось, оно заглохло и затерялось на пространствѣ послѣдующихъ столѣтій... Но вѣдь и подъ пепломъ нерѣдко тлѣетъ огонь... Паденіе древней Греціи не помѣшало ей распространить свою культуру на Римъ, ее завоевавшій. Преобразованная въ провинцію Ахайю, прежняя Эллада становится для побѣдителя источникомъ образованности, литературнаго развитія, прогресса научнаго. Императоръ Маркъ Аврелій, среди римскихъ соратниковъ, отстаивая на берегахъ Дуная съ оружіемъ въ рукахъ честь и славу римскаго имени, пишетъ свой философскій трактатъ (*τὰ εἰς ἑαυτόν*) не на латинскомъ языкѣ, а на греческомъ; съ божественнымъ ученіемъ Спасителя міръ ознакомился впервые тоже на языкѣ эллиновъ. Греція Солона, Платона, Софокла, Фидія и Праксителя въ сущности не умерла и до нынѣ: она живетъ въ своихъ идеяхъ и образахъ, въ безсмертныхъ произведеніяхъ своей литературы и искусства, въ томъ богатомъ наслѣдіи, которымъ столь дорожитъ современный образованный европеецъ; а, какъ политическій завѣтъ, она оставила нынѣшнему греку горделивое воспоминаніе о прежнемъ величіи и патріотическое чувство заботы о своей родинѣ именно въ силу этихъ воспоминаній.

А Римъ! Много германскихъ племенъ затеряло свой языкъ и смѣшало его въ цѣломъ рядѣ романскихъ нарѣчій, усвоило

римскій взглядъ на строй государства и ввело у себя систему управленія на римскій ладъ, именно въ ту пору, когда отъ классическаго міра остались одни воспоминанія. Съ береговъ Средиземнаго моря законы Юстиніана распространились по всей Европѣ на латинскомъ языкѣ; тотъ же латинскій языкъ сталъ для всей З. Европы достояніемъ церкви. Легисты Людовика IX Святого опирались на постановленія римскихъ императоровъ, видя въ нихъ отнюдь не археологическій обрывокъ; да и понынѣ во многихъ мѣстахъ Европы нѣкоторые отдѣлы римскаго права остаются съ характеромъ дѣйствующаго, сохранившаго практическое приложеніе. Величіе Рима признавалось не одними его подданными: долго суевѣрный страхъ останавливалъ германскія дружины отъ оскверненія святынь Вѣчнаго города; въ смерти Алариха видѣли наказаніе свыше за совершенное святотатство — взятіе и разграбленіе Рима. Полудикій готъ Атаульфъ первоначально мечталъ было стереть самое имя римлянъ съ лица земли; но стоило ему непосредственно соприкоснуться съ римской цивилизаціей — и изъ врага онъ становится вѣрнымъ ея паладиномъ. Римскаго императора можно было низвергнуть съ престола, но передъ мыслью посягнуть на его достоинство, занять его мѣсто на вакантномъ престолѣ — останавливались самые смѣлые (Одоакръ). Титулъ цезаря и на далекомъ Востокѣ означалъ самодержца, сильнаго государя; Тамерланъ титулуетъ своего противника Баязета «цезаремъ Рима»; да и наше «царь» есть тотъ же «цезарь». Истинная римская имперія, имперія цезарей и августовъ, давно уже перестала существовать, но духовный образъ ея по прежнему неизмѣнно властвовалъ надъ умами позднѣйшихъ поколѣній; уже одна мысль связать свое существованіе съ ея существованіемъ наполняла горделивою радостью, удовлетворяло честолюбивое сердце; вести свое происхожденіе отъ великой націи казалось чѣмъ-то возвышающимъ и облагораживающимъ. Русскій царь Иванъ Грозный гордится фиктивнымъ родствомъ своимъ съ Прусомъ, братомъ императора Августа, и даже въ наши дни румынскіе патріоты хотятъ видѣть въ себѣ чистокровныхъ потомковъ римскаго народа.

Идея Римской имперіи, единой, всемірной, съ «вѣчнымъ», неумирающимъ центромъ для всего человѣчества, идея, всецѣло возросшая на почвѣ классической, будучи перенесена на христіанскую почву, породила, какъ извѣстно, ея продолженіе въ видѣ Священной Римской Имперіи. Существованіе этой послѣдней опиралось на ошибочномъ убѣжденіи, что она есть непосредственное продолженіе прежней имперіи цезарей, та же имперія, лишь въ христіанизированной формѣ. Разумѣется, это была одна фикція; тѣмъ не менѣе фикція эта продержалась вплоть до 1806 года, пока не погибла въ бурномъ потокѣ наполеоновскихъ войнъ. Но за все время своего фиктивнаго существованія идея Римской имперіи опредѣляла отношенія цѣлыхъ народовъ, породила соперничество Византіи съ германскими императорами, развивала теорію, по которой цѣлыя государства стояли въ вассальномъ подчиненіи къ своему верховному сюзерену — императору, обусловила своеобразныя отношенія между церковью и государствомъ. Римская имперія уже одной своею фикціею вносила духовное содержаніе, которымъ жили десятки поколѣній; въ средніе вѣка она вызвала соперничество между «первымъ» Римомъ и «вторымъ» (Константинополемъ) и породила новую фикцію: «Москва — третій Римъ». Наконецъ, не на почвѣ ли тѣхъ же представленій о бывшемъ величіи Римской имперіи возникли и новѣйшія попытки Наполеона I реставрировать древне-римскія формы цезаризма?

До сихъ поръ въ приведенныхъ примѣрахъ мы ограничивались историческимъ побережьемъ Средиземнаго моря, Европой; но за послѣднія полтораста лѣтъ въ сферу единой общечеловѣческой исторической жизни вошли и С. А. С. Штаты, характерный отпрыскъ той же Европы; подъ ея же воздѣйствіемъ происходитъ совершающаяся въ наше время эволюція общественности въ Южной Америкѣ и въ Австраліи; наконецъ, на нашихъ глазахъ периферія круга всемірной жизни раздвинулась еще болѣе, давъ мѣсто Китаю и Японіи. Паръ и электричество уничтожаютъ разстоянія и превращаютъ весь земной шаръ поистинѣ въ orbis terrarum, давая право болѣе чѣмъ когда воскликнуть: *исторія едина!*

III. НАУЧНАЯ ПОСТАНОВКА ИСТОРІИ.

1. *Закономѣрность историческихъ явленій.*

Изъ всего вышесказаннаго одинъ очень важный выводъ напрашивается самъ собою. Если, дѣйствительно, существуетъ внутренняя, органическая послѣдовательность историческихъ явленій и хронологическіе скачки невозможны; если, дѣйствительно, между историческими явленіями существуетъ постоянное и тѣсное взаимодѣйствіе; если, наконецъ, дѣйствительно, существуетъ единство человѣческой природы, человѣческаго рода и единство исторіи, а значитъ, и извѣстная зависимость человѣческихъ поступковъ отъ силъ и факторовъ, стоящихъ внѣ воли отдѣльной личности или цѣлой сложной общественной группы, — то вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать въ историческихъ явленіяхъ нѣчто закономѣрное, болѣе или менѣе необходимое, неотвратимое, — однимъ словомъ *закономѣрность историческихъ явленій.*

Закономъ мы называемъ такое соотношеніе между явленіями, когда данное явленіе или рядъ явленій вѣчно повторяется и существуетъ, и въ самой природѣ вещей, т. е. въ сущности этого соотношенія лежитъ необходимость, чтобы оно вѣчно повторялось и существовало. Такъ, напримѣръ, смѣна дня и ночи на земномъ шарѣ происходитъ въ силу нѣкотораго постояннаго, опредѣленнаго и неизмѣннаго соотношенія, существующаго между землей и солнцемъ; это соотношеніе въ данномъ случаѣ и является закономъ наблюдаемой смѣны

денныхъ часовъ и ночныхъ. Ростъ растенія обусловленъ извѣстнымъ количествомъ влаги, свѣта и тепла; соотношеніе, въ какомъ стоятъ факторы растительнаго процесса къ данному растенію и является закономъ этого процесса. Аналогично законамъ природы ищутъ законовъ и человѣческой жизни, индивидуальной и общественной. Законы эти труднѣе для наблюденія, подвержены большимъ колебаніямъ и измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе они есть и должны быть.

Закономѣрность историческихъ явленій подмѣчена была уже давно, но ни одна изъ попытокъ опредѣлить, въ чемъ именно и какъ она проявляется, еще не можетъ быть признана сколько-нибудь удачной и удовлетворительной. Мы скорѣе лишь чувствуемъ существованіе историческихъ законовъ, чѣмъ понимаемъ ихъ. И это вполнѣ понятно: гораздо легче изучать то, что устойчиво, постоянно, конкретно, каковы явленія внѣшняго міра — оттого и законы природы намъ доступнѣе, представляются яснѣе, оставляютъ въ насъ по себѣ больше увѣренности. Между тѣмъ объектъ исторіи — человѣческое общество — предстаетъ изученію въ своихъ дѣяніяхъ, уже совершенныхъ, относящихся къ прошлому времени. Непосредственно наблюдать эти дѣянія мы лишены возможности; естествоиспытатель можетъ воспроизводить явленія, дѣлать опыты и повторять ихъ до безконечности — явленія историческія индивидуальны и не повторяемы. Самый матеріалъ, на основаніи котораго судитъ историкъ, не всегда сохранился полностью. Наконецъ, есть еще одна важная особенность, дѣлающая выясненіе историческихъ явленій особенно затруднительнымъ: историку приходится считаться съ особыми факторами, которыхъ не знаетъ ни астрономъ, ни ботаникъ — это умъ, воля, желаніе и побужденія этическаго характера, что уже севершенно исключаетъ возможность въ исторіи вполнѣ одинаковыхъ и схожихъ явленій. Индивидуальность человѣческой воли, человѣческаго пониманія вносятъ безконечныя варіаціи, безчисленные оттѣнки въ жизнь общества, и можно сказать, что ни одинъ моментъ не похожъ на другой, и нѣтъ двухъ фактовъ, при всей полнотѣ ихъ аналогіи, вполнѣ сходныхъ и тожественныхъ между собою.

2. Наука ли исторія?

Вопросъ о закономѣрности историческихъ явленій ставитъ на очередь другой вопросъ: *можетъ ли исторія считаться наукою?* Выше мы опредѣлили понятіе закона, какъ постоянное соотношеніе извѣстныхъ явленій, свободныхъ отъ случайнаго воздѣйствія и, слѣдовательно, обладающихъ признакомъ (свойствомъ) извѣстнаго постоянства. Это постоянство и отсутствіе случайности даетъ первую основу для обобщенія однородныхъ явленій и право изъ видовыхъ признаковъ отыскивать признакъ родовой, изъ явленій индивидуальныхъ вывести общее понятіе. Чѣмъ устойчивѣе эти общія понятія, чѣмъ убѣжденнѣе мы сами можемъ опираться на нихъ, тѣмъ съ большей увѣренностью и съ большимъ приближеніемъ къ истинѣ мы можемъ пользоваться ими при объясненіи отдѣльныхъ конкретныхъ явленій. А объяснять такія конкретныя явленія изъ дѣйствія вліяющихъ на нихъ законовъ и въ большей или меньшей степени предвидѣть, въ какомъ направленіи будутъ совершаться эти явленія, какой характеръ примутъ, какія окажутъ послѣдствія: — это высшая степень знанія. *Такое знаніе и будетъ наукою.*

Нетрудно видѣть, насколько устойчивѣе, увѣреннѣе, а значитъ, и «научнѣе» наши представленія и все наше знаніе внѣшняго міра сравнительно съ міромъ духовнымъ. 2 + 2 всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ дадутъ 4; ночь всегда будетъ смѣняться днемъ; брошенное тѣло, по закону притяженія, всегда будетъ стремиться къ землѣ; водородъ и кислородъ при извѣстныхъ сочетаніяхъ всегда дадутъ воду; бабочка, прежде чѣмъ стать бабочкой, должна пройти предварительныя стадіи гусеницы и куколки и т. д. и т. д. Иное дѣло человѣкъ и его духовная дѣятельность. Законы жизни человѣческаго ума, проявленія его воли, желаній, область нравственной его жизни далеко еще не изучены съ достаточной точностью и во многомъ (надо надѣяться, только пока) представляютъ область гадательнаго и туманнаго.

На основаніи этого иные совершенно отказываютъ исторіи

въ какой-либо научности. Таково, напримѣръ, мнѣніе германскаго философа Шопенгауера. Исторія, по его мнѣнію, безсильна обобщить историческія явленія и не можетъ подняться выше частныхъ, индивидуальныхъ фактовъ, такъ что изученіе ея даже не совсѣмъ достойно усилій серьезнаго ума. Этотъ пессимистическій взглядъ на исторію можно прослѣдить и у позднѣйшихъ ученыхъ (Гумпловичъ и др.). Въ силу такого взгляда исторія не только не стала еще наукою, но и не можетъ никогда возвыситься до нея, потому что индивидуальность историческихъ явленій, единичный, случайный, вѣчно измѣнчивый ихъ характеръ лишаетъ историка возможности систематизировать эти явленія, дѣлать обобщенія и тѣмъ болѣе не позволяетъ предвидѣть путь, какой примутъ они въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи.

Но этотъ взглядъ не можетъ быть принятъ. Исторія *еще* не стала наукою въ томъ смыслѣ, какъ это названіе прилагается къ точнымъ знаніямъ о внѣшнемъ мірѣ (sciences въ отличіе отъ arts libéraux), но вышеуказанная закономѣрность историческихъ явленій ясно показываетъ, что весь вопросъ во времени, въ дальнѣйшемъ развитіи нашего историческаго знанія; когда яснѣе вскроются законы исторической жизни, тогда и сама исторія значительно приблизится къ тому представленію, какое мы соединяемъ со словомъ наука.

3. Личность въ исторіи.

Какъ это, можетъ быть, ни парадоксально съ перваго взгляда, но мысль о «ненаучности» исторіи возникла какъ разъ на почвѣ ея научныхъ успѣховъ. Новѣйшая исторіографія не могла удовлетвориться одностороннимъ матеріаломъ, какимъ раньше сознательно ограничивали себя историки. А раньше (и, сравнительно, это было не такъ еще давно) «исторія» опредѣлялась, какъ повѣствованіе, главнымъ образомъ, событій изъ политической жизни: сюда входили измѣненія государственнаго строя, войны, сношенія дипломатическія и дѣянія отдѣльныхъ выдающихся личностей, стоящихъ во главѣ общества — государей, законодателей, правителей,

воиновъ, дипломатовъ. Раньше за грохотомъ пушекъ на поляхъ битвъ не слышали стона раненыхъ, а за сложными и исхищренными перипетіями дипломатическихъ переговоровъ не всегда ясно представляли степень ихъ результатности; раньше обольщеніе импозантною работою законодательныхъ сферъ мѣшало разглядѣть ихъ не всегда надлежащее соотвѣтствіе съ потребностями времени и быта; наконецъ, раньше пышная обстановка придворной жизни съ капризной судьбою ея представителей совсѣмъ заслоняла собою ту многомилліонную массу, имя которой народъ. Прежній наблюдатель сосредоточивалъ фокусъ своего зрѣнія почти исключительно на «сильныхъ міра сего»; на исторической сценѣ передъ нимъ проходили такъ называемые герои, гиганты, и только гдѣ-то тамъ, издали, въ слабыхъ очертаніяхъ туманно рисовалась безсловесная толпа, точь въ точь какъ на лубочныхъ картинахъ, гдѣ все полотно отъ края до края занялъ главнокомандующій верхомъ на боевомъ конѣ, а стотысячная армія, точно Свифтовы лилипуты, едва виднѣется изъ подъ копытъ его лошади. Прежній наблюдатель искалъ «животрепещущихъ» событій и находилъ ихъ, какъ было уже замѣчено, въ перипетіяхъ военныхъ дѣйствій, въ жизни двора, въ біографіяхъ королей и министровъ, старательно слѣдя за всѣми мелочами событій, за всѣми проявленіями мелкихъ страстей и только изъ милости удѣляя толпѣ частицу своего вниманія.

«Большая публика», въ массѣ, пожалуй, даже еще теперь только такъ и представляетъ себѣ исторію; но серьезный ученый, вникая въ ходъ и содержаніе историческихъ событій, давно уже отчетливо сознalъ всю *ненаучность* такого преобладающаго *значенія личности въ исторіи*. Нынѣ все громче и настойчивѣе проводится другой взглядъ, видящій въ исторической наукѣ прежде всего исторію *общества*, развитія его *учрежденій*, послѣдовательную смѣну *идей*. Исторія внѣшняя уступаетъ мѣсто исторіи внутренней; казовая сторона — сторонѣ непоказной. Одинъ циферблатъ съ двигающимися на немъ часовыми стрѣлками болѣе не удовлетворяетъ; вскройте, говорятъ намъ, внутренній механизмъ часовъ, покажите соотношеніе колесиковъ и рычаговъ, познакомьте съ той силою,

которая приводитъ въ движеніе самыя стрѣлки. Однимъ словомъ, въ организаціи государственнаго тѣла, въ сложномъ сочетаніи его органовъ — вотъ на чемъ необходимо строить изученіе прошлаго. И, нельзя сомнѣваться, этотъ взглядъ рано или поздно одержитъ окончательный верхъ.

Въ силу этого и самый *объектъ исторіи* существенно измѣнился. Историкъ нашего времени уже не ограничится одними «героями», но главный фокусъ своего историческаго фонаря направитъ на «толпу». Правда и то: современная обстановка невольно настраиваетъ его на мысли несходныя съ прежними. Никогда еще Европа не переживала столькихъ революцій, такихъ массовыхъ движеній; никогда она не чувствовала такого подъема народнаго духа, такого пробужденія въ обществѣ національнаго самодостоинства. Никогда еще правители не бывали вынуждаемы къ такимъ уступкамъ, и никогда еще воля народная не заявляла себя такъ громко и авторитетно, какъ въ прошломъ столѣтіи и особенно въ наши дни. Фактовъ этого рода безчисленное множество; затрудненіе скорѣе въ выборѣ примѣровъ, чѣмъ въ ихъ отысканіи.

Для доказательства своей мысли намъ нѣтъ надобности непремѣнно останавливаться на революціяхъ, кончавшихся ниспроверженіемъ существующаго порядка — здѣсь намъ представится, можетъ быть, еще самое слабое доказательство активной жизни «толпы»: послѣдняя проявитъ себя гораздо рельефнѣе въ такихъ учрежденіяхъ, что пестрою сѣтью покрываютъ нынѣшнюю Европу, какъ, напримѣръ, Красный Крестъ съ характеромъ международнымъ, санитарные отряды, страннопріимные дома, разные комитеты грамотности, частные пріюты, ясли, кружки, общественная помощь неизлѣчимо больнымъ, ищущимъ образованія; общественныя организаціи въ голодные года, дающія жизнь добровольческимъ отрядамъ, готовымъ идти на борьбу съ тяжелымъ недугомъ.

И все это не потому, чтобы наше поколѣніе было гуманнѣе, цивилизованнѣе, но потому что сто лѣтъ назадъ европейское общество лишено было такой, какъ нынѣ, внутренней сплоченности, сознанія своей нравственной силы, своихъ правъ и обязанностей. Кружки съ разнообразнѣйшими программами и

организаціей, удовлетворяющіе самымъ разнообразнымъ потребностямъ частной и общественной жизни; ученые конгрессы всевозможныхъ школъ и направленій; студенческія корпораціи, академическіе союзы, международныя ассоціаціи, сближающія интересы лицъ, работающихъ на одномъ поприщѣ (земледѣльческіе, промышленные и т. п. союзы и съѣзды); такія учрежденія, какъ Американская ассоціація христіанской молодежи (У. М. С. А. — «Имка») — все это опять-таки дѣло XIX и XX столѣтія.

Но, можетъ быть, новыя историческія требованія приложимы только къ этимъ послѣднимъ вѣкамъ? Скажутъ, къ чему искусственно выдвигать толпу XVIII, XVII и болѣе раннихъ вѣковъ, если ея присутствіе не было замѣтно, если тогда она не существовала, какъ активная сила? Нѣтъ, эта толпа «жила» и до XIX столѣтія. Фридрихъ II, Петръ Великій, Ришелье, Карлъ Великій, Александръ Македонскій — дѣти своего вѣка, геніальные работники на почвѣ, распаханной обществомъ. Эти люди, хотя и шли впереди толпы, казалось, даже въ сторонѣ и отдѣльно отъ нея, однако дышали однимъ съ нею воздухомъ; современники, правда, могли ихъ не понимать, но это только потому, что имъ самимъ еще смутными казались ихъ собственныя нужды и потребности времени. Великіе люди совершали не переворотъ, не насиліе, но шли навстрѣчу желаніямъ своего общества. Свойство генія — ясно уразумѣть духъ и потребности времени, отыскать средства для ихъ разрѣшенія и, наконецъ, захотѣть, если понадобится, подчинить имъ свои личные вкусы. Вспомнимъ слова императрицы Екатерины, сказанныя В. С. Попову, въ которыхъ она такъ неожиданно-откровенно объяснила успѣхъ своего правленія именно приспособленіемъ ея самой къ обычаямъ и желаніямъ народнымъ: «прежде чѣмъ издать какое-либо повелѣніе (сказала императрица), я долго и тщательно обдумываю, насколько оно будетъ соотвѣтствовать желаніямъ и воззрѣніямъ моихъ подданныхъ, и только уже тогда объявляю его. Въ этомъ весь секретъ успѣха моихъ дѣйствій»...

Вотъ та новая точка зрѣнія, какая все чаще и чаще слышится въ трудахъ нашихъ историковъ, а въ научной исто-

ріографіи завоевала себѣ уже прочное положеніе. Но наряду съ здоровымъ зерномъ и у этого направленія, какъ у любого, когда оно выростаетъ на почвѣ реакціи, отпора односторонностямъ, есть свои ошибки и увлеченія: поскольку прежніе историческіе труды игнорировали внутреннюю жизнь общества, сосредоточивая свое вниманіе на внѣшнихъ фактахъ и т. наз. герояхъ, настолько теперь въ новомъ зачастую приходится замѣчать пренебрежительное отношеніе къ внѣшней исторіи и къ личности. А между тѣмъ и личность, и война, и дипломатическая переписка есть также отраженіе человѣческой страсти, человѣческихъ идей, желаній, скорби и радости — словомъ всего того, изъ чего слагается собственно «жизнь» человѣчества.

Вѣдь если выдающаяся личность есть порожденіе времени, среды, и не можетъ появиться на исторической сценѣ подобно какому-нибудь Deus ex machina, то и геній въ свою очередь оставляетъ глубокій слѣдъ въ томъ обществѣ, гдѣ ему приходится дѣйствовать. Геній пускаетъ въ оборотъ новыя идеи, создаетъ новыя формы (хотя бы матеріалъ для этихъ идей и формъ и былъ созданъ самою средою) и тѣмъ самымъ обусловливаетъ новыя направленія жизни. Поэтому біографія выдающихся людей тоже цѣнный матеріалъ для историка, какъ и жизнь толпы, и игнорировать ее было бы большой односторонностью. Обязанность же историка озаботиться, чтобъ всѣ эти лица и внѣшніе факты являлись дѣйствительнымъ и яркимъ отраженіемъ времени, — одинаково какъ жизни повседневной, такъ и сильныхъ біеній общественнаго пульса.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять эпоху Петровскихъ преобразованій безъ личности самого Петра и всѣхъ колебаній Великой Сѣверной войны? Вѣкъ Людовика XIV останется наполовину неяснымъ безъ придворнаго быта, безъ торжественныхъ одъ, безъ Версаля и, пожалуй, до извѣстной степени, даже интригъ въ будуарѣ m-me де-Ментенонъ. Точно такъ же и слѣдя за развитіемъ французской монархіи, вы не обойдете ни Генриха IV, ни Ришелье. Недаромъ 30-лѣтняя война рисуется нашему воображенію въ обстановкѣ безконечныхъ мелкихъ стычекъ, звѣрскихъ набѣговъ, пожаровъ, коз-

ней императора и Валленштейна... Повторяю, лишь бы «великіе люди» не заслоняли самаго общества, а описаніе битвъ не превращалось въ пестрый калейдоскопъ.

Изъ всего сказаннаго послѣдовательно вытекаетъ та равнодѣйствующая, по которой должно пойти перо историка. Его задача — уразумѣть жизнь народную, идеи и интересы даннаго общества, его чувствованія и стремленія, — короче говоря, раскрыть душу человѣка, жившаго въ прежнее время. Такъ называемый внутренній бытъ, соціальный строй народа, его юридическія, экономическія отношенія въ данную эпоху еще не есть сама жизнь, а только ея *выраженія, ея проявленія*, подобно войнѣ, дипломатической перепискѣ и личностямъ, стоящимъ во главѣ общества. Чѣмъ многостороннѣе жизнь даннаго общества, чѣмъ въ болѣе сложныхъ формахъ она проявляется, тѣмъ сложнѣе и матеріалъ историка, тѣмъ опаснѣе упустить изъ виду тотъ или иной факторъ, то или иное явленіе. Въ моменты сильнаго подъема народнаго духа на фонѣ толпы обыкновенно ярче выступаютъ ея вожди и герои, съ бóльшимъ вниманіемъ остановится на нихъ и историкъ; но да не отвернется бытописатель прошлаго и отъ длиннаго ряда лѣтъ повседневной, тусклой, на видъ мокотонной работы безымянной толпы — это краеугольный камень общественности и государственности, которыя вырабатываетъ поколѣніе за поколѣніемъ, и обязанность историка вскрыть эти малопримѣтныя, но мощныя силы, освѣтить ихъ своимъ фонаремъ. Все дѣло въ пропорціональности, въ исторической перспективѣ, въ умѣньи размѣстить матеріалъ ближе или дальше, освѣтить его гдѣ ярче, гдѣ слабѣе. А это уже вопросъ художественнаго чутья, чувства мѣры и гармоніи.

4. Рамки историческаго матеріала.

Предложенное опредѣленіе исторіи, какъ науки; принципъ единства исторіи и вытекающая отсюда обязанность изучать историческія явленія въ широкихъ рамкахъ постояннаго взаимодѣйствія, духовнаго и матеріальнаго, народностей; наконецъ, сознаніе, что объектомъ исторіи являются одинаково

и «герои» и «толпа» — все это чрезвычайно расширило въ нашемъ сознанiи *рамки историческаго матерiала.* Кромѣ того отчетливѣе выяснились и сложность, *многообразiе* этого матерiала, тѣсная *связь и взаимоотношенiе* различныхъ сторонъ проявленiя человѣческаго духа. Исторiя, оказывается, охватываетъ всѣ стороны и проявленiя человѣческой дѣятельности, чѣмъ существенно и отличается отъ всѣхъ остальныхъ наукъ, за исключенiемъ развѣ одной философiи. Богословъ и педагогъ, судья и администраторъ, финансистъ и художникъ подходятъ къ человѣку каждый со своими специальными требованiями и цѣлями; задача историка — охватить одинаково и религiозныя основы вѣры даннаго общества и педагогическiя условiя его духовнаго роста; опредѣлить формы его жизни и уклоненiя отъ предписанiй этики; ростъ матерiальныхъ средствъ и идеалы, нашедшiе воплощенiе въ художественныхъ образахъ. Природа, понимавшаяся раньше въ видѣ случайной рамки, пригодной подъ какой-угодно портретъ, нынѣ оказывается крупнымъ факторомъ въ человѣческой жизни; языкъ сталъ не однимъ только внѣшнимъ признакомъ отличiя народностей, но и отраженiемъ ихъ духа, характера, всего мiросозерцанiя; условiя экономическiя и юридическiя изучаются все болѣе и болѣе въ тѣсной между собою связи; матерiальная обстановка получила для историка свою цѣну, какъ отраженiе жизни, ее создавшей. Вообще современная историческая наука проникла сознанiемъ, что всѣ факторы, изъ коихъ слагается духовная жизнь, должны изучаться въ ихъ неразрывномъ цѣломъ и въ совокупномъ взаимодѣйствiи. Никогда еще, быть можетъ, философская мысль не дѣлала такихъ крупныхъ обобщенiй, какъ въ XIX вѣкѣ, сумѣвъ подмѣтить связь между событiями, повидимому, совершенно изолированными, и подвести ихъ подъ дѣйствiе однихъ и тѣхъ же законовъ. «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations» Вольтера, «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» Гердера кажутся дѣтскими попытками въ сравненiи съ тѣмъ, что дало въ этомъ направленiи прошлое столѣтiе.

Громоздкость и громадность размѣровъ историческаго матерiала, его почти безграничная сложность требуютъ отъ

историка чрезвычайно обширныхъ и разностороннихъ свѣдѣній, разработка коихъ непосильна не только одному лицу, но и цѣлому поколѣнію. Замѣчаніе это не только приложимо къ цѣлому періоду времени или къ отдѣльной сторонѣ общественной жизни, но даже и къ біографіи историческаго дѣятеля.

Положимъ, мы хотѣли бы изучить одну опредѣленную эпоху жизни какого-нибудь народа, напримѣръ, въ исторіи Россіи — время *Петра Великаго*, т. наз. эпоху преобразованія. Изучить эту эпоху — значитъ показать, какъ жила въ это время масса людей, называемыхъ русскимъ народомъ и составлявшихъ Русское государство; показать, въ какихъ отношеніяхъ стояла она къ сосѣдямъ, какимъ измѣненіямъ подверглись тогда ея собственная жизнь, правительственныя учрежденія, войско и флотъ; въ какомъ состояніи находились тогдашняя торговля и пути сообщенія, подати и промышленность, религія и нравственность, образованіе, нравы и т. п.; показать, чѣмъ были вызваны эти измѣненія, какъ они сказались на современномъ поколѣніи и какъ отразились на послѣдующихъ. Для всего этого необходимо ознакомиться съ *личностью* Петра В., его *семьею*, его *сотрудниками*, главными и второстепенными, прослѣдить послѣдовательно рядъ *военныхъ* событій, ознакомиться съ силами и характеромъ нашихъ враговъ, условіями, при какихъ дѣйствовали эти послѣдніе; прослѣдить сношенія *дипломатическія* и ознакомиться съ личностями, руководившими этими сношеніями; *поѣздки* Петра и другихъ русскихъ людей этого времени *за границу* и тѣ впечатлѣнія, какія они выносили оттуда; прослѣдить *каждую реформу* въ отдѣльности; какіе недостатки она восполняла, насколько была хороша, какими средствами осуществлялась, въ какой зависимости отъ другихъ реформъ или же существующихъ учрежденій она стояла и т. п.; то же сдѣлать съ каждымъ отдѣльнымъ *указомъ и* распоряженіемъ, и не только исходящимъ изъ центральнаго правительственнаго учрежденія, но и изъ областныхъ; опредѣлить состояніе нашей торговли, промысловъ и земледѣлія до Петра В. — вообще весь бытъ до-Петровской Руси не только *экономическій*, но и *религіозный*,

умственный, *нравственный*, а онъ выражается въ состояніи тогдашней церкви, въ расколѣ, въ проповѣдяхъ и поученіяхъ, въ тогдашней литературѣ, духовной и свѣтской, тогдашнемъ театрѣ, жизни семейной, матеріальной обстановкѣ, въ какой жили наши предки, и во многомъ тому подобномъ.

Но что такое «ознакомиться съ личностью Петра В., его семьей, его сотрудниками?» Это значитъ: прослѣдить жизнь Петра отъ его рожденія до смерти, опредѣлить вліяніе семейное, выяснить первоначальное воспитаніе, первыя дѣтскія впечатлѣнія, вынесенныя изъ жизни въ Преображенскомъ, его потѣхи, путешествія, его труды и т. д. и т. д. А для этого всего въ свою очередь надо узнать его семью, тогдашнюю систему воспитанія, выяснить, что были за люди, въ кругу которыхъ вращался Петръ, что такое была Нѣмецкая Слобода, какія были у насъ тогда знанія техническія, военныя, морскія и т. п.; надо перечитать всѣ его письма, дѣловыя и частныя, всѣ его указы, распоряженія, свидѣтельства современниковъ. Чтобы опредѣлить впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ перваго заграничнаго путешествія, необходимо не только ознакомиться съ тѣмъ, что онъ тамъ видѣлъ, но и знать, какова была тогдашняя Европа, для опредѣленія, что вынесъ Петръ изъ путешествія и чего нѣтъ, что поразило его и мимо чего онъ прошелъ и т. д. и т. д. — и это все для рѣшенія пока одного только вопроса: что за личность была Петръ Великій! А если возьмемъ тогдашнія военныя событія, намъ придется прежде всего узнать предшествовавшія столкновенія Русскаго государства съ Турціей, Швеціей, Польшей и Персіей, чѣмъ они вызывались, чѣмъ обусловливался тотъ или иной успѣхъ или неуспѣхъ. Ходъ, напримѣръ, Сѣверной войны требуетъ отъ насъ изученія тогдашняго состоянія военнаго дѣла, сухопутнаго и морского, у насъ и у шведовъ, системы наборовъ и связаннаго съ ней экономическаго положенія русскаго народа, знакомства съ сотрудниками Петра, съ ихъ характеромъ, взаимными отношеніями, знаніями и пригодностью къ дѣлу; положенія Малороссіи и Мазепы, отношенія русскаго народа и чужеземныхъ правительствъ къ этой войнѣ, того участія, какое они принимали въ ней. Придется перечитать всѣ относящіяся сюда письма, распоря-

женія, дипломатическія сообщенія, извѣстія современниковъ, что-бъ составить возможно полное и точное представленіе о Шведской войнѣ. И это для одного только этого вопроса! А сколько же надо изученія, чтобъ рѣшить главную задачу — изслѣдованіе эпохи Петра Великаго? Не только одной, но и сотни жизней не хватитъ на такое трудное дѣло. Вотъ почему даже и теперь столько времени спустя по смерти великаго императора, мы не имѣемъ еще полной и достойной исторіи его дѣятельности!

Возьмемъ ли задачу болѣе скромную по размѣрамъ, хотя бы *біографію патріарха Никона* или *прикрѣпленіе крестьянъ*, и здѣсь придется затронуть цѣлую массу вопросовъ, а значитъ, и дать столько же отвѣтовъ. Какова была бытовая сторона крестьянства, изъ котораго вышелъ Никонъ? Подъ какимъ вліяніемъ складывался его характеръ? Какъ смотрѣли въ то время на монашескую жизнь и какова она была въ дѣйствительности? Какія особенности монашеской жизни существовали въ коже-езерскихъ скитахъ, куда отправился сначала Никонъ? Каково было положеніе духовенства въ Москвѣ? Личность царя Алексѣя (опять личность!), особенности положенія владыки въ Новгородѣ, управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, состояніе просвѣщенія на Руси, степень религіозности русскаго народа, ошибки въ старопечатныхъ книгахъ, тѣ лица, съ какими сталкивался Никонъ, свѣтскія и духовныя? и мн. тому подобн. А въ исторіи прикрѣпленія крестьянъ передъ нами выступятъ экономическія условія жизни земледѣльческаго и землевладѣльческаго классовъ, нужды правительства; финансовыя, административныя, военныя; отношенія государства къ сосѣдямъ и т. п., — а каждый изъ этихъ вопросовъ, какъ мы видѣли по вышеприведеннымъ примѣрамъ, въ свою очередь вызываетъ рядъ отдѣльныхъ предварительныхъ изслѣдованій.

Говоря вообще, какой бы отдѣльный частный фактъ въ исторіи мы ни взяли, самый даже мелкій, необходимо разсматривать его въ связи со многими другими фактами, потому что вѣдь и въ жизни онъ не совершался изолированно, а терпѣлъ воздѣйствіе отъ однихъ и въ свою очередь могъ вліять

на другія явленія. Безъ этого мы никогда не опредѣлимъ его настоящаго значенія и то уменьшимъ, то преувеличимъ его дѣйствительное значеніе.

5. Объемъ исторіи.

Говоря о рамкахъ и многообразіи историческаго матеріала, умѣстно здѣсь же опредѣлить и *объемъ исторіи*, то-есть какія именно формы человѣческой дѣятельности, какія стороны жизни подлежатъ вѣдѣнію этой науки. Какъ ни могуче вліяніе природы на человѣка, но она только опредѣляетъ рамки его дѣятельности и тѣ основы, переступить кои онъ не имѣетъ права, — положительное же содержаніе *жизни* лежитъ въ самомъ человѣкѣ, въ его желаніяхъ и потребностяхъ. А желанія и потребности человѣка можно свести къ сдѣлующимъ *четыремъ*.

Прежде всего человѣкъ хочетъ жить въ обществѣ ему подобныхъ существъ. Инстинктъ общественности, въ связи съ чувствомъ самосохраненія, порождаетъ, какъ мы уже имѣли случай убѣдиться раньше, обязанности, правила и власть, опредѣляющую эти обязанности и охраняющую эти правила — на этой почвѣ возникаетъ *организація общества*. Данное общество (народъ, государство) не живетъ изолированною жизнью: оно соприкасается съ такими же, какъ и оно само, группами; оберегая свои интересы, оно достигаетъ этого мирнымъ путемъ или насильственнымъ — такъ создаются *внѣшнія отношенія*. Но внѣшнія отношенія, въ ряду желаній человѣка, звучатъ болѣе или менѣе отрицательно; да и организація общественная есть только базисъ, на которомъ строятся самыя желанія. Положительная же сторона послѣднихъ сводится къ двумъ видамъ: человѣкъ хочетъ обезпечить свое физическое существованіе и удовлетворить свои духовныя потребности. Первое порождаетъ *матеріальную культуру*, второе — *культуру духовную*.

Этими четырьмя задачами очерчивается весь кругъ человѣческой дѣятельности; исходя изъ него, мы безъ большого труда опредѣлимъ, какого рода вопросы долженъ поставить

себѣ темою историкъ, изучающій жизнь того или другого народа. Вотъ ихъ схема:

I. Организація общества.

1. Территорія (ея характеръ и свойства, составъ, колебанія въ предѣлахъ и пр.).
2. Населеніе (составъ, классы, сословія).
3. Власть (ея происхожденіе, формы, функціи).
4. Дѣйствія власти:

   А. Законодательство.

   Б. Управленіе.

   Органы управленія:

   а) полиція, б) финансы, в) войско.

   В. Судъ.

II. Внѣшнія отношенія.

1. Дипломатія (сношенія съ правительствами).
2. Войны.
3. Сношенія съ иноземцами на почвѣ культурной (матеріальной и духовной).

III. Матеріальная культура.

1. Поселенія (групповое жилье, колонизація, переселенія).
2. Пути сообщенія.
3. Промыслы: а) звѣроловство, б) рыболовство, в) скотоводство, г) земледѣліе, д) птицеводство, е) пчеловодство, ж) солевареніе, з) горное дѣло, и) промышленность (обрабатывающая).
4. Ремесла.
5. Торговля.
6. Деньги.
7. Бытовая обстановка: а) жилье, б) утварь, мебель, в) одежда, г) обувь, д) пища, е) питье.

IV. Духовная культура.

1. Церковь,
2. Литература,
3. Школа,
4. Наука,
5. Искусство,
6. Нравы и обычаи.

IV. ИТОГИ.

Прежде чѣмъ идти дальше, подведемъ итоги всему сказанному на предыдущихъ страницахъ.

Мы нашли, что исторія есть наука, изучающая послѣдовательное развитіе человѣческой дѣятельности въ обществѣ, на основѣ тѣхъ законовъ, какимъ она подлежитъ. Современный научный, генетическій характеръ исторіи послѣдовательно выросъ и сложился изъ двухъ предварительныхъ стадій ея, повѣствовательной и поучительной. Высокое значеніе исторіи генетической, какъ строго научной, не исключаетъ и понынѣ существованія исторіи повѣствовательной или поучительной, у коихъ могутъ быть свои, хотя и низшаго порядка, цѣли и задачи. Исторію генетическую, какъ таковую, опредѣлили слѣдующіе факторы:

1. Успѣхи естествознанія и приложеніе къ историческимъ явленіямъ ученія о трансформаціи или т. наз. теоріи постепеннаго и постояннаго развитія, эволюціи.

2. Сознаніе, что, подобно тому, какъ любой человѣкъ есть «сынъ своего вѣка», такъ и любое историческое явленіе есть порожденіе лишь даннаго времени и данной среды — другими словами, убѣжденіе въ томъ, что историческія явленія обладаютъ извѣстной внутренней послѣдовательностью; одно могло быть только раньше, другое — только позже; одно — только при сочетаніи такихъ-то условій, другое — только при сочетаніи условій иного порядка.

3. Признаніе единства человѣческой природы, что́ опредѣлило извѣстныя общія свойства, потребности и основы жизни людей во всѣ времена и на всемъ земномъ шарѣ.

4. Признаніе единства человѣческаго рода, то-есть признаніе того, что данная группа людей, будетъ ли это крохотное племя или многомилліонная нація, обширное государство, не есть что-либо замкнутое въ самомъ себѣ, отдѣльно существующее, но неразрывная часть великаго цѣлаго — человѣчества.

5. Признаніе единства исторіи — глубокой и неразрывной связи, постояннаго взаимодѣйствія въ жизни отдѣльныхъ народностей, вслѣдствіе чего исторія одной общественной группы какъ бы входитъ въ исторію другой, тѣсно переплетаясь съ нею; исторія этой — въ исторію третьей, такъ что въ общемъ получается лишь одна исторія человѣчества.

Въ тѣсной связи съ вышесказанными пятью положеніями стоитъ и сознаніе существованія закономѣрности историческихъ явленій — зависимости ихъ отъ постоянныхъ, имѣющихъ характеръ неизбѣжности, отношеній.

Далѣе, мы нашли, что если историческое знаніе въ настоящемъ его видѣ и не можетъ стоять на одномъ уровнѣ съ точными науками (да и не будетъ никогда въ силу своихъ особенностей), то это не исключаетъ возможности со временемъ выяснить законы, управляющіе историческою жизнью, болѣе отчетливо, чѣмъ это доступно намъ въ настоящее время. Мысль же о «ненаучности» исторіи возникла въ значительной степени на почвѣ того преувеличеннаго значенія, какое въ исторіографіи прежняго времени придавалось личности. Съ признаніемъ въ современной наукѣ преобладающаго значенія за обществомъ, за «толпой», отпадаетъ и прежній упрекъ. Но и исторія генетическая не имѣетъ права игнорировать личность, ибо послѣдняя сохраняетъ для историка значеніе даже и съ точки зрѣнія жизни «толпы», какъ яркое и конкретное ея проявленіе. Наконецъ, мы нашли, что при указанныхъ условіяхъ должны чрезвычайно расшириться рамки историческаго матеріала, опредѣлилось, въ широкихъ размѣрахъ, его разнообразіе. Чтобы дать нѣкоторое представленіе объ объемѣ исторіи, мы попытались начертить его схему, выходя изъ признанія у любого человѣческаго общества слѣдующихъ четырехъ

основныхъ потребностей и желаній: 1) общественнаго инстинкта, 2) опредѣленія своихъ отношеній къ другимъ обществамъ, 3) потребностей физическихъ и 4) потребностей духовнаго характера, что́ обусловило проявленіе въ жизни людей: 1) организаціи общества, 2) внѣшнихъ отношеній, 3) матеріальной культуры и 4) культуры духовной.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. О РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.

1. *Исторія русскаго народа есть ли исторія Русскаго государства?*

Выяснивъ понятіе *исторіи* вообще, давъ ея опредѣленіе и ознакомившись съ современной ея постановкой, какъ науки, намъ предстоитъ теперь выяснить другой вопросъ: что такое *русская* исторія, или, что то же, исторія *Россіи?*

Изучать исторію человѣчества составляетъ задачу всемірной исторіи; какой-либо отдѣльной его части — есть дѣло частной исторіи. Русскій народъ есть часть человѣчества; такимъ образомъ исторія Россіи есть одна изъ частныхъ исторій человѣчества. Въ данномъ случаѣ отожествлены понятія «русскій народъ» и «Россія». Правильно ли это? Могутъ замѣтить, что русскій народъ далеко не опредѣляетъ собою всей Россіи, и указать на массу иныхъ народностей, входящихъ или входившихъ въ составъ Русскаго государства, изъ которыхъ однѣ, какъ поляки и грузины, нѣкогда сами представляли особыя государственныя единицы, а иныя, какъ финляндцы, съ самаго начала ихъ присоединенія къ Русской имперіи, т. е. задолго до революціи 1917 г., занимали въ «Россіи» положеніе, которое давало нѣкоторымъ юристамъ основаніе видѣть въ Финляндіи до извѣстной степени отдѣльное государство.

Тѣмъ не менѣе предложенное отожествленіе можетъ быть оправдано. «Россія», или, что то же, Русское государство есть та форма общежитія, которую выработалъ, упрочилъ и придалъ

ей настоящій видъ и характеръ никто иной, какъ русскій народъ; остальныя народности играли и играютъ въ ходѣ этого построенія и развитія до настоящей минуты лишь второстепенную, служебную роль. Государство же есть высшая форма общежитія, до какой дошло человѣчество въ своемъ развитіи, и потому исторія того, какъ слагалось и какія измѣненія претерпѣвало на пространствѣ тысячи лѣтъ Русское государство, есть то же, что исторія того, какъ жилъ, дѣйствовалъ и какъ слагалъ свое государство русскій народъ. Такимъ образомъ, государство является какъ бы олицетвореніемъ духа создавшаго его народа и даетъ право «исторію русскаго народа» отожествлять съ понятіемъ «исторіи Русскаго государства». Если же Полевой, составляя свою «Исторію русскаго *народа*», имѣлъ въ виду названіемъ книги противопоставить свой трудъ «Исторіи *государства* россійскаго», то дѣло было не въ самомъ терминѣ, а въ противодѣйствіи одностороннему направленію труда знаменитаго исторіографа. Карамзину ставили въ упрекъ недостаточно широкую постановку темы, находя, что въ «государствѣ» онъ видѣлъ одно только правительство, работу правительственной машины — дѣятельность законодательную, административную, судебную — и проглядѣлъ «общество», «толпу».

Насколько справедливъ былъ этотъ упрекъ — вопросъ въ данномъ случаѣ посторонній; но уже самая возможность спора показываетъ, что понятіе о государствѣ есть понятіе сложное, и вотъ почему, прежде чѣмъ идти дальше, необходимо подвергнуть это понятіе болѣе обстоятельному разсмотрѣнію.

2. Понятіе о государствѣ.

Идеальный, въ чистомъ видѣ проявляющійся типъ государства представляетъ собою союзъ бо́льшаго или меньшаго числа людей, сознавшихъ общность своихъ интересовъ и въ силу этого сознанія юридически связавшихъ себя извѣстною суммою постановленій и взаимныхъ обязательствъ. Впрочемъ такой идеальный типъ государства не можетъ быть названъ нормальнымъ въ смыслѣ преобладанія, потому что на земномъ шарѣ нѣтъ недостатка въ государствахъ, члены которыхъ далеки отъ того,

чтобы считать интересы одной части своими интересами, такъ какъ вошли въ союзъ исключительно въ силу принужденія. Типъ перваго рода, названный идеальнымъ, складывается на почвѣ національнаго единства и опредѣляется естественнымъ сожительствомъ людей кровныхъ между собою, говорящихъ однимъ языкомъ, съ одинаковыми нравами и обычаями — таковы Франція, Данія, Швеція, Норвегія, частью Италія, Испанія (въ послѣднихъ двухъ рѣзче проявились особенности мѣстныхъ діалектовъ); типъ второго рода слагается на почвѣ стремленій господствующей народности создать государственное единство и опредѣляется во власти однихъ и въ подчиненіи другихъ, въ единствѣ политической жизни и въ существованіи общихъ постоянныхъ цѣлей, достаточно сильныхъ и убѣдительныхъ для того, чтобы парализовать стремленіе подчиненныхъ народностей освободиться отъ своего подчиненія. Таковы Англія, Россія, Турція, Румынія, возникшія на нашихъ глазахъ государства Чехо-Словакія, Польша.

Какъ бы ни отличались между собою эти два типа, но основное сходство ихъ въ томъ, что тамъ и тутъ государство существуетъ во имя интересовъ, которые считаются общими, и притомъ интересовъ не случайныхъ, не поверхностно понятыхъ, а сознанныхъ и достигнутыхъ путемъ долгихъ усилій. Это не какая-нибудь толпа, составленная всегда изъ случайнаго подбора единицъ, лишь на минуту охваченныхъ общей идеей, желаніемъ: прошло настроеніе — и толпа распалась, подобно карточному домику, пока новый случай не соберетъ ее, но уже въ иномъ составѣ, съ иными цѣлями и такъ же мимолетно, непрочно. Государственное общество, наоборотъ, есть всегда результатъ болѣе или менѣе медленнаго, зачастую прямо даже болѣзненнаго процесса и слагается съ тѣмъ, чтобы существовать долго и прочно. Обыкновенно первымъ толчкомъ къ тому бываетъ союзъ дотолѣ разрозненныхъ родовъ и образованіе племени; дальнѣйшій союзъ племенъ образуетъ народности, а съ ростомъ національнаго сознанія крѣпнетъ и сознаніе государственнаго единства. Какъ бы ни было велико подобное государственное общество, оно представляетъ изъ себя въ сущности единицу, цѣльный организмъ, живущій и дѣйству-

ющій по своимъ опредѣленнымъ законамъ, единицу, конечный идеалъ которой — найти ту среднюю уравновѣшивающую силу, которая дала бы возможность каждому сочлену этой «единицы» пользоваться возможно большимъ счастьемъ и возможно болѣе дѣйствовать на благо другимъ. И чѣмъ медленнѣе совершается процессъ развитія государства, чѣмъ большихъ жертвъ и усилій потребовалъ онъ отъ людей, тѣмъ прочнѣе, долговѣчнѣе такой организмъ. Случайный вѣтеръ его уже не смететъ; капризъ или прихоть отдѣльнаго лица не уничтожатъ. Бывали случаи, когда государство, уже одряхлѣвшее, долго еще продолжало свое политическое существованіе, прямо въ силу пріобрѣтенной вѣками инерціи, — крѣпости того цемента, который нѣкогда спаялъ кирпичи государственнаго зданія (Римская имперія).

А. Особенности государственнаго общества.

Итакъ, государство есть союзъ лицъ, живущихъ общими цѣлями; лица эти составляютъ населеніе государства и могутъ быть названы обществомъ, государственнымъ обществомъ. Но общества, какъ группы, союзы людей, связанныхъ извѣстными цѣлями, могутъ быть разныя. Въ чемъ же особенности государственнаго общества, отличающія его отъ всякаго иного? Такихъ особенностей можно указать слѣдующія шесть:

1. Государственное общество есть *единственное* въ своемъ родѣ: другого въ данномъ государствѣ нѣтъ и не можетъ быть, тогда какъ общества иного рода могутъ быть въ любомъ количествѣ.

2. Государственное общество есть *необходимая форма человѣческаго общежитія*. Всякое иное, будь это ученое общество, акціонерное, благотворительное и пр., возникаетъ по сознательной иниціативѣ отдѣльнаго лица, состоитъ изъ лицъ взрослыхъ или во всякомъ случаѣ способныхъ разсуждать, преслѣдуетъ опредѣленныя, ясно сознанныя цѣли и завтра же можетъ исчезнуть; а къ государственному обществу мы принадлежимъ съ самаго нашего рожденія, оно не спрашиваетъ насъ, хотимъ ли мы вступить въ него или нѣтъ, а принимаетъ,

беретъ къ себѣ, потому что обладаетъ соотвѣтственною для этого силою. Государственнаго общества намъ не избѣгнуть, если только, разумѣется, не удалиться куда-нибудь въ пустыню Робинзономъ на необитаемый островъ. Самое же большее, что для насъ возможно — это выйти изъ *даннаго* государственнаго общества, но съ тѣмъ лишь, чтобъ сейчасъ же очутиться въ другомъ.

3. Государственное общество *охватываетъ всѣхъ* людей въ государствѣ; иныя же общества — лишь частныя группы.

4. Государственное общество *самобытно создается изъ самаго себя*, если и не всегда собственными силами, а съ чужой помощью (современныя Грецiя, Сербiя, Польша, Болгарiя) или подъ влiянiемъ толчка извнѣ (Англiя, Россiя, Испанiя), то все же лишь въ томъ только случаѣ, когда существуетъ наличность данныхъ для созданiя въ самихъ лицахъ, изъ коихъ это общество создается. Наличность таковыхъ данныхъ проявляется, во-1-хъ, въ существованiи того матерiала, изъ котораго можно начать построенiе государственнаго зданiя, и, во-2-хъ, въ сознанной потребности выйти изъ прежняго разъединеннаго или подчиненнаго положенiя и (въ томъ и другомъ случаѣ) объединиться для совмѣстнаго достиженiя общихъ цѣлей на почвѣ вполнѣ самостоятельнаго существованiя. Данъ ли былъ первый толчокъ въ образованiи Русскаго государства норманнами, вообще внѣшнею постороннею силою, какъ думаютъ одни, или, наоборотъ, оно возникло путемъ естественнаго роста племенныхъ приднѣпровскихъ княжествъ и объединенiя ихъ князьями кiевскими, какъ утверждаютъ другiе — во всякомъ случаѣ фактъ совершился только потому, что народная масса съ одной стороны уже почувствовала потребность въ новомъ строѣ, а съ другой — потому, что первыя балки и стропила государственнаго зданiя были уже подготовлены въ видѣ племенныхъ князьковъ, влiянiя укоренившагося обычая, матерiальной силы и авторитета немногихъ надъ массой. Сѣв. Ам. Соед. Штаты изъ колонiи превратились въ самостоятельное государство не столько потому, что имъ удалось освободиться отъ зависимости англичанъ, но болѣе въ силу того, что сознанiе современниковъ Вашингтона

и Франклина переросло тогдашнія формы и содержаніе ихъ политическаго быта. Точно также и для Греціи въ 20-хъ годахъ, для Сербіи и Румыніи въ 70-хъ прошлаго (XIX) столѣтія помощь великихъ державъ была лишь содѣйствіемъ, но не основною причиною начала ихъ политической самостоятельности. Если въ ближайшемъ будущемъ, хоть завтра же, возможны самостоятельныя государства Индія, Арменія, то, наоборотъ, никакая внѣшняя поддержка не въ силахъ будетъ создать государства Лапландскаго или Калмыцкаго, Еврейскаго или Черкесскаго. Сознаніе, о которомъ мы говоримъ, проявляется медленно, формируясь постепенно и незамѣтно: потому и государства возникаютъ не сразу, а также медленно и постепенно. Показная сторона исторіи С. А. С. Штатовъ или Греціи не можетъ служить опроверженіемъ только-что сказанному: американская декларація 4-го іюля 1776 г. или постановленія лондонской конференціи 2-го февраля 1830 г. лишь заключительные моменты подготовительной духовной работы, совершавшейся не годъ, не два и даже не одно поколѣніе. Зато и сломить государство не такъ-то легко. Какихъ только переворотовъ не испытала Франція за послѣднія 120—130 лѣтъ, сколько формъ правленія смѣнилось въ ней, сколько революцій, потрясавшихъ государственное зданіе, повидимому, до самаго основанія... а между тѣмъ, какъ *государство*, Франція не только продолжаетъ существовать до нашихъ дней, но и попрежнему играетъ роль великой вліятельной державы. Зато государства Древняго Востока держались лишь одной личностью государя-завоевателя: умиралъ Сезострисъ, Навуходоносоръ, Киръ или Александръ Македонскій, и съ ихъ смертью падали основанныя ими государства, — и это потому, что одинъ мечъ безсиленъ вдохнуть въ разнородныя части желаніе жить общими интересами, поддержать же единство хватаетъ лишь на самое короткое время.

5. Государственное общество *въ самомъ себѣ носитъ право на существованіе* — положеніе, непосредственно вытекающее изъ предыдущаго; дѣйствительно, если извѣстная группа лицъ доросла до сознанія государственности и въ самой себѣ находитъ необходимый для этого источникъ, то не можетъ быть

и рѣчи о томъ, чтобъ кто-нибудь со стороны доставилъ ей эту государственность и право на нее: ибо, если, напримѣръ, Греція и возникла по договору великихъ державъ съ Турціей, то это отнюдь не значитъ, что великія державы и Турція *даровали* грекамъ право жить самобытнымъ государствомъ — онѣ только *признали* за ними право на него.

6. Государственное общество *должно обладать достаточною силою для самозащиты*, иначе оно наканунѣ своего паденія. Таково было положеніе Польши во второй половинѣ XVIII стол., послѣдовательно терявшей область за областью и въ концѣ концовъ стертой съ политической карты Европы; таковою была до послѣдняго времени Турція, вынужденная пассивно смотрѣть, какъ отторгали отъ нея, хотя и съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ международнаго права, подъ разными видами, Боснію и Герцеговину, Египетъ, Тунисъ, Кипръ, Критъ, Палестину. Да и Хива съ Бухарой не «настоящія» государства, потому что существованіе ихъ всецѣло зависитъ отъ чужой воли; болѣе самостоятельности представляютъ Бельгія съ Голландіей, но отъ замысловъ Франціи и Германіи онѣ во всякомъ случаѣ ограждены не столько собственными силами, сколько международными соглашеніями сильныхъ соперничествующихъ державъ, а какъ мало значенія имѣютъ такія соглашенія, это наглядно показала послѣдняя Міровая война, когда Германія, противно всякимъ договорамъ, нарушила нейтралитетъ Бельгіи и вторглась въ ея предѣлы.

Б. ТЕРРИТОРІЯ.

Таково государственное общество и его характерныя отличія отъ всякаго иного. Но съ понятіемъ о государственномъ обществѣ неразрывно связано понятіе о государственной территоріи, той части земного шара (бо́льшихъ или меньшихъ размѣровъ), на коей живетъ населеніе даннаго государства.

Никакое государственное общество не можетъ витать въ пространствѣ; но оно не можетъ существовать и на морѣ; ему необходима непремѣнно суша. Есть т. наз. «морскія» государства, какова, напримѣръ, Англія, для которой море

и обусловленное имъ владѣніе колоніями во всѣхъ частяхъ свѣта, является главной точкой опоры, источникомъ жизнедѣятельности, основнымъ условіемъ матеріальныхъ силъ; но еще никогда не было и не можетъ быть государствъ, существующихъ на морѣ. Какъ ни могущественны были флибустьеры на Атлантическомъ океанѣ, какъ ни хороша была организація европейскихъ пиратовъ въ средніе вѣка, но никто не назоветъ ихъ хотя бы пловучими государствами; воздухъ, продукты моря, если и были въ ихъ распоряженіи, то для прочаго рода пищи, для питьевой воды, средствъ на починку своихъ кораблей и т. п. базою имъ все равно служила суша, имъ не принадлежащая. Тѣмъ-то и опасны стали морскіе пираты въ эпоху Помпея, что, утвердившись въ Малой Азіи, на берегахъ Киликіи, они оказались наканунѣ превращенія изъ пловучей компаніи въ государственное общество. Норманны, какъ извѣстно, лишь съ тѣхъ поръ заживаютъ государственнымъ бытомъ, какъ осѣлись на берегахъ Англіи, Франціи, Южной Италіи.

Суша потому и необходима, что даетъ извѣстную устойчивость въ положеніи человѣка (сравн. французское выраженіе: pied-à-terre.) Характеръ этой устойчивости выступаетъ еще ярче въ томъ, что государственная территорія есть принадлежность только осѣдлыхъ, а не странствующихъ народовъ. У евреевъ, по выходѣ изъ Египта, были налицо всѣ условія для государственной жизни, но только 40 лѣтъ спустя, лишь по завоеваніи Ханаана, образовали они государство въ собственномъ значеніи этого слова. Оставайся германскія племена на своихъ старыхъ мѣстахъ, они, несомнѣнно, образовали бы черезъ извѣстный промежутокъ времени мѣстныя національныя государства; но разъ, подъ напоромъ гунскихъ полчищъ, они двинулись къ границамъ Римской имперіи, государственный бытъ сталъ для нихъ возможнымъ лишь только послѣ утвержденія на новой территоріи, т. е. съ образованія Франціи, Ломбардіи, Бургундіи и т. д.

Подобно государственному обществу и государственная территорія обладаетъ своими особенностями, выдѣляющими ее отъ всякой иной территоріи. Укажемъ на двѣ главнѣйшихъ.

1. *Территоріальное право*, именно какъ государственное, всеобщее, *выше всякаго частно-земельнаго*. Мы съ вами не можемъ загородить на своей землѣ предоставленный въ общее пользованіе проѣздъ по дорогѣ, не можемъ претендовать, чтобы по улицѣ, на которую выходитъ нашъ домъ, никто не ѣздилъ кромѣ насъ самихъ; государство же можетъ запретить и къ себѣ появляться и черезъ владѣнія свои проѣзжать, какими бы въ данномъ случаѣ мотивами оно ни руководилось: боязнью ли заноса холеры, чумы, нежеланіемъ ли имѣть у себя извѣстную категорію лицъ (затрудненія эмигрантамъ въ С. Америкѣ), изъ-за религіозныхъ ли соображеній (мѣры противъ іезуитовъ въ Россіи послѣ паденія царевны Софьи; изгнаніе тѣхъ же іезуитовъ изъ разныхъ государствъ Европы въ эпоху уничтоженія іезуитскаго ордена; запретъ иновѣрцамъ въѣзда въ Мекку, Лхассу) и пр. Нужно государству провести телеграфъ и, конечно, оно ставитъ столбы не на однѣхъ казенныхъ земляхъ; нужно ему соорудить желѣзную дорогу — оно спокойно отчуждаетъ частную земельную собственность, и всѣ находятъ это въ порядкѣ вещей. А не желай Швейцарія проведенія С.-Готардской жел. дороги, соединившей Германію съ Италіей, и никакія акціонерныя общества, ни сама Германія или Италія, — словомъ, никто въ мірѣ не былъ бы въ правѣ принудить ее къ этому; да и телеграфная проволока, что тянется по кавказскому берегу Чернаго моря, какъ часть англоиндійской линіи, проложена исключительно лишь съ согласія русскаго правительства.

Часть моря, прилегающая къ сушѣ, считается какъ бы ея продолженіемъ на разстояніи дѣйствія пушечнаго выстрѣла отъ берега, а потому и собственностью того государства, территоріею котораго является эта суша. Въ силу этого Зундскій проливъ принадлежитъ однимъ берегомъ Швеціи, другимъ Даніи, и проходъ по нему судовъ другихъ націй сталъ свободнымъ лишь въ силу согласія и права, переданнаго тѣмъ государствомъ, у береговъ котораго лежитъ фарватеръ (Данія); Босфоръ же и до сихъ поръ остается исключительнымъ достояніемъ падишаха. Англичанинъ съ гордостью говоритъ: my home is my castle (мой домъ — моя крѣпость, т. е. у себя до-

ма я, и только я одинъ, хозяинъ), и онъ правъ, пока имѣетъ въ виду себѣ подобныхъ; но тотъ же «castle» покорно раскрывается настежь, лишь только передъ его дверями раздадутся слова: «по повелѣнію короля» (т. е. закона).

2. Территоріальное право *составляетъ исключительное право даннаго государства, не заимствуемо, не передаваемо и не подчиняемо* никакой иной посторонней силѣ. Орденъ іезуитовъ, при всей стройности и мощи своей организаціи, даже въ самое цвѣтущее время своего существованія, обладая обширными землями въ Европѣ, никогда не былъ государствомъ: его земли всегда оставались на положеніи угодій, помѣстій и тому подобныхъ видовъ частной земельной собственности, но никогда не территоріей; и тѣ же іезуиты, ставъ во главѣ населенія Парагвая, создали, хотя и кратковременное, стройное, прекрасно дисциплинированное государство Южной Америки. Точно также и ганзейцы въ средніе вѣка всегда оставались лишь на положеніи торговыхъ общинъ, союзовъ — не болѣе, а ордена мальтійцевъ, меченосцевъ, захвативъ, одни — Родосъ, позже Мальту, другіе — Остзейскій край, создали государства съ государственной территоріей, право на которую они добыли мечомъ, мечомъ же и охраняли.

Государство перестаетъ воплощать въ себѣ чистую идею *государственнаго* тѣла, если, вольно или невольно, дозволяетъ нарушать неприкосновенность своей территоріи или отказывается отъ своихъ правъ на нее, хотя бы въ самой малѣйшей части. Въ такомъ положеніи очутились, напримѣръ, Аѳины въ 404 г., обязавшись не возобновлять разрушенныхъ стѣнъ; Польша XVIII в., допускавшая проходъ русскихъ войскъ чрезъ свои предѣлы, а позже и долговременное пребываніе въ нихъ; Пруссія, по Тильзитскому миру обязавшаяся держать французскіе гарнизоны и не переступать максимума дѣйствующей арміи, или нынѣшняя Германія, которую Версальскій договоръ поставилъ, въ этомъ отношеніи, въ условія еще болѣе тяжкія. Вотъ почему не одинъ только матеріальный ущербъ и возможность серьезныхъ опасностей въ случаѣ новой войны представлялъ для Россіи тотъ пунктъ Парижскаго трактата 1856 г., по которому намъ запрещалось возобно-

влять Черноморскій флотъ; онъ былъ, помимо всего, оскорбительнымъ и позорнымъ; русскую націю лишали права свободно распоряжаться въ своихъ собственныхъ предѣлахъ, у себя дома, на своей территоріи. Отказъ отъ этого обязательства, какъ бы ни судили о немъ съ точки зрѣнія отвлеченной морали, всецѣло оправдывался требованіями національнаго самоуваженія. Вотъ почему понятенъ отвѣтъ императора Николая Павловича на вопросъ одного иностраннаго дипломата, въ словахъ котораго государь прочелъ плохо скрытое недовольство, а можетъ быть и угрозу: «зачѣмъ, ваше величество, строите на Балтійскомъ морѣ такой большой военный флотъ?» — «Затѣмъ, чтобы лишить другихъ возможности впредь задавать мнѣ подобные вопросы».

В. СУВЕРЕНИТЕТЪ.

Понятіе о государствѣ однако далеко не исчерпывается вышесказаннымъ. Въ сущности рѣчь до сихъ поръ велась скорѣе объ одной матеріальной его сторонѣ, а между тѣмъ государство сильно, главнымъ образомъ, зиждительной, творческой силою, неизмѣнно сопутствующей ему. Мы уже сказали, что одной наличности большаго или меньшаго числа лицъ еще недостаточно для образованія государства; какъ бы ни велико было населеніе данной мѣстности, оно не поднимется выше племеннаго быта, пока не проникнется стремленіемъ зажить государственной жизнью. Это то же, что человѣкъ. Ребенкомъ — онъ живетъ безсознательной жизнью, охраняемый и руководимый другими, по ихъ указанію и повелѣнію. Но вотъ въ немъ пробуждается сознаніе своего Я, онъ хочетъ самостоятельно дѣйствовать; выросши, своимъ трудомъ обезпечивая себѣ кусокъ хлѣба, онъ не отдаетъ никому отчета въ своихъ поступкахъ, становится самъ себѣ господиномъ; право быть таковымъ онъ носитъ въ своемъ сознаніи, и чѣмъ выше въ немъ сознаніе своей личности, тѣмъ цѣпче держится онъ за это право. Это же сознаніе помогаетъ ему выработать правила, которыхъ онъ держится въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, извѣстный кодексъ морали и внѣшняго порядка. Право отступать отъ этого кодекса, расширять или суживать его рам-

ки, измѣнять внѣшній порядокъ (строй) своей жизни принадлежитъ также ему.

Общество есть коллективная личность, и для него тоже наступаетъ моментъ, когда оно начинаетъ чувствовать свое Я и право самостоятельно распоряжаться своею судьбою. Съ этого момента и общество, какъ отдѣльная личность, хочетъ быть само себѣ господиномъ, опредѣлять правила своего поведенія, вырабатывать порядокъ своей жизни. Это сознанное право самоопредѣленія называется суверенным или самодержавнымъ правомъ, суверенитетомъ. И чуть только оно проявилось наружу, вчерашнее племя сегодня превращается въ государство. Какъ въ химическихъ соединеніяхъ, одинъ элементъ, реагируя на другой, совмѣстно съ нимъ создаетъ новый, третій, такъ и въ данномъ случаѣ сознанная идея суверенного права становится активнымъ факторомъ въ созданіи государства изъ простой группы людей.

Указанная аналогія между личностью и обществомъ, подобно всякой аналогіи, имѣетъ однако свои предѣлы. Право неразрывно съ властью, въ которой оно себя проявляетъ; власть предписываетъ правила, опредѣляетъ поступки; власть эту правоспособная личность выражаетъ въ себѣ сама, но личность коллективная, хотя и носитъ въ себѣ эту власть, но для выраженія ея нуждается въ индивидуализированной формѣ, находя таковую въ *государѣ*, въ *главѣ государства*. Такимъ образомъ, глава государства (въ монархіяхъ — монархъ, въ республикахъ — президентъ) носитъ въ себѣ суверенную власть даннаго государственнаго общества. Формы проявленія этой суверенной власти могутъ быть чрезвычайно разнообразны (деспотія, самодержавная и конституціонная монархія, республика, теократія), но въ основѣ ихъ лежитъ одинъ общій принципъ: самодержавность, полная независимость этой власти, обязательность ея повелѣній, безпрекословное ей повиновеніе каждаго лица въ отдѣльности. Разница въ формахъ правленія въ данномъ случаѣ насъ не должна нисколько смущать: если президентъ республики или конституціонный монархъ не имѣетъ права, въ извѣстныхъ случаяхъ, поступать безъ согласія представителей народной

воли, то указъ за подписью того и другого имѣетъ одинаково обязательную силу для всѣхъ подданныхъ, какъ и подобный же указъ самодержавнаго монарха или государя съ деспотической властью, или же государя-теократа. Суверенная власть не спрашиваетъ отдѣльную личность, согласна ли она или нѣтъ, но прямо предписываетъ ей свой законъ. «Car tel est notre bon plaisir» (ибо такъ намъ угодно) — выражались въ свое время французскіе короли, и фраза эта, поскольку слово «notre» выражаетъ все государственное общество, одинаково примѣнима ко всѣмъ распоряженіямъ, идущимъ отъ имени верховной власти, хотя бы и за подписью простого, ежегодно смѣняемаго президента Швейцарской республики.

Мы видѣли, что суверенитетъ возникаетъ въ пору сознанія народомъ себя государственной единицею, и территоріальные размѣры, матеріальная мощь государства не играютъ тутъ никакой роли. Ничтожная республика Санъ-Марино есть все же государство, тогда какъ Остиндская Компанія, нѣкогда властвовавшая надъ Остъ-Индіей, была только организованнымъ обществомъ, существовала по силѣ разрѣшенія англійскаго парламента, и достаточно было послѣднему пожелать ея уничтоженія, какъ отъ нея не осталось ничего, кромѣ воспоминаній. Потому-то въ данномъ государствѣ нѣтъ другой подобной ей суверенной власти — она единая и высшая, непрерывно существующая, поколѣ существуетъ само государство. Суверенитетъ одного государства нельзя сравнивать съ суверенитетомъ другого: и тотъ и другой равноправны; вотъ почему всѣ государи считаются братьями, не выше, не ниже другого; разница можетъ быть лишь въ титулѣ, но различать по степенямъ государей нельзя по существу. Выраженіемъ status in statu обыкновенно хотятъ обозначить ненормальность порядка существованія двухъ одинаково самостоятельныхъ и независимыхъ одна отъ другой организацій съ суверенною властью въ предѣлахъ одного государства. Правда, нѣчто подобное представляли средніе вѣка съ его феодализмомъ и теоріей двухъ властей, свѣтской и духовной; но зато средневѣковый строй Западной Европы и считается формой еще недоразвившагося государственнаго строя.

Суверенная власть, отвѣчая сознанію народа, зиждется на собственномъ могуществѣ государства, на внутреннемъ признаніи его самимъ обществомъ и не нуждается во внѣшнемъ признаніи. Иванъ Грозный сталъ царемъ, а Петръ Великій императоромъ въ силу сознаннаго права, хотя и не безъ противодѣйствія иноземныхъ державъ. Суверенитетъ, какъ сознанное право и какъ власть, опирающаяся на это право, растетъ медленно, цѣлыми поколѣніями. Въ Россіи первый камень государственности заложенъ былъ еще въ IX стол. первыми кіевскими князьями, но государственное самосознаніе опредѣлилось не ранѣе XV стол., со временъ Ивана III, вел. князя московскаго. Незримая, неосязаемая, суверенная власть растетъ параллельно росту народнаго самосознанія.

г. ПРОТИВОПОЛОЖЕНІЕ «ОБЩЕСТВА» «ГОСУДАРСТВУ».

Анализъ понятія государства для своей полноты нуждается еще въ одномъ добавочномъ разъясненіи. Мы уже видѣли, какъ *государству* Карамзина противопоставляли *народъ*, другими словами *общество*. И въ общежитіи и въ научномъ языкѣ принято говорить о «государственныхъ» и «общественныхъ» интересахъ, какъ двухъ отдѣльныхъ, несходныхъ и даже противоположныхъ величинахъ; говорятъ о «подчиненіи» общественныхъ интересовъ государственнымъ; указываютъ на случаи, когда государство «подавляло» собою общество; подчеркиваютъ ту мысль, что государство, преслѣдуя *свои* интересы: внѣшнюю безопасность, внутренній порядокъ, исполненіе законовъ, организацію управленія и т. п., — не должно забывать о правѣ общества домагаться также и *своихъ:* свободы личной, неприкосновенности домашняго очага, свободы совѣсти, свободы мысли, добровольныхъ организацій. Короче говоря, *порядку* противополагается *свобода личная, духовная.* Выходитъ, какъ будто общество въ данномъ случаѣ есть нѣчто такое, что входитъ въ государство, въ немъ, *внутри* него существуетъ; между тѣмъ ясно, что рѣчь идетъ не о какомъ-либо видѣ частной общественной организаціи, а о всемъ населеніи государства, о всей совокупности гражданъ, — другими сло-

вами о томъ же государственномъ обществѣ, или о государствѣ.

Противорѣчіе это однако лишь кажущееся; оно всецѣло зависитъ отъ смѣшенія того, что *есть* или *бываетъ на дѣлѣ* съ тѣмъ, что *должно быть* по идеѣ. Интересы государственные и общественные *должны быть* одинаковыми, ибо государство и общество, живущее государственнымъ бытомъ, по существу одно и то же. Но условія человѣческаго прогресса — и это наблюдается у всѣхъ народовъ, во всѣ времена — обыкновенно выдвигали на первый планъ заботу о внѣшней безопасности, внутреннемъ порядкѣ, уваженіи къ закону, правильномъ управленіи, справедливомъ судѣ, — все задачи, въ которыхъ каждый общественный организмъ сильно и непосредственно заинтересованъ; но для него все это лишь *обстановка*, *условія* существованія, а еще *не цѣль* сама по себѣ. Между тѣмъ эта «обстановка» достигалась крайне медленно; длинный рядъ поколѣній успѣлъ смѣниться, прежде чѣмъ удалось обезпечить ее за собою болѣе или менѣе прочно. Проходили вѣка, и мысль, направленная въ одну сторону, привыкла въ этой «обстановкѣ» и въ этихъ «условіяхъ» видѣть самую цѣль; такъ что то, что собственно составляетъ цѣль государственнаго организма, вынужденно отодвинутое на задній планъ, забывалось или вообще сознавалось недостаточно отчетливо. Работа, направленная къ достиженію названной «обстановки», выпала на долю преимущественно тѣхъ, на чьихъ плечахъ, главнымъ образомъ, лежитъ забота о государствѣ, т. е. на классъ правительственный, и вотъ почему дѣятельность этого класса получила характеръ дѣятельности *государственной* по преимуществу. Но съ обезпеченіемъ внѣшней безопасности и внутренняго порядка, съ ростомъ цивилизаціи сильнѣе стало пробиваться сознаніе того, что вторая категорія интересовъ — обезпеченіе для личности возможно большаго простора въ проявленіи ея воли, мысли и желаній — имѣетъ всѣ права на существованіе; а такъ какъ такого рода сознаніе ярче, сильнѣе и послѣдовательнѣе проводилось не лицами правительственными, а въ средѣ, которая на обыденномъ языкѣ зовется *обществомъ*, то и интересы этой второй

категоріи получили наименованіе общественныхъ, въ противоположность тѣмъ, какъ интересамъ государственнымъ.

Такимъ образомъ, дѣло не въ принципіальномъ противоположеніи однихъ интересовъ другимъ, а въ согласованіи и тѣхъ и другихъ, потому что только въ торжествѣ одинаково и началъ порядка и началъ свободы лежитъ залогъ преуспѣянія любого государственнаго общества.

3. Русская исторія въ ея дѣленіи на эпохи.

А. ЭПОХИ ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

Исторія человѣчества или отдѣльнаго народа есть исторія живого организма; а все, что живетъ, то развивается и подлежитъ измѣненію; измѣненія эти выражаются въ послѣдовательности, во времени, смѣнѣ событій и состояній, отличныхъ, каждое одно отъ другого какъ по содержанію, такъ и по обстановкѣ. Такимъ образомъ, исторія человѣческаго общества есть рядъ послѣдовательныхъ моментовъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свои особенности и присущую ему физіономію. На этомъ основано дѣленіе исторіи на эпохи или періоды.

Еще въ началѣ христіанской эры историческія событія изображались въ видѣ послѣдовательной смѣны четырехъ всемірныхъ монархій: ассиро-вавилонской, персидской, македонской и римской; позже, съ XVII ст., установилось донынѣ не потерявшее своего значенія дѣленіе всемірной исторіи на три періода: древній, средній и новый, съ установленіемъ даже точныхъ хронологическихъ граней между ними. Рубежемъ между древними и средними вѣками считается, какъ извѣстно, 476 г., годъ т. наз. паденія Зап. Римской имперіи, а между средними и новыми — 1453-й, годъ паденія Константинополя, иными, впрочемъ, отодвигаемый до 1492 г., года открытія Америки, и даже до 1517 г., начала религіозной реформаціи въ Германіи.

Дѣленіе это, удовлетворительное на первый взглядъ, страдаетъ однако существеннымъ недостаткомъ, присущимъ впрочемъ не столько ему самому, сколько тѣмъ представле-

ніямъ, какія обыкновенно соединяютъ съ нимъ: оно ставитъ слишкомъ рѣзкіе рубежи межъ названными періодами, представляя каждую эпоху какимъ-то отдѣльнымъ, отрѣзаннымъ міромъ, ничего общаго съ остальными двумя не имѣющимъ. Такое рѣзкое обособленіе есть въ сущности отголосокъ той поры, когда, по аналогіи съ ученіемъ старой школы Кювье, считали возможнымъ, чтобы одинъ міръ рѣзко обрывалъ свое существованіе и сразу очищалъ дорогу новому міру; но исторіографія нашего времени, въ соотвѣтствіи съ новѣйшею школою эволюціонистовъ, видитъ въ исторіи не неожиданные перевороты, а, наоборотъ, медленный процессъ измѣненій; выходя изъ признанія единства исторіи, изъ взгляда, что и на зарѣ исторической жизни, и въ нашу пору, и вчера, и сегодня мы одинаково имѣемъ дѣло съ *однимъ и тѣмъ же* живымъ, вѣчно развивающимся организмомъ, она, очевидно, не можетъ принять такого рѣзкаго выдѣленія среднихъ вѣковъ отъ древнихъ или новыхъ отъ среднихъ, и въ особенности не можетъ допустить рѣзкой границы между ними. Эпоха отдѣляется отъ другой эпохи не фактомъ, не единичнымъ событіемъ, т. е. не тѣмъ или инымъ годомъ, но цѣлой полосою событій, которую можно въ этомъ случаѣ назвать *промежуточною* или *переходною* эпохою. Это то же самое, что у индивидуальной личности. Гдѣ вы поставите точную грань межъ дѣтствомъ и юностью человѣка? Какъ опредѣлить и въ чемъ именно признать тотъ моментъ, когда юноша переступитъ порогъ зрѣлости и возмужалости? Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ вы будете постоянно колебаться въ опредѣленіи: признаки зрѣлости, физической и духовной, какъ-будто уже появились, но юношеская свѣжесть и непосредственность еще несомнѣнны. Чѣмъ дальше по времени, тѣмъ признаки зрѣлости будутъ усиливаться, а признаки юности будутъ блѣднѣть, но долго еще нельзя будетъ сказать категорическаго: зрѣлый возрастъ уже наступилъ! Борьба двухъ началъ, отживающаго и нарождающагося, будетъ продолжаться нѣкоторое время, пока одно начало окончательно не задавитъ другого. Это время борьбы и есть то, что мы назвали промежуточною эпохою.

Та же аналогія и въ природѣ. Гдѣ поставить грань между

весною и лѣтомъ, лѣтомъ и осенью? 9-е іюня, 9-е сентября суть грани явленій астрономическихъ; относительно же накопленія и распредѣленія тепла, жизни растительнаго покрова, т. е. того, что собственно и опредѣляетъ разницу во временахъ года — это пустыя, ничего не говорящія цифры. Въ солнечномъ спектрѣ переходъ отъ одного цвѣта въ другой совершается постепенно, незамѣтно для глаза, и кто отыщетъ ту линію, что разграничиваетъ зеленую и синюю полосы, оранжевую и красную?.. Вотъ такой же неуловимый для глаза переходъ одной эпохи въ другую совершается и въ исторіи, — всемірной или частной, безразлично.

Дѣйствительно, нетрудно видѣть, какъ много условности во всѣхъ «рубежныхъ» годахъ 476, 1453, 1492 или 1517-мъ. Положительными признаками древнихъ вѣковъ служатъ: мѣсто дѣйствія — побережье Средиземнаго моря; дѣйствующія лица — народы семитскіе, греки, латины; религія — языческая; нравы, бытъ, строй жизни — присущій именно древнимъ вѣкамъ, — и всѣ эти признаки продолжаютъ держаться еще долгое время *послѣ* 476 года. Въ свою очередь и аналогичныя черты средневѣковья (мѣсто дѣйствія — весь материкъ Европы; дѣйствующія лица — германцы, славяне; религія — христіанская; нравы, бытъ, строй жизни — присущій именно среднимъ вѣкамъ) проявились въ жизни задолго *до* 476 года. Римскій языкъ, римскіе законы господствуютъ въ предѣлахъ бывшей Римской имперіи еще долго спустя послѣ низверженія Одоакромъ Ромула Августула; язычество еще цѣпко держится за свои права, а въ VI вѣкѣ, въ лицѣ Юліана Отступника, даже дѣлаетъ серьезную попытку вернуть прежнее положеніе. И въ то же время христіанство проникаетъ въ языческій міръ уже въ такую пору, когда самая мысль о возможности какому-то Одоакру низложить съ престола римскаго императора показалась бы оскорбленіемъ и кощунствомъ. Древній міръ еще существуетъ, но противъ маркоманновъ борются уже въ III вѣкѣ, а провинція Дакія уступается готамъ въ IV столѣтіи. Точно такъ же и порча римскаго языка въ пограничныхъ провинціяхъ началась задолго до 476 года.

То же самое можно сказать и относительно грани между

средними и новыми вѣками. Одно уже то, что историки различно устанавливаютъ ее (1453, 1492, 1517 годы), лучше всего доказываетъ, что краткій періодъ времени въ 12 мѣсяцевъ не можетъ служить удовлетворительнымъ рубежомъ между двумя сложными по содержанію эпохами. Въ чемъ отличіе среднихъ вѣковъ отъ новыхъ? Феодализмъ съ одной и объединенныя политическія единицы съ сильной центральной властью съ другой стороны; авторитетъ папства и религіозная реформація на почвѣ развитія критики и анализа; застой въ умственномъ развитіи и быстрый прогрессъ въ области наукъ; тѣсный кругозоръ мысли, ничтожный запасъ знанія внѣшняго міра — и широкіе горизонты, открывшіеся со временъ Васко-де-Гамы, Колумба и Магеллана, обогащеніе ума новыми свѣдѣніями, благодаря цѣлой серіи важныхъ открытій и изобрѣтеній; почти полное отсутствіе международныхъ сношеній — и кипучая, поистинѣ міровая жизнь на почвѣ обмѣна и соперничества экономическаго, политическаго, духовно-культурнаго.

Но развѣ средневѣковье еще не продолжало жить и послѣ 1453—1517 г.г.? Неужели оно такъ-таки и исчезло, подобно утреннему туману при восходѣ солнца? Развѣ рыцарство съ его турнирами еще не жило въ короляхъ Генрихѣ VIII англійскомъ и Францискѣ I французскомъ, не нашло достойнаго представителя во Францѣ ф. Зикингенѣ? Развѣ римскій первосвященникъ думалъ отказываться отъ притязаній на верховенство и не нашелъ могущественной поддержки въ іезуитскомъ орденѣ? Средневѣковый сепаратизмъ мелкихъ германскихъ государствъ въ новые вѣка не только не ослабъ, но даже пошелъ въ гору, получивъ законченное развитіе въ постановленіяхъ Вестфальскаго мира; а что до средневѣковаго суевѣрія, то оно еще долго-долго продолжало жечь еретиковъ и чуть не на каждомъ шагу видѣть навожденіе дьявола; въ Мексикѣ была сожжена колдунья еще въ 60-хъ годахъ XIX стол. А развѣ больше свѣта въ толпѣ изувѣровъ, что, уже прямо въ наши дни, заживо погребли себя въ Подольской губерніи?.. Въ свою очередь и «новые вѣка» уже существуютъ въ періодъ «среднихъ вѣковъ»: французскіе короли Филиппъ II, Филиппъ IV очень сознательно домогаются возвышенія

королевской власти; про Людовика XI нечего и говорить. Тотъ же Филиппъ IV, Фридрихъ II Гогенштауфенъ — враги папъ въ сферѣ политической, а Виклефъ съ Гусомъ въ сферѣ религіозной жизни. Въ поэзіи Дантэ, Петрарки, Бокаччіо чуется заря новой мысли, а путешествія Марко Поло, Плано Карпини и др. открываютъ собою эру тѣхъ открытій и экспедицій, какими ознаменовали себя «новые вѣка» уже въ несомнѣнно «новый» періодъ.

Такимъ образомъ, порубежная линія раздвигается въ обѣ стороны, и измѣрять ее приходится не годомъ, не десятилѣтіемъ, а цѣлыми поколѣніями, иногда даже цѣлыми вѣками. Вслѣдствіе этого годы, подобные 476, 1453 или 1789-му теряютъ значеніе волшебной стѣны, изолирующей одни событія отъ другихъ, а становятся простыми условными знаками, приблизительными вѣхами, употребляемыми единственно лишь для большей наглядности и краткости обозначенія мысли.

Механическій способъ разграниченія историческихъ событій вызвалъ въ свое время реакцію въ лицѣ Ранке. Нѣмецкій историкъ (1795—1886) принципіально возсталъ противъ какого бы ни было дѣленія на эпохи. Всемірная исторія, говорилъ онъ, проявляется въ послѣдовательной смѣнѣ царствъ и ихъ культуръ, никогда не теряя внутренней продолжаемости. Межъ древними и новыми народами, язычествомъ и христіанствомъ, античнымъ и современнымъ государственнымъ строемъ существуютъ контрасты отнюдь не принципіальные, а лишь относительные, — къ тому же постоянно сглаживающіеся. Охватывая народы въ ихъ реальной связи, тезисъ Ранке направлялъ историческую мысль на единственно вѣрную дорогу признанія единства и внутренней связи въ жизни народовъ; послѣ него стало вполнѣ ясно, что рубежи, играющіе роль какой-то китайской стѣны, нѣчто абсурдное и невозможное; тѣмъ не менѣе эпохи, какъ извѣстныя *стадіи* въ жизни народа или цѣлаго человѣчества, были и всегда будутъ существовать. Какъ таковыя, ихъ создаетъ сама жизнь, потому что гдѣ жизнь, тамъ развитіе; гдѣ развитіе — тамъ перемѣны, а перемѣна, болѣе или менѣе рѣзко очерченная, есть уже своего рода хронологическая полоса, историческая

стадія. Неправильно было бы оспаривать право отыскивать эпохи, когда на извѣстномъ пространствѣ времени сознательно выдѣляется однородная группа явленій и ею характеризуется самое время. Такъ мы говоримъ о Наполеоновской эпохѣ, какъ времени войнъ и политическихъ переворотовъ въ Европѣ; объ эпохѣ Петра В., какъ времени переустройства государственнаго строя и общественнаго быта русскаго народа; объ эпохѣ реформаціи, католической реакціи и т. п. Все это правильныя, вполнѣ законныя выраженія, при условіи, что подъ «эпохою» мы разумѣемъ извѣстный длительный моментъ, стадію въ развитіи даннаго общественнаго организма, но ничего замкнутаго, ничего самодовлѣющаго.

Такимъ образомъ, заслуга Ранке въ томъ, что онъ очистилъ отъ прежнихъ искаженій и возвысилъ наше представленіе объ эпохахъ; какъ стадіи въ развитіи общественнаго организма, онѣ теряютъ прежній односторонній характеръ простой хронологической смѣны событій — типической чертою эпохи является ея внутренній смыслъ, органическая связь съ прошлымъ и будущимъ. Слѣдя за тѣмъ, какъ данная эпоха развилась изъ предыдущей и какъ въ свою очередь перешла въ послѣдующую; наблюдая внутреннюю связь и зависимость событій, историкъ ставитъ себѣ задачею вскрыть, если можно такъ выразиться, *историческую логику* этихъ событій.

Нетрудно видѣть, что этимъ самымъ задача историка, если и направляется на болѣе вѣрный путь, зато становится неизмѣримо сложнѣе. Не легко уловить главенствующій нервъ данной эпохи, но еще труднѣе уразумѣть основную нить, что проходитъ черезъ всю исторію даннаго народа; а между тѣмъ безъ нея и характеристика самой эпохи будетъ лишена необходимой устойчивости, ибо основная нить цѣлой жизни — наилучшая провѣрка правильности обобщенія отдѣльнаго момента. Но какъ отыскать эту нить, если народность еще продолжаетъ жить и дѣйствовать на поприщѣ исторіи? Основная нить есть своего рода «послѣднее слово», итогъ всей дѣятельности. Вотъ почему подобный выводъ, въ примѣненіи къ современнымъ государствамъ, будетъ всегда болѣе или менѣе гадательнымъ, а потому и спорнымъ.

Въ сравнительно лучшемъ положеніи находится историкъ, когда передъ нимъ народность, уже сошедшая съ міровой сцены, съ итогомъ дѣятельности болѣе или менѣе опредѣлившимся. Недаромъ духовный обликъ, напримѣръ, Франціи или Германіи представляется смутнымъ и уже во всякомъ случаѣ спорнымъ, и оцѣнка его носитъ въ значительной степени слѣды той національности, къ которой принадлежитъ лицо, дающее эту оцѣнку; между тѣмъ обликъ древней Греціи выступаетъ въ сознаніи образованныхъ людей всѣхъ національностей Европы въ одинаковыхъ чертахъ. Гармонія, красота — вотъ какими словами характеризуемъ мы древнегреческую цивилизацію. Право, законъ, государство, гражданскія отношенія — вотъ что, говоримъ мы, оставилъ намъ древній Римъ. А разъ найдена красная нить, гораздо легче установить и эпохи, опредѣлить міровую роль даннаго народа, мѣсто его въ исторіи человѣчества, или, иными словами, внутренній смыслъ его исторической жизни. Благодаря такой красной нити, вся, напримѣръ, многовѣковая исторія римскаго народа получаетъ свое освѣщеніе, становится осмысленной, можетъ быть подведена подъ одинъ знаменатель, окрашена подъ одинъ общій цвѣтъ.

Передъ нами выпукло выступаютъ 5 основныхъ періодовъ римской исторіи. *Первый* — эпоха царей, закладка фундамента подъ будущее государственное зданіе; *второй* — эпоха борьбы патриціевъ съ плебеями, выработка тѣхъ общественно-государственныхъ нормъ жизни, которыя придали римскому народу необходимую внутреннюю мощь и окончательно опредѣлили его историческую задачу: поступательное въ современномъ мірѣ движеніе, подчиненіе народностей, населявшихъ побережье Средиземнаго моря. *Третій* періодъ — побѣдоносное шествіе римскихъ орловъ съ центральнаго пункта, съ береговъ Тибра, до береговъ Рейна, Ламанша, до Геркулесовыхъ столбовъ, степей Сахары, до Тавра и Босфора — первый циклъ міровового движенія, работа грубой внѣшней силы-меча. Но расширеніе государственныхъ границъ, съ неизбѣжнымъ осложненіемъ государственной жизни, сдѣлало непригоднымъ прежній государственный строй, привело къ

паденію республиканскаго строя, къ постепенной подготовкѣ новаго порядка, болѣе приспособленнаго къ измѣнившимся условіямъ жизни — это *четвертый* періодъ, обыкновенно называемый эпохою внутреннихъ смутъ и неурядицъ, ибо распаденіе отжившаго строя и зарожденіе новаго совершилось путемъ тяжелаго болѣзненнаго процесса. Поставленная цѣль — приспособленіе къ новымъ условіямъ жизни — была однако достигнута, и духовнымъ силамъ римскаго народа открыто новое поприще; наступаетъ послѣдній, *пятый*, самый знаменательный по своимъ результатамъ, хотя, можетъ быть, далеко не всегда самый блестящій періодъ, императорскій, — второй циклъ движенія, время широкаго распространенія уже не меча, а матеріальной и духовной культуры среди многочисленныхъ народностей, вошедшихъ въ составъ Римскаго государства — это эпоха т. наз. романизаціи, вѣнецъ всей 1300-лѣтней жизни римскаго народа. Послѣ романизаціи ему ничего не оставалось болѣе, какъ сойти съ исторической сцены и предоставить мѣсто другимъ дѣятелямъ, новымъ и болѣе молодымъ.

На этомъ примѣрѣ можно ясно видѣть всю трудность, я готовъ даже сказать—невозможность, дать что-либо подобное въ примѣненіи къ исторіи народа, который еще продолжаетъ жить; выяснить эпохи жизни такого народа, подмѣтить внутреннюю между ними связь — то же самое, что подвести итогъ всей его жизни, а вѣдь мы еще не знаемъ въ чемъ она *потомъ* проявится — остается лишь угадывать; но, при современномъ положеніи историческаго знанія, это значило бы выйти за предѣлы строго научные.

Какъ примѣръ построеній, основанныхъ на желаніи во что бы то ни стало найти и въ исторіи такіе же строго дѣйствующіе законы, какъ и въ области природы, можетъ служить попытка Бенлева (L. Benloew, Les lois de l'histoire. Paris, 1881), очень заманчивая и сильно подкупающая въ свою пользу внѣшней стройностью. Авторъ исходитъ изъ взгляда, что двигателемъ человѣчества были и есть три главныхъ душевныхъ способности: *чувство*, *воля и разумъ;* каждая изъ этихъ способностей вполнѣ проявляется въ жизни и достигаетъ наивысшаго развитія въ одинъ изъ соотвѣтствующихъ

возрастовъ человѣчества: во времена его *юности* (чувство), *возмужалости* (воля) и *зрѣлости* (разумъ). Въ своихъ помыслахъ и дѣйствіяхъ люди руководятся извѣстными идеалами, составляющими двигательный нервъ ихъ жизни. Такъ, въ юношескій періодъ человѣчество руководствуется идеаломъ *красоты;* въ періодъ возмужалости — идеаломъ *добра;* въ періодъ зрѣлости — идеаломъ *истины*. Время, когда преобладаетъ тотъ или другой идеалъ, опредѣляется Бенлевомъ въ 1500 лѣтъ, причемъ самому раннему изъ этихъ цикловъ (красоты) предшествуетъ *подготовительный* періодъ, охватывающій вдвое большее время, именно 3000 лѣтъ, и представляющій собою господство *силы*, для той поры единственно способной обезпечить порядокъ и дать жизнь общественнымъ группамъ. Подготовительный періодъ начинается съ первыхъ египетскихъ царей (Менеса), съ 4200 года и продолжается до 1200 г. до Р. Хр. (Троянская война), когда на смѣну народовъ Древняго Востока выступаютъ греки, культивировавшіе въ исторіи человѣчества преимущественно идеалъ красоты, господствовавшій до 300 г. по Р. Хр., когда торжествомъ христіанства надъ язычествомъ (Миланскій эдиктъ 312 г.) было положено начало новому циклу — царству добра, воплотившему ученіе Спасителя (300—1800 г.г.). Со временъ же великой французской революціи царство добра должно уступить мѣсто царству истины, которое, очевидно, только что еще началось для человѣчества. Въ предѣлахъ 1500-лѣтняго цикла данный идеалъ совершаетъ свою эволюцію; въ серединѣ цикла, послѣ первыхъ 750 лѣтъ, достигая апогея развитія, а въ теченіе послѣдующихъ 750 лѣтъ склоняясь къ упадку, причемъ весь процессъ укладывается въ *пять* послѣдовательныхъ смѣнъ или моментовъ. Кульминаціонною точкою въ циклѣ идеала красоты явилось время Фидія и Софокла, середина V-го вѣка до Р. Хр. (1200 — 750 = 450), а въ циклѣ идеала добра — время папы Иннокентія III-го (1198 — 1216), завершающее собою тотъ третій 300-лѣтній періодъ (900—1200 гг.), въ предѣлахъ котораго міръ видѣлъ горделивыя притязанія папы Григорія VII и униженіе императора Генриха IV, въ замкѣ Каносса, — тотъ третій періодъ, ко-

торый, по схемѣ Бенлева, въ каждомъ циклѣ представляетъ собою время наивысшаго расцвѣта идеала. Бенлевъ однако не останавливается на вышесказанномъ. Ему представляется возможнымъ въ ходѣ историческихъ явленій подмѣтить правильность и неизбѣжность (а слѣдовательно, и ихъ закономѣрность) въ предѣлахъ еще болѣе тѣсныхъ: въ каждомъ 300-лѣтнемъ періодѣ онъ видитъ по два болѣе мелкихъ подраздѣленія въ 150 лѣтъ и даже открываетъ законъ 15-ти лѣтъ, т. е., что даже и въ предѣлахъ этого короткаго времени можно наблюдать извѣстную устойчивость и правильность въ развитіи и смѣнѣ общественныхъ явленій.

Система Бенлева, безспорно, весьма стройна; но стройность эта достигнута крупными натяжками. Достаточно указать на смѣшеніе христіанства съ церковью, какъ человѣческимъ учрежденіемъ. Торжество папства въ XI—XIII вв. отнюдь не равносильно наивысшему проявленію христіанскаго ученія; въ то же время идея христіанскаго ученія отнюдь не ослабѣла съ XIX столѣтія только потому, что усилилась критика церковныхъ установленій и дѣятельности представителей церкви, не говоря уже про то, что весь циклъ истины есть циклъ будущаго и потому гадателенъ.

Б. Эпохи русской исторіи по опредѣленію русскихъ историковъ.

Въ первоначальныхъ построеніяхъ русской исторіи преобладаютъ внѣшніе признаки. Для *Татищева* наиболѣе ярко выступили ростъ и послѣдующій упадокъ удѣльнаго строя, что привело его къ дѣленію русской исторіи на 3 період: единовластнаго государства (862—1132), раздѣленія (1132—1462) и возстановленія монархіи (съ Ивана III). *Шлецеръ* дѣлилъ исторію Россіи на 5 періодовъ: Россія, рождающаяся — до в. кн. Святополка (862—1015), раздѣленная — отъ Ярослава Мудраго до монголовъ (1015—1216), угнетенная—до Ивана III (1216—1462), побѣдоносная—до Петра В. (1462—1682) и Россія процвѣтающая — до временъ Екатерины II, въ царствованіе которой жилъ самъ Шлецеръ. Нетрудно видѣть, что историкъ

тоже ограничился признаками чисто внѣшними и тоже обратилъ вниманіе лишь на однѣ политическія формы. Особенно неудачна характеристика третьяго періода, какъ побѣдоноснаго: завоеваніе царствъ Казанскаго и Астраханскаго, лѣвобережной Малороссіи не можетъ искупить общей картины безсилія Россіи XVI и XVII стол. «Побѣдоносною» въ это время Россія была развѣ только въ противоположность «угнетенной». Точно такъ же названіе Россіи XVIII стол. «процвѣтающею» доказывало не процвѣтаніе ея, а ту точку зрѣнія, съ какой XVIII-й вѣкъ смотрѣлъ на реформу Петра В. и свою отъ нихъ зависимость.

Гораздо выше опредѣленіе *Карамзина.* У него 3 періода: древній — отъ Рюрика до Ивана III, средній — до Петра В. и новый — до Александра I. «Система удѣловъ была характеромъ первой эпохи, единовластіе — второй, измѣненіе гражданскихъ обычаевъ — третьей». Но и карамзинское дѣленіе не въ силахъ удовлетворить насъ; если удѣлы можно противопоставить единовластію, то послѣднее съ одинаковымъ правомъ придется признать и въ новой русской исторіи. Съ другой стороны возможно ли допустить, чтобы только съ Петра В. началась у насъ перемѣна гражданскихъ обычаевъ? Неужели современники Игоря и Святослава сходны были въ своемъ бытѣ и гражданскомъ устройствѣ съ современниками Владиміра Мономаха, тѣмъ болѣе съ поколѣніемъ Димитрія Донского или первыхъ Василіевъ? Неужели монгольское иго не сказалось на порядкахъ московскаго царства? Да и вліяніе Византіи на древнерускій общественный строй («гражданскіе обычаи») тоже внѣ сомнѣнія.

Полевой, подобно Шлецеру, дѣлилъ русскую исторію также на 5 періодовъ, но основанія того и другого историка совпадаютъ не во всемъ. Первый періодъ у Полевого заканчивается смертью Ярослава I — это время норманно-феодальной системы; второй — время удѣловъ; съ появленіемъ монголовъ начинается третій — порабощеніе и освобожденіе отъ ига; четвертый періодъ (съ 1462 г.), когда «является *одно русское государство*, ибо княженіемъ Василія Темнаго оканчивается послѣдняя борьба междоусобій удѣльныхъ»; Петръ В. начинаетъ собою послѣдній, европейскій, періодъ русской исторіи. — Относи-

тельно двухъ послѣднихъ періодовъ Полевому можно сдѣлать такой же упрекъ, что и Карамзину: и послѣ Петра В. Россія не переставала быть единымъ государствомъ; кромѣ того новая («европейская») Россія появляется уже въ XVII и даже XVI вѣкѣ; раздробленною на удѣлы Русь не переставала быть и во времена монголовъ. Напомнимъ также, что у всѣхъ трехъ историковъ, и Шлецера, и Карамзина, и Полевого не знаешь, куда пристроить судьбы литовско-русскаго государства.

Костомарову исторія Россіи рисуется, какъ смѣна двухъ періодовъ, или, согласно его выраженію, укладовъ: удѣльно-вѣчевого и единодержавнаго. Первый характеризуется, по его мнѣнію, раздробленностью политическою, господствомъ обычая, произволомъ, личной свободой и преобладаніемъ чувства. Отношенія въ эту пору опредѣляются, главнымъ образомъ, родствомъ; правящая власть еще слаба; формы государственнаго и общественнаго быта еще не успѣли выработаться и опредѣлиться; вѣче служитъ органомъ народной воли и желаній. Приблизительно въ началѣ XVI в. удѣльно-вѣчевой укладъ смѣняется единодержавнымъ, отличительными чертами котораго являются: политическая сплоченность дотолѣ разрозненныхъ удѣловъ и областей, бо́льшая опредѣленность формъ, образованіе сословій, преобладаніе закона надъ обычаемъ, господство государственнаго начала.

Дѣленіе, предложенное Костомаровымъ, должно быть признано, въ методологическомъ отношеніи, вполнѣ удовлетворительнымъ; внутренняя связь обѣихъ эпохъ несомнѣнна; черты, характеризующія единодержавный укладъ, органически связаны съ отличительными чертами уклада удѣльновѣчевого — это тѣ же факторы, но въ иномъ видѣ и даже съ иной тенденціей, соотвѣтственно тому, какъ они должны были переродиться въ зависимости отъ времени и новыхъ условій жизни. Но преимущества костомаровскаго дѣленія въ той упрощенности, до какой оно доведено; въ сущности оба его уклада сводятся къ заявленію, что въ Россіи строю государственному предшествовалъ не-государственный, т. е. такой, гдѣ формы государственныя частью еще не успѣли развиться, а частью и совершенно еще отсутствовали, замѣняясь поряд-

ками частно-правового характера. Отвѣтъ, если угодно, совершенно правильный, но, по бѣдности содержанія, едва ли способный удовлетворить запросамъ пытливаго ума. Собственно это даже не отвѣтъ: такихъ два уклада можно отыскать въ любомъ государствѣ. Какъ въ Россіи, такъ и во Франціи, Англіи, Польшѣ и пр., прежде чѣмъ замкнуться въ единый политическій союзъ съ сильной объединяющей властью, народности переживали пору политической раздробленности; и тамъ, какъ у насъ, обычай предшествовалъ закону, неопредѣленность формъ — формамъ опредѣленнымъ и т. п.

Иловайскій, въ предѣлахъ, имъ описанныхъ (до воцаренія Петра Вел.) дѣлитъ исторію Россіи на періоды: кіевскій, владимірскій, московско-литовскій и московско-царскій. И это дѣленіе, подобно карамзинскому или Полевого, страдаетъ отсутствіемъ общаго мѣрила. Авторъ, надо думать (самъ онъ этого не объясняетъ), имѣлъ въ виду прослѣдить судьбы русскаго народа по главнымъ центрамъ его жизни, но, не говоря про то, что столица сама по себѣ есть только терминъ географическій, собственно содержанія соотвѣтственной эпохи еще не вскрывающій, — даже и такое дѣленіе остается не выдержаннымъ: то, что было «литовскаго» въ періодъ «московско-литовскій», не переставало проявлять себя, и даже весьма интенсивно, и въ послѣдующій за нимъ періодъ «московско-царскій». Въ свою очередь, если XVI вѣкъ характеризуется, какъ «московско-царскій», то не иначе надо обозначать и XVII-й вѣкъ, т. е. оба они должны разсматриваться, какъ принадлежащіе къ одной и той же эпохѣ. Между тѣмъ изъ предисловія къ III-му тому «Исторіи Россіи» узнаемъ, что авторъ въ смутной эпохѣ видитъ переломъ, отдѣляющій древнюю Русь отъ новой, другими словами отдѣляетъ XVI-й вѣкъ отъ XVII-го.

Подобно тому какъ въ западно-европейской исторіографіи механическое дѣленіе исторіи на эпохи вызвало реакцію въ ученіи Ранке, такъ и у насъ аналогичный отпоръ данъ былъ *С. М. Соловьевымъ*. «Не дѣлить, не дробить русскую исторію на отдѣльныя части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ пре-

емствомъ формъ, не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснить каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію — вотъ обязанность историка въ настоящее время». Слова эти — цѣнный завѣтъ для русскаго историка. Они призываютъ помнить ту великую истину, что жизнь народа не есть механическая сумма періодовъ, а непрерывное проявленіе одной и той же творческой силы въ различныхъ только формахъ и подъ воздѣйствіемъ различныхъ условій; что государственное общество есть тотъ живой организмъ, который отъ перваго момента появленія на свѣтъ вплоть до «послѣдняго своего слова» творитъ одну и ту же работу, а потому расчленять его, дѣйствительно, неправильно и ненаучно.

Но одно дѣло разсѣкать живое существо на части и совсѣмъ другое подмѣтить въ цѣльномъ организмѣ составныя его части. Мы уже видѣли, что эпохи, какъ стадіи жизненнаго процесса, какъ выраженіе составныхъ частей государственнаго общества, не только вполнѣ законны, но и даются самою жизнью: и тотъ же Соловьевъ, обрушившійся со всею силою критическаго таланта на «дробленіе» русской исторіи, первый дѣлаетъ серьезную и плодотворную попытку найти ея жизненный нервъ.

Этотъ нервъ онъ находитъ въ родовомъ бытѣ и въ смѣнѣ его бытомъ, проникнутомъ государственными началами. Русская исторія — говоритъ *Соловьевъ*, зародилась въ родовомъ бытѣ; послѣдній безраздѣльно господствуетъ до XII вѣка. Принципъ родовой лѣстницы, смѣна княжескихъ столовъ; положеніе князей-изгоевъ; составъ вѣча, недопускавшій туда сыновей, хотя бы и взрослыхъ, при жизни отца — все это вытекало, по его мнѣнію, изъ понятій родового быта. Андрей Боголюбскій кладетъ зерно новымъ началамъ. Государственность пустила первые ростки еще до монголовъ и имъ ни въ чемъ не обязана. Развитіе удѣловъ въ XIII—XV вв. есть упадокъ родового строя. Съ Ивана III государство побѣдило родъ, хотя слѣды стараго сохраняются еще при Иванѣ IV. Наконецъ, Смута, эпоха самозванцевъ — эта борьба государ-

ственныхъ интересовъ съ мѣстными, классовыми — окончательно подавила родъ и дала рѣшительный перевѣсъ государству. XVII вѣкъ и непосредственно вытекающее изъ него время Петра были дальнѣйшимъ ростомъ государства и работы его въ осуществленіи назрѣвшихъ задачъ.

Построеніе, по духу родственное Соловьеву, но съ существенными отличіями, предлагаетъ *Кавелинъ*. Хотя онъ выходитъ тоже изъ родового быта, но вся его концепція русской исторіи построена, главнымъ образомъ, на *личности*. Въ противоположность германскимъ племенамъ, у которыхъ личность проявляется изначала, у насъ ея не было и потому ее приходилось создавать. Начало личности принесено христіанствомъ. Изъ родового быта, при дальнѣйшемъ ростѣ населенія, родовые узы ослабѣли и выдвинулась семья; начало семейное одержало надъ родовымъ верхъ и тѣмъ самымъ уничтожило единство Руси. Если родовое начало и удержалось, то въ болѣе тѣсной сферѣ — *вотчины*. Древняя Русь распалась «на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльныхъ и независимыхъ другъ отъ друга; каждая имѣетъ во главѣ свой особый княжескій родъ». Это придало князьямъ новый характеръ: «они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній». Андрей Боголюбскій — первый представитель князей-вотчинниковъ. Изъ вотчины выросло Московское государство въ ту пору, когда изъ внутреннихъ смутъ и неурядицъ, съ ослабленіемъ кровнаго чувства въ семьѣ московскихъ вотчинныхъ князей идея вотчины стала ослабѣвать и начала зарождаться мысль о государствѣ. Съ государствомъ выступаетъ личность. Переходъ отъ вотчины въ государство составляетъ переходную пору отъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго — тотъ и другой сходны по своимъ стремленіямъ; ихъ дѣятельность направлена къ одной общей цѣли — созданію и усиленію государства. Начало личности узаконилось въ древней исторіи; но это была форма безъ содержанія; это содержаніе было принято извнѣ черезъ реформу Петра В., въ сближеніи съ Зап. Европой. «Итакъ, заключаетъ Кавелинъ, внутренняя исторія Россіи не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ не связанныхъ

фактовъ. Она, напротивъ, — стройное, органическое развитіе нашей жизни... У насъ не было начала личности; древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться» («Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», статья 1847 г.).

Съ діаметрально-противоположной точки зрѣнія, совершенно иную схему русской исторіи рисуетъ Константинъ Сергѣевичъ *Аксаковъ*. Россія—земля совершенно особенная, ни въ чемъ не похожая на Зап. Европу; тамъ государство возникло путемъ завоеванія, въ Россіи же добровольнымъ призваніемъ варяжскихъ князей; тамъ въ основу государства легло «рабское чувство покореннаго», у насъ, наоборотъ, «свободное чувство разумно и добровольно призвавшаго власть»; тамъ «насиліе, рабство и вражда» опредѣляютъ взаимное отношеніе людей; у насъ — «добровольность, свобода и миръ». Далѣе, разница въ вѣрѣ: православіе внесло въ русскую жизнь смиреніе, простоту, сознаніе своей грѣховности; Западъ — проникнутъ ложью, фразой, погоней за эффектомъ. Въ основѣ отношеній между народомъ и властью въ Россіи лежитъ не принужденіе, какъ на Западѣ, а свободное соглашеніе, полная довѣренность; отсюда союзъ народа съ властью, или, какъ Аксаковъ предпочитаетъ выражаться, Земли съ Государствомъ. Народъ никогда не измѣнялъ правительству, и правительство шло всегда рука объ руку съ народомъ — опричнина держалась всего 7 лѣтъ, такъ какъ Иванъ Грозный самъ увидалъ ея ненужность. Что же сближало народъ и власть? Вѣра и жизнь. Но вотъ явился Петръ В. и порвалъ эту стародавнюю связь, оторвавъ Русь отъ родныхъ источниковъ ея жизни, втолкнувъ Русь на путь Запада, — «путь ложный и опасный». «Петербургскій» періодъ русской исторіи (т. е. XVIII и XIX вв.) есть искаженіе основныхъ началъ русской жизни; Россія была выбита изъ своей колеи; отсюда оторванность высшихъ классовъ общества, воспитанныхъ на западно-европейскій образецъ, отъ низшихъ, оставшихся вѣрными завѣтамъ старины; отсюда же и ненаціональная политика правительства (статьи 1850 г.: «Объ основныхъ началахъ русской исторіи»; «О русской исторіи»).

Позднѣйшею по времени является схема, предложенная *Ключевскимъ*. Особенности исторической жизни и географической обстановки обусловили, по его словамъ, послѣдовательное переживаніе русскимъ народомъ нѣсколькихъ формъ и складовъ общежитія. Территорію будущаго Русскаго государства русскій народъ занялъ *не разселяясь*, не разливаясь по ней подобно тому, какъ разливается вода по ровному мѣсту, постепенно заливая сушу и постепенно продвигаясь къ ея краямъ, но *переселяясь*, переносясь «птичьими перелетами изъ края въ край, покидая насиженныя мѣста и садясь на новыя». *Колонизація страны* — вотъ основной фактъ русской исторіи, говоритъ Ключевскій; всѣ другіе факты стояли въ близкой или отдаленной съ нею связи. Поэтому и дѣленіе на періоды должно отражать послѣдовательность и особенности народныхъ передвиженій.

Такихъ періодовъ было четыре. Первый періодъ — *Днѣпровскій:* это Русь городовая, торговая; время политическаго дробленія земли подъ руководствомъ городовъ, время лѣсныхъ промысловъ, звѣроловства и бортничества; политическимъ, экономическимъ и культурнымъ центромъ въ это время является Кіевъ. Второй періодъ — *Верхне-Волжскій:* это Русь удѣльно-княжеская, вольно-земледѣльческая, подъ властью князей, съ центромъ во Владимірѣ на Клязьмѣ. Третій періодъ — *Великорусскій:* это Русь царско-боярская, военно-земледѣльческая, съ центромъ въ Москвѣ. «Великорусское племя впервые соединяется въ одно политическое цѣлое подъ властью московскаго государя, который правитъ своимъ государствомъ съ помощью боярской аристократіи, образовавшейся изъ бывшихъ удѣльныхъ князей и удѣльныхъ бояръ». Наконецъ, четвертый періодъ — *Всероссійскій:* это Русь императорско-дворянская, это время крѣпостного хозяйства, земледѣльческаго и фабрично-заводскаго; почти всѣ части русской народности соединяются подъ одною властью, причемъ «эта собирающая всероссійская власть дѣйствуетъ уже съ помощью не боярской аристократіи, а военно-служилаго класса, сформированнаго государствомъ въ предшествующій періодъ — дворянства». Центръ жизни въ этотъ періодъ — Петербургъ («Курсъ русской исторіи», ч. I. Москва, 1904).

4. *Исторія Россіи въ рамкахъ всемірной исторіи.*

Любая народность есть составная часть человѣчества, а потому *исторія отдѣльнаго народа (въ томъ числѣ, значитъ, и русскаго) есть всегда составная часть исторіи человѣчества (всемірной)*. Отсюда ясно, что нельзя писать исторію отдѣльнаго народа, какъ что-то обособленное, упуская изъ виду его общечеловѣческую сторону: можно сосредоточить свое вниманіе на жизни даннаго народа, даже исключительно заняться ею — это неотъемлемое право историка; но въ такомъ случаѣ необходимо строго помнить, что любой фактъ въ жизни даннаго народа есть не только отраженіе его національной жизни, но и отголосокъ его мірового бытія, а потому и оцѣнка этого факта должна происходить сквозь двойную призму. Такимъ образомъ исторія отдѣльнаго народа въ сущности есть проявленіе двухъ жизней: *національной* и *міровой*, неразрывно одна съ другой слитыхъ.

Наглядную аналогію такой двусторонности представляетъ солнечная система, гдѣ планеты живутъ жизнью въ одно и то же время общею, міровою, и собственною своею. Наша земля, увлекаемая неотразимою силою, вмѣстѣ съ собратьями и съ самимъ солнцемъ мчится въ необозримомъ пространствѣ къ невѣдомой точкѣ, которую астрономы называютъ звѣздою α въ созвѣздіи Геркулеса: однако это не мѣшаетъ имѣть ей и свою орбиту: въ общемъ потокѣ у нея есть собственный міръ, собственныя задачи — а именно: обѣжать вокругъ солнечнаго свѣтила въ 365 дней. Въ мірѣ духовномъ наблюдается аналогичный и столь же предвѣчный, неизмѣнный законъ. Россія, слѣдуя этому закону, за всю тысячу лѣтъ своего историческаго существованія жила общеміровою жизнью, такъ сказать, неслась къ созвѣздію Геркулеса и, кромѣ того, вырабатывала свою національную исторію, полную индивидуальныхъ особенностей, имѣла свое собственное солнце. Какъ въ солнечной системѣ планета *обязана* слѣдовать общему теченію, считаться съ Геркулесовой звѣздой, такъ и народность *обязана* подчиняться общимъ законамъ бытія; но какъ та же планета

имѣетъ право двигаться и вокругъ собственнаго солнца, такъ и народность *имѣетъ право* вырабатывать индивидуальную физіономію и свои національные интересы. Я бы сказалъ болѣе: планета, влекомая къ далекому Геркулесу, т. е. движущаяся по той орбитѣ, въ одномъ изъ центровъ коей лежитъ названная звѣзда α, не въ силахъ сойти и со своей солнечной орбиты; точно такъ и для народности *обязательно* то, что составляетъ *право* лишь по отношенію къ общему ея положенію въ человѣчествѣ, — другими словами, она не можетъ не жить національною жизнью, она должна, по самой природѣ своей, развивать и совершенствовать особенности своего національнаго духа. И это не только не ущербъ интересамъ человѣчества, но прямо къ его выгодѣ, ибо тѣмъ разнообразнѣе и богаче окажется ея вкладъ въ общую сокровищницу человѣческаго рода, потому что эти двѣ жизни, общечеловѣческая и національная, суть лишь двѣ стороны одного и того же существованія.

Въ рамкахъ общечеловѣческой*) жизни мы и сдѣлаемъ попытку разсмотрѣть основныя явленія русской исторіи.

Эти рамки опредѣляются, во 1-хъ, общностью тѣхъ основаній, на которыхъ строилась жизнь христіанскихъ народовъ, въ томъ числѣ, значитъ, и русскаго; и, во-2-хъ, большимъ сходствомъ основного тона и характера самой жизни у насъ и нашихъ собратьевъ по вѣрѣ. Такимъ образомъ, можно сказать, что фундаментъ и тамъ и тутъ заложенъ былъ одинаковый; одинаковыя же силы обусловили сходство основного строя жизни.

Русскій народъ принадлежитъ къ той же арійской расѣ, что и его западно-европейскіе собратья; *единство расы*, не-

*) Недостаточность нашихъ познаній о человѣчествѣ во всей его сложной жизнедѣятельности вынуждаетъ современнаго историка на дѣлѣ значительно сузить эти рамки, сводя ихъ почти исключительно къ «европейскимъ»; тѣмъ не менѣе мы настаиваемъ на самомъ выраженіи, какъ показателѣ тѣхъ требованій, какія долженъ предъявлять къ себѣ историкъ отдѣльной народности.

сомнѣнно, обусловило, въ извѣстной степени — одинаковость духовнаго матеріала, силъ и способностей, съ какими мы вышли, по выдѣленіи изъ общей массы, на историческую сцену. Этотъ духовный матеріалъ съ трудомъ поддается опредѣленію; полу-земледѣльческій бытъ арійцевъ, поклоненіе свѣтлому божеству; существованіе семьи, уваженіе къ труду и т. п. — все это цѣнныя, но еще недостаточныя указанія; однако ясно, что наслѣдство, полученное отъ предковъ аріевъ было одинаково у всѣхъ арійскихъ народовъ, и эта общность, несомнѣнно, должна была на всѣхъ потомкахъ наложить свой отпечатокъ, ибо явилась первичной опредѣляющей силою.

Германскія племена впервые появляются въ исторіи въ концѣ II в. до Р. Х. (борьба Марія съ Кимврами и Тевтонами 106, 101 гг.); славяне впервые упоминаются въ 550 г. по Р. Х. у историка Прокопія. Хотя подъ другими названіями (антовъ, сорбовъ, венедовъ) они существовали и раньше; но все же исторически они запоздали сравнительно съ германцами. Точно такъ же и государственная форма славянъ (первое государство Само у чеховъ въ первой трети VII в., послѣднее у поляковъ въ половинѣ X в.) опредѣлилась позже германской; тѣмъ не менѣе разница во времени не настолько существенная, чтобы стоило принимать ее здѣсь въ расчетъ, — *одновременность же появленія* германства и славянства въ исторіи, какъ разъ въ ту пору, когда міръ классическій отживалъ свой вѣкъ и на смѣну ему являлись иныя поколѣнія, неизбѣжно должна была всѣ новые народы поставить въ болѣе или менѣе одинаковыя условія развитія и отношенія къ этому міру.

Византія для русскихъ была тѣмъ же, чѣмъ *Римъ* для германцевъ: школой религіозной, правовой, литературной; тамъ и здѣсь юному уму варвара импонировала стройная, блестящая, сильная духовнымъ содержаніемъ цивилизація; тамъ и здѣсь грубая сила пріучалась сознавать превосходство духовныхъ началъ: *единство же вѣры* — христіанской, — воспринятой и германцами и славянами на зарѣ ихъ политической жизни, положило общія основанія ихъ духовной культуры, что станетъ еще замѣтнѣе, когда мы сравнимъ европейскую

цивилизацію съ принципами культуръ мусульманской, буддійской, іудейской и др.

Какъ ни двустороння была цивилизація классическаго міра и какъ, въ силу этого, ни различно было наслѣдіе двухъ полуострововъ южной Европы, но эта двусторонность не въ силахъ была стереть той *общей окраски*, какую *римскій геній* наложилъ повсюду, гдѣ только вздымались его государственные орлы. Работа Юстиніанова сотрудника, Трибоніана, оставила свой слѣдъ въ правовыхъ понятіяхъ и Запада и Востока; не на почвѣ автономныхъ городскихъ общинъ Эллады или азіатскихъ деспотій выросло представленіе о властномъ монархѣ, самодержавномъ во имя блага общественнаго. Наконецъ, если идея единой всемірной монархіи такъ сильно импонировала умамъ Зап. Европы и, можно сказать, давала тонъ всему средневѣковью, то тотъ же идеалъ былъ жизненнымъ нервомъ и для средневѣковой Византіи, а послѣ паденія Константинополя отразился и на міросозерцаніи русскаго общества («Москва — третій Римъ»).

Итакъ, *единство расы, одновременность появленія и единство культурнаго наслѣдія — вотъ общая база*, *обусловившая сходство кардинальныхъ линій въ исторіи Россіи и Зап. Европы.*

Христіанство отдѣлило небо отъ земли и поставило двѣ разныхъ цѣли *государству и церкви*. Недаромъ древнегреческій Олимпъ стоялъ *на землѣ;* языческое «небо» неразрывно было слито съ землей. Но христіанство провозгласило существованіе двухъ міровъ, духовнаго и матеріальнаго — и это воззрѣніе проходитъ красною нитью черезъ исторію любого христіанскаго народа, все равно — будетъ ли это русскій, французскій или нѣмецкій.

Общему закону слѣдовало и *развитіе государственности:* собственно государству предшествуетъ періодъ, когда идея сплоченности еще парализована стремленіемъ къ разобщенности, преобладаніемъ силы первобытной надъ центростремительной; общая польза еще недостаточно сознана и перевѣшивается интересами частными, фамильными, сословными, мѣстными, племенными. Молодыя неустановившіяся силы еще не нашли опредѣленныхъ рамокъ для дѣятельности солидар-

ной и общественной въ широкомъ значеніи этого слова. Это эпоха *феодализма* на Западѣ, *удѣльнаго порядка* у насъ. При всемъ различіи того и другого строя — оба они суть выраженія сходнаго момента: неразвитости государственныхъ началъ. Государства съ его опредѣленной территоріей, единою суверенною властью нечего искать въ эту пору ни на западѣ, ни на востокѣ Европы.

Но вотъ наступаетъ пора возмужалости, и разбредшіяся во всѣ стороны части спаяются цементомъ общегосударственныхъ интересовъ, на мѣсто феодовъ и удѣловъ возникнутъ *единовластныя монархіи*. Западно-европейскіе Людовики XI, Фердинанды-Католики, Генрихи VII - Тюдоры — по духу и задачамъ своей дѣятельности сродни нашимъ Иванамъ III-мъ, Василіямъ III-мъ. Въ то же время новыя государства вступятъ на широкое поприще *международной дѣятельности*, и Европа вмѣсто прежняго конгломерата отдѣльныхъ единицъ превратится въ цѣльный и живой организмъ. Торговыя и чисто культурныя сношенія, войны на основѣ политическаго равновѣсія, коалиціи и союзы, постоянный обмѣнъ идей — положатъ рѣзкій отпечатокъ между «средними» и «новыми» вѣками. И какъ бы для болѣе рѣзкаго доказательства того, что жизнь Востока и Запада течетъ въ одномъ руслѣ, создается одинаковыми силами, это возникновеніе чистыхъ монархій и проявленіе жизни международной совершится для Россіи одновременно съ остальною Европою, на рубежѣ XV и XVI вѣковъ.

Но единовластная монархія лишь шагъ къ монархіи самовластной; лишивъ своихъ противниковъ международнаго положенія, обезпечивъ власть извнѣ, европейскій монархъ приложилъ всѣ старанія высоко поставить ее и внутри государства. Такъ выросъ *абсолютизмъ* XVII вѣка, въ Россіи взхоленный Иваномъ Грознымъ, царемъ Алексѣемъ, въ Пруссіи — великимъ курфюрстомъ; въ Испаніи — Филиппомъ II и его преемниками; во Франціи — Генрихомъ IV, Ришелье и Мазарини. Борьба съ боярствомъ на Руси, съ дворянствомъ во Франціи, съ парламентомъ въ Англіи вытекаютъ изъ одинаковыхъ основаній, равно какъ повсюду замѣчаемое развитіе

военныхъ силъ и администраціи, увеличеніе налоговъ, изысканіе новыхъ источниковъ дохода. Самовластіе бояръ, мѣстническіе счеты, претензіи «вольныхъ слугъ» государевыхъ; зло, созданное Смутной порою — много содѣйствовали укрѣпленію самодержавія русскихъ царей; и не требуется большихъ усилій признать, что и на Западѣ абсолютизмъ выросъ прежде всего изъ необходимости обезпечить порядокъ общественный.

Грубыя формы самодержавія XVII вѣка коробятъ людей XVIII столѣтія, и *абсолютизмъ*, не переставая оставаться самимъ собою, становится *просвѣщеннымъ*. Новое направленіе, можно сказать, охватило собою всю тогдашнюю Европу изъ края въ край. Фридрихъ В. прусскій, Іосифъ II, императоръ германскій, Екатерина II въ Россіи, Станиславъ-Августъ въ Польшѣ, Густавъ III въ Швеціи — весь этотъ царственный кругъ, оправой которому служили министры Струензе (Данія), Шуазель (Франція), Тануччи (Неаполь), Аранда (Испанія), Помбаль (Португалія) — всѣ они отдали дань этому направленію, всѣ они дышали однимъ воздухомъ, лелѣяли однѣ и тѣ же мысли.

Вліяніе *французской революціи* на умы XIX вѣка было громадно. Отъ этого вліянія въ той или другой степени не ушелъ никто. Однимъ изъ слѣдствій французской революціи была *демократизація* европейскаго общества на всемъ протяженіи материка отъ устьевъ Тахо до Печоры; *конституціонная* идея явилась важнымъ факторомъ современной жизни народовъ; выступила и третья сила — идея *національная*, далеко еще не сказавшая своего послѣдняго слова.

Девятнадцатый вѣкъ съ особымъ вниманіемъ работалъ надъ разрѣшеніемъ *экономическихъ вопросовъ*, и тотъ кругъ идей, что породилъ т. наз. четвертый классъ, борьбу труда съ капиталомъ, эмиграцію и переселенцевъ, фритредерство и протекціонизмъ, обширную политико-экономическую литературу — неотступно влечетъ къ себѣ вниманіе одинаково и запада и востока Европы. Вопросы экономическіе получили въ наше время столь крупное значеніе въ жизни народовъ, что опредѣляютъ собою почти все направленіе ихъ государственной политики. Захватъ Египта англичанами, борьба ихъ

съ бурами въ Южной Африкѣ; соперничество Италіи съ Франціей въ Средиземномъ морѣ (Тунисъ, Триполи), Англіи, Германіи и Россіи въ Турціи и, въ частности, въ Малой Азіи; угроза, нависшая надъ Японіей и С. А. С. Штатами въ ихъ спорѣ за преобладаніе въ Тихомъ океанѣ и боязнь каждой изъ этихъ двухъ державъ, какъ бы другая не заняла тамъ господствующаго положенія; соперничество державъ въ Китаѣ; колонизаціонная политика Германіи, потерпѣвшая полное крушеніе въ послѣднюю Міровую войну; наконецъ, сама эта Міровая война — все это наросло, главнымъ образомъ, на почвѣ экономическихъ интересовъ.

Экономика породила *соціализмъ*, который въ наши дни, если еще не сталъ руководящимъ началомъ въ жизни народовъ, то все же всюду и вездѣ настойчиво вторгается въ нее и вынуждаетъ считаться съ собой.

Аналогично шло и развитіе *личности*. Вначалѣ она свободна сама по себѣ, и если подчиняется, то вслѣдствіе фактическаго преобладанія одного лица или одной группы надъ другимъ лицомъ или группою; но съ образованіемъ государства происходитъ подчиненіе личности во имя общихъ интересовъ; личность стушевывается и даже принижается. Наступаетъ однако пора, когда сперва теоретически, потомъ практически личность освобождается и провозглашается принципъ: не общество для государства, а государство для общества. На Западѣ практическое освобожденіе личности началось съ 1789 года, съ французской революціи; у насъ нѣсколько позже, съ 1861 года, съ освобожденія крестьянъ.

Вотъ аналогія между русской и западно-европейской исторіей; вотъ *міровая* орбита, по которой сообща шли народности христіанскія. Теперь намъ предстоитъ ознакомиться спеціально съ *русской* орбитой и опредѣлить особенности, присущія нашей исторіи, что дастъ возможность отчетливѣе представить индивидуальную физіономію, складъ и характеръ русскаго народа, своеобразіе его историческихъ судебъ и мѣсто, занимаемое среди другихъ народовъ земного шара.

5. *Три основы исторической жизни.*

Жизнь любой народности складывается подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, которыя можно свести къ тремъ основнымъ. Это будутъ: обстановка, въ какой живетъ народъ и вырабатываетъ свое государство — *условія географическія; расовыя особенности*, съ какими онъ появляется въ исторіи — принадлежность къ той или иной человѣческой группѣ; и, наконецъ, основы той *культуры*, съ какою онъ выступаетъ на историческое поприще и которыя въ значительной степени опредѣляютъ характеръ его будущей дѣятельности.

Въ данномъ случаѣ, въ примѣненіи къ русскому народу, условія географическія сводились къ тому, что онъ жилъ *на восточномъ краю европейскаго міра*, въ непосредственномъ и постоянномъ *соприкосновеніи съ міромъ азіатскимъ;* особенности расовыя — къ тому, что русскій народъ былъ *арійскаго происхожденія*, принадлежалъ къ расѣ умственно наиболѣе одаренной, — обстоятельство, получившее особую важность въ силу сказаннаго сосѣдства съ азіатской монгольскою расой; наконецъ, основы культуры, съ какими выступилъ русскій человѣкъ на историческое поприще, опредѣлялись *христіанствомъ*, и притомъ въ его *православной формѣ*.

Эти основныя условія, хотя и являются тѣмъ фундаментомъ, на которомъ любой народъ строитъ свою жизнь, однако не представляютъ изъ себя чего-либо незыблемаго, неизмѣннаго. Въ жилы русскаго народа уже на глазахъ исторіи влилась извѣстная часть инородческой крови, и это сказалось на позднѣйшемъ складѣ его характера и міросозерцанія, повліяло даже на внѣшній его видъ: великорусское племя образовалось подъ сильнымъ вліяніемъ финновъ; въ образованіи малороссійскаго типа участвовали, хотя слабѣе, тюркскія племена; сосѣдство сибирскихъ инородцевъ сказалось на русскомъ сибирякѣ въ присущихъ ему отличіяхъ отъ общерусскаго типа. Заимствованія кромѣ того коснулись обычаевъ — все равно, дѣлались ли таковые у культурныхъ или некультурныхъ народовъ — а это, въ свою очередь, внесло измѣненія

въ бытъ русскаго народа, въ его привычки, понятія, иначе говоря, вторглось въ область его духовной жизни. Да и православіе, если и опредѣлило навсегда основныя линіи его духовной и общественной жизни (ничего, напримѣръ, общаго съ міросозерцаніемъ и строемъ жизни древняго Рима или современнаго Китая), то только основныя: на культурномъ обликѣ русскаго человѣка отразились вліянія далеко не исключительно православныя, даже не исключительно только христіанскія. Гораздо устойчивѣе вліяніе географической обстановки, хотя и здѣсь, подчиняя себѣ природу, человѣкъ измѣнялъ ее, значитъ, до извѣстной степени парализовалъ ея вліяніе, освобождался отъ ея давленія. Во всякомъ случаѣ вліянія географическія были и остаются очень сильными, и отпечатокъ, наложенный ими на характеръ, міросозерцаніе русскаго народа, даетъ себя чувствовать на всемъ пространствѣ его историческаго существованія.

Указанные три фактора — территорія, народность, религія — во многомъ заранѣе опредѣлили не только характеръ, но и содержаніе русской исторіи, и потому, прежде чѣмъ переходить къ ея изложенію, необходимо внимательнѣе всмотрѣться въ тѣ основы, на которыхъ русскій народъ строилъ свое государство и общественность и, занявъ мѣсто въ ряду другихъ народовъ, сказалъ свое слово, какъ плодъ тысячелѣтней работы и участія въ общеміровой жизни народовъ.

6. Раздвоенность русской жизни.

Предварительно, однако, выдѣлимъ теперь же основную черту, которая, красною нитью проходя чрезъ всю исторію русскаго народа, наложила на нее яркій и своеобразный отпечатокъ, и не только внесла въ исторію опредѣленное содержаніе, но отразилась на всемъ духовномъ складѣ русскаго человѣка; мало того, проявивъ себя уже на зарѣ его историческаго существованія, она не перестаетъ и поднесь свидѣтельствовать о своей жизненности, и даже сильнѣй и серьезнѣе, чѣмъ это могло бы представляться съ перваго взгляда. Я говорю о *раздвоенности жизни русскаго народа*, о его вы-

нужденномъ сидѣньи между двухъ стульевъ, межъ европейскимъ Западомъ и азіатскимъ Востокомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, русская жизнь отнюдь не цѣльный потокъ, стройно идущій въ намѣченномъ направленіи, но два теченія, пробившія, хотя и въ общихъ берегахъ, два самостоятельныхъ и враждебныхъ русла, съ вѣчнымъ желаніемъ поглотить своего соперника и залить исключительно своею водою все пространство отъ одного берега до другого. Кромѣ исторіи собственно европейской, которую она создавала, развивала, культивировала, у Россіи была еще другая: исторія азіатская, вынужденная, навязанная, неотвязчивая. Обѣ шли параллельно одна другой, обѣ самостоятельныя, враждебныя, никогда не примиренныя. Европа — символъ культуры, развитія, движенія; Азія — это застой и варварство. Вмѣстѣ имъ никогда не ужиться.

Русская народность была европейскою, какъ часть славянской вѣтви, которая, въ свою очередь, вмѣстѣ съ германскою, латинскою, греческою и другими, являлась отпрыскомъ арійскимъ. Подобно населенію Зап. Европы, русскіе исповѣдывали христіанство, т. е. держались тѣхъ же принциповъ нравственности, основанной на любви къ ближнему, и государственно-общественный порядокъ, опирающійся на признаніе личности и на уваженіе чужой собственности, цѣнили выше минутнаго удовлетворенія произвола. Основы быта семейнаго были одинаковы здѣсь и тамъ; Византія, бывшая для насъ школой религіозной, правовой и литературной, выросла изъ тѣхъ же началъ, на которыхъ сложился Римъ, — эта религіозная, правовая и литературная школа западно-европейскихъ народовъ; государственныя формы въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, проходили черезъ тѣ же ступени: феодально-удѣльно-федеративную — сначала; единовластную монархію — потомъ; смѣну грубаго абсолютизма просвѣщеннымъ; наконецъ, распадъ абсолютизма и смѣну его государствомъ, построеннымъ на началахъ демократизма. Все это создавало готовую и благодарную почву для взаимнаго пониманія и совмѣстнаго рука объ руку движенія впередъ. Вотъ почему въ теченіе всей своей тысячелѣтней исторіи Россія постоянно стремилась жить въ

общеніи со своими собратьями, понимая, въ чемъ именно таится залогъ ея дальнѣйшаго преуспѣянія на пути духовнаго развитія.

Но сила вещей неумолимо тянула насъ въ другую сторону, въ сторону Азіи, отвлекая отъ общаго очага цивилизаціи и принуждая двоиться. Исторія Россіи — это равнодѣйствующая, образованная двумя силами, изъ которыхъ каждая лишь противодѣйствовала одна другой. На протяженіи всего своего тысячелѣтія Россія, точно двуликій Янусъ, обращала взоры и въ сторону Запада и въ сторону Востока, къ Европѣ и къ Азіи. Общія основы культурно втягивали въ родственный круговоротъ европейской жизни, а Востокъ азіатскій — кочевой ли, осѣдлый ли, но одинаково враждебный по самымъ принципамъ своей жизни, неумолимо засасывалъ насъ и втягивалъ въ свою орбиту. Стоитъ вспомнить половцевъ, монгольское иго, набѣги крымскихъ татаръ, кавказскихъ горцевъ, азіатскія степи и злобныхъ хищниковъ, что осѣлись на тучныхъ пажитяхъ и горныхъ склонахъ Средней Азіи. Бывали тяжелыя минуты. Порою приходилось поворачиваться къ Западу — всей спиною, къ Востоку — всѣмъ фронтомъ; одинъ моментъ намъ грозила серьезная опасность даже превратиться въ настоящую азіатскую державу, и надо было много потратить усилій, принести невѣроятныя жертвы для того, чтобы европейское теченіе, готовое было уже совсѣмъ обмелѣть и заглохнуть, снова воспрянуло, властно отстаивая себя отъ соперника. И если тысяча лѣтъ усилій вполнѣ обезпечили намъ «европеизмъ», если азіатская волна болѣе не зальетъ европейскій берегъ нашего жизненнаго потока, то все же съ Азіей мы остаемся попрежнему неразрывно связанными, и нынѣ, въ XX столѣтіи, узелъ затянутъ, можетъ быть, еще крѣпче, чѣмъ раньше, на зарѣ нашей исторіи; двойственность положенія остается безъ перемѣны.

Указавъ на эту раздвоенность, перейдемъ къ анализу тѣхъ основъ, на которыхъ строилась русская государственность и общественность — значеніе и характеръ ихъ должны теперь обрисоваться отчетливѣе и стать намъ понятнѣй.

II. ПРИРОДА РУССКОЙ ЗЕМЛИ И ОСОБЕННОСТИ ХАРАКТЕРА РУССКАГО НАРОДА.

Когда развернешь географическую карту и увидишь, какъ одна и та же краска, обозначающая политическія границы Россіи, отхватила у Европы всю восточную ея половину, завладѣла Кавказомъ и, перебросившись черезъ Каспійское море, уперлась въ Памиръ и въ снѣжные гиганты, охраняющіе доступъ въ горячую, спаленную солнцемъ Индію; какъ потомъ она отрѣзала отъ Азіи весь необъятный ея сѣверъ и пролилась вплоть до Тихаго Океана, — тогда невольно думаешь: какой мастодонтъ эта Россія! Что за несоразмѣрно громадная величина! Какъ тяжело давитъ она на Западную Европу, на ея государства-пигмеи! Пожалуй, и правда, что Россія — это «особый міръ», «особая часть свѣта»? что «у нея особенная стать» и что ее «чужимъ аршиномъ не измѣрить»?..

1. *Дары русской природы.*

Въ Западной Европѣ слово «Россія» обыкновенно вызываетъ представленіе о странѣ холода, снѣговъ и морозовъ. Какъ ни односторонне это представленіе, ему нельзя отказать въ извѣстной долѣ справедливости. Январская изотерма —10 съ сѣвера Финляндіи рѣзко падаетъ въ юго-западномъ направленіи, вплотную подходя къ сѣвернымъ берегамъ Каспійскаго моря; иначе говоря, климатъ Россіи рѣзко континентальный и холодный.

Природа, точно безучастная мачеха съ черствой душою, надѣлила Русскую равнину крайне скудно. При суровомъ

климатѣ и короткомъ лѣтѣ, трудъ русскаго земледѣльца, даже въ плодородныхъ районахъ, вознаграждался несоразмѣрно затраченнымъ усиліямъ. Покрытая 5—7 мѣсяцевъ въ году снѣгомъ земля ничего не даетъ за это время; въ теченіе пяти съ половиною мѣсяцевъ необходимо успѣть закончить всѣ полевыя работы, что требуетъ большого напряженія силъ. Вообще *много силъ, физическихъ и духовныхъ, ушло у русскаго человѣка на заботу о матеріальномъ существованіи*, лишь на то, чтобы быть сытымъ, обутымъ, одѣтымъ, чтобъ укрыться отъ непогоды, не замерзнуть отъ стужи, не потонуть въ грязи, не остаться заживо погребеннымъ въ снѣжныхъ сугробахъ.

На Западѣ, наоборотъ, природа, какъ добрая, заботливая мать, создала человѣку гораздо лучшія условія. Тамъ въ одно лѣто можно сдѣлать два-три сбора сѣна или овощей; распредѣлить полевыя работы вмѣсто 5 мѣсяцевъ на восемь, вести ихъ не торопясь. Дары тамошней природы разнообразнѣе, а это сдѣлало человѣка богатымъ и, при избыткѣ времени, при меньшемъ напряженіи физическихъ силъ, раньше вызвало въ немъ духовные интересы, дало возможность раньше и легче удовлетворить ихъ.

Вообще на Западѣ природа *содѣйствовала* росту культурной жизни, на великой Русской равнинѣ — она *тормозила* его.

Еще одна особенность: различіе строительнаго матеріала. Западная Европа воздвигала свои постройки обыкновенно изъ камня, чѣмъ обусловливалась ихъ прочность и долговѣчность; Россія, бѣдная камнемъ, строилась изъ дерева — это неизбѣжно вело къ болѣе частымъ пожарамъ. Въ то время какъ въ «каменной» Европѣ ея замки, дворцы, церкви и другія общественныя зданія насчитываютъ себѣ сотни, даже тысячи лѣтъ существованія, у насъ, въ «деревянной» Россіи, постройки, самыя древнія, въ томъ видѣ, какъ онѣ были воздвигнуты, не восходятъ далѣе 16—17 вѣка (деревянныя церковки оригинальной архитектуры на сѣверѣ Россіи), тѣ же, которымъ вѣку еще больше, дошли до нашего времени нѣсколько разъ перестроенными и совершенно заново передѣланными.

2. *Лѣсъ и Поле (Сѣверъ и Югъ).*

Проведемте теперь на географической картѣ Россіи линію отъ Кіева до Нижняго-Новгорода, т. е. до Волги въ томъ мѣстѣ, гдѣ она принимаетъ въ себя р. Оку, — эта линія протянется съ юго-запада на сѣверо-востокъ и укажетъ ту границу, которая въ древнія времена отдѣляла двѣ полосы, рѣзко отличавшіяся одна отъ другой: одна изъ нихъ, къ сѣверо-западу, была *полоса лѣсовъ*, другая, къ юговостоку — *полоса степей.* Въ лѣсахъ промышленникъ охотился на пушныхъ звѣрей, добывалъ медъ и воскъ, а степи съ тучнымъ черноземомъ какъ бы самой природой были созданы для земледѣльца. Но — злосчастный рокъ! — черноземныя степи лежали въ районѣ набѣговъ азіатскихъ кочевниковъ.

На югѣ земледѣлецъ вынужденъ былъ постоянно держать себя на чеку, въ ожиданіи врага, постоянно быть готовымъ защищать свой домъ, свое поле. Наибольшее зло для осѣдлой жизни заключалось именно въ томъ, что никакъ нельзя было прочертить сколько-нибудь точную и безопасную границу отъ сосѣдей-степняковъ. По образному выраженію одного изъ русскихъ историковъ, эта граница постоянно *перекатывалась* съ мѣста на мѣсто, какъ та степная растительность, которую на югѣ Россіи такъ и называютъ *Перекати-Полемъ.* Сегодня пришелъ кочевникъ и подогналъ свои стада или раскинулъ свои палатки подъ самый край пахатной нивы; завтра люди, собравшись съ силами, прогнали его, или дарами и обѣщаніемъ давать подать удовлетворили его жадности. Но кто могъ поручиться, что послѣзавтра онъ снова не придетъ и снова не раскинетъ своихъ палатокъ у самыхъ землевладѣльческихъ хатъ? Поле то же, что море: тамъ вездѣ дорога, и невозможно на немъ положить границъ, особенно такихъ, которыя защищали бы, такъ сказать, сами себя. Жизнь въ чистомъ полѣ, подвергаясь постоянной опасности, очень походила на азартную игру.

Въ *лѣсу* нѣтъ раздолья степи, зато жизнь тамъ безопаснѣе, и работа домостроительства устойчивѣе и вѣрнѣе. Лѣсъ,

по самой природѣ своей, не допускалъ дѣятельности слишкомъ отважной или вспыльчивой. Онъ требовалъ ежеминутнаго размышленія, внимательнаго соображенія. Прежде чѣмъ сдѣлать рѣшительный шагъ, принять окончательное рѣшеніе, надо было взвѣсить всѣ обстоятельства, предусмотрѣть возможныя помѣхи. Въ Лѣсу, больше чѣмъ гдѣ, требовалась большая осмотрительность. Поэтому у населенія, жившаго въ Лѣсу, развился характеръ жизни и поведенія, совсѣмъ иной, чѣмъ у коренного жителя Степной полосы, во многомъ даже прямо противоположной. Лѣсъ и Поле — два совсѣмъ особыхъ міра. Правиломъ одного было: *десять разъ примѣрь и одинъ разъ отрѣжь;* правиломъ другого: *либо панъ, либо пропалъ.* Эти двѣ поговорки и до настоящаго времени могутъ служить для характеристики: первая — жителя Сѣверной Россіи, вторая — жителя Южной Россіи. Русское *авось* родилось не на сѣверѣ, а именно на югѣ. Да оно и понятно: жизнь въ Полѣ требовала простора дѣйствій; она прямо вызывала на удаль, на удачу, прямо бросала человѣка во всѣ роды опасностей, развивала въ немъ беззавѣтную отвагу и прыткость жизни. Но въ силу этого же самого она дѣлала изъ него игралище всякихъ случайностей. Вообще можно сказать, что жизнь въ Лѣсу воспитывала осторожнаго, промышленнаго, политическаго хозяина, между тѣмъ какъ жизнь въ Полѣ (Степи) создавала удалого воина и богатыря, беззаботнаго къ устройству политическаго хозяйства*).

Эти сопоставленія можно продолжить. Южное Поле пріучало къ *козакованью*, сѣверный Лѣсъ, наоборотъ, къ *сидѣнью на мѣстѣ*, къ *общественности:* выжечь ли лѣсъ, выкорчевать ли пни, вспахать поле — все легче съ помощью другого, чѣмъ одному. Оттого на сѣверѣ больше, чѣмъ на югѣ, дорожили общественной жизнью и крѣпче держались ея; оттого и государственная жизнь установилась на сѣверѣ (Москва) прочнѣе, чѣмъ на югѣ (Кіевъ).

Позже, когда на югѣ стало невыносимо отъ кочевниковъ, населеніе Приднѣпровья направилось на сѣверо-востокъ, въ Лѣсную полосу, и, колонизовавъ ее, положило начало Велико-

*) *Забѣлинъ.* Исторія русской жизни.

русской народности. Такимъ образомъ, Поле и Лѣсъ наложили свой отпечатокъ на два развѣтвленія русскаго народа: на малороссовъ и великорусовъ.

3. Русскій ландшафтъ.

Лѣсомъ и *Полемъ* географическія особенности Русской земли еще не исчерпываются; не менѣе ихъ характерны для физіономіи страны многоводныя *рѣки* и безконечная *равнина*, протянувшаяся отъ Ледовитаго океана до Чернаго и Азовскаго морей.

Совокупность этихъ 4 элементовъ образовала русскій *ландшафтъ*. Когда мы хотимъ вспомнить Египетъ, намъ достаточно вообразить длинную, подобно вытянутой кишки, рѣку, потомъ пальму на берегу, а въ отдаленіи пирамиду или повторить вмѣстѣ съ Лермонтовымъ: «Вѣчно чуждый тѣни, моетъ желтый Нилъ раскаленныя ступени царственныхъ могилъ», — и образъ страны фараоновъ уже сложился; верблюдъ перенесетъ наше воображеніе въ жаркую пустыню Сахары, олень съ вѣтвистыми рогами — въ сѣверную холодную тундру; каменный замокъ на обрывѣ горы, съ зубчатыми башнями и подъемнымъ мостомъ напомнитъ намъ, что мы гдѣ-нибудь на берегахъ Рейна въ эпоху средневѣковыхъ рыцарей.

Какими же признаками отличается русскій ландшафтъ? Рядъ сѣрыхъ деревянныхъ избъ съ плетневыми загородями, съ широко разбросанными огородами, открытыми вѣтру гумнами на крутомъ рѣчномъ берегу, у балки, или у низкаго берега озера, а то и просто въ открытой степи; золотой крестъ церковной колокольни, царственно возвышающійся надъ строеніями; вблизи привольный лугъ, поля, засѣянныя хлѣбомъ и далеко уходящія въ даль, гдѣ синѣетъ лѣсъ — вотъ картина сѣверной русской *деревни*. Замѣните сѣрыя избы мазанками, свѣтло выбѣленными хатами, неправильно разбросанными и полускрытыми зеленой листвою вербъ и тополей — получится та же деревня, только южная, малорусская. А теперь представьте, вмѣсто сѣрыхъ или бѣлыхъ избъ, все равно, на

Сѣверѣ или на Югѣ, дома, прочно сколоченные, нѣсколько бóльшихъ размѣровъ, деревянные въ перемежку съ каменными, да прибавьте къ одному церковному кресту еще нѣсколько другихъ, такихъ же — и вы получите русскій *городъ*. Но и на деревнѣ, и на городѣ лежитъ одинаково отпечатокъ *простора*, *свободы*, *широкаго* размаха.

Всякій ландшафтъ, все равно, русскій, итальянскій, арабскій или какой иной другой, несомнѣнно, воспитываетъ народное чувство, своими очертаніями сильно дѣйствуетъ на нравственное существо человѣка, неотразимо западаетъ въ его душу и содѣйствуетъ образованію его характера, настроенія, всего міросозерцанія. Вотъ почему *чувство простора, равнинности является типичной чертою русскаго народнаго ума.* Эту черту чутко понялъ и особенно хорошо уловилъ одинъ изъ наиболѣе чуткихъ русскихъ историковъ.

«Что особенно поражаетъ въ нашемъ равнинномъ ландшафтѣ (говоритъ онъ), такъ это окружающая его *невозмутимая тишина и спокойствіе во всемъ, во всѣхъ* линіяхъ: въ воздухѣ и въ рѣчномъ потокѣ, въ линіяхъ лѣса и поля, въ формахъ каждой деревенской постройки, во всѣхъ краскахъ и тонахъ, одѣвающихъ все существо нашей страны. Какъбудто все здѣсь притаилось въ ожиданіи чего-то или все спитъ непробуднымъ сномъ. Само собою разумѣется, что такой характеръ страны получается, главнымъ образомъ, отъ ея неизмѣримаго простора, отъ ея безпредѣльной равнинности, молчаливое однообразіе которой ничѣмъ не нарушено ни въ природѣ, ни въ характерѣ населенныхъ мѣстъ. Къ тому же именно въ отношеніи малаго, рѣдкаго населенія наша страна всегда походила больше всего на пустыню. Людскіе поселки въ лѣсныхъ краяхъ всегда скрываются гдѣ-то за лѣсами; въ степныхъ же они, тѣснясь ближе къ водѣ, лежатъ въ глубокихъ балкахъ, невидимые со степного уровня. Оттого путникъ, переѣзжая вдоль и поперекъ эту равнину, въ безлѣсной степи или въ безконечномъ лѣсу, повсюду неизмѣнно чувствуетъ, что этотъ великій просторъ, въ сущности есть великая пустыня. Вотъ почему рядомъ съ чувствомъ простора и широты русскому человѣку такъ знакомо и *чувство пустынности*, ко-

торое яснѣе всего изображается въ *заунывномъ звукѣ нашихъ родныхъ пѣсенъ»**).

4. *Рѣки.*

Однимъ изъ признаковъ русскаго ландшафта признали мы рѣки. Эти рѣки многоводны, многоверстны и, дѣйствительно, представляютъ оригинальную особенность русской территоріи. Въ Западной Европѣ, пересѣченной горами, расчлененной островами и полуостровами, такихъ рѣкъ не могло и быть; исключеніе — одинъ Дунай. Эту особенность нашей страны подмѣтилъ еще Геродотъ; «въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего достопримѣчательнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны».

Но русскія рѣки не только многоводны и многоверстны: главнѣйшія изъ нихъ (Волга, Ловать-Волховъ, Зап. Двина, Днѣпръ) берутъ свое начало изъ Валдайской возвышенности и отсюда расходятся во всѣ четыре стороны, на В., на С., на З. и Ю., *сближая* окраины съ центромъ. Кромѣ того бассейны этихъ рѣкъ обильны притоками, широко расходящимися въ стороны отъ главной артеріи, вслѣдствіе чего одна рѣчная система почти переплетается съ другою, такъ что Русская равнина вся покрыта почти сплошною водною сѣтью.

Въ старое время эти рѣки служили естественными, можно сказать, единственными *путями сообщенія*, замѣняя проѣзжую (еще не существующую) дорогу. Трудности передвиженія сухопутьемъ нашли себѣ яркое выраженіе въ извѣстномъ былинномъ разсказѣ о Соловьѣ-Разбойникѣ, который *залегъ* прямоѣзжую дорогу изъ Чернигова въ Кіевъ.

По рѣкамъ разселялись русскія племена, по нимъ велась торговля (Греческій водный путь), возникали города, упрочивалась власть княжеская. Рѣчные пути, какъ и равнинность страны, значительно содѣйствовали объединенію племенъ и образованію единаго государства. Чѣмъ служило море на Западѣ для *внѣшнихъ* сношеній, тѣмъ была въ Россіи рѣка для сношеній *внутреннихъ*.

*) *Забѣлинъ.* Исторія русской жизни.

«Надо перенестись мыслью за тысячу лѣтъ до нашего времени, чтобы понять способы тогдашняго сообщенія. Вся Суздальская, или, по теперешнему имени, Московская сторона такъ прямо и прозывалась *Лѣсною землею*, глухимъ *Лѣсомъ*, въ которомъ однѣ рѣки и даже рѣчки только и доставляли возможность пробраться, куда было надобно, не столько въ полыя весеннія воды или лѣтомъ, но особенно зимою, когда воды ставились и представляли для обитателей лучшую дорогу по льду, чѣмъ даже наши шоссейныя дороги. По сухому пути и лѣтомъ прокладывались дороги, теребились пути, какъ выражаются лѣтописи, т. е. прорубались лѣса, по болотамъ устраивались гати, мостились мосты, но въ непроходимыхъ лѣсахъ и въ лѣтнее время цѣлыя рати заблуждались и, идя другъ противъ друга, расходились въ разныхъ направленіяхъ и не могли встрѣтиться. Зато зимою въ темномъ лѣсу безъ всякихъ изготовленныхъ дорогъ легко и свободно можно было пробираться по ледяному рѣчному руслу, по которому путь проходилъ хотя и большими извивами и перевертами, но всегда неотмѣнно приводилъ къ надобной цѣли. Очень многія и большія войны, особенно съ Новгородомъ, происходили этимъ зимнимъ путемъ и, вдобавокъ, если путь лежалъ вверхъ рѣкъ, почти всегда по послѣднему зимнему пути съ тѣмъ намѣреніемъ, что съ весеннею полою водою можно было на лодкахъ легко спуститься къ домамъ»*).

Давно уже подмѣчено, что куда текутъ рѣки, туда глядитъ (идетъ) и человѣкъ, живущій на этихъ рѣкахъ. Главнѣйшія русскія рѣки, Днѣстръ, Южный Бугъ, Днѣпръ, Донъ, Волга, текли на югъ и на юго-востокъ — въ эту сторону потекла и народная жизнь. Великій Водный путь «изъ Варягъ въ Греки» самымъ названіемъ своимъ указывалъ на конечную цѣль, которую ставили себѣ тѣ, кто имъ пользовался; походы первыхъ русскихъ князей направлены въ сторону Византіи, на Тмутаракань и Каспійское море. По тѣмъ же воднымъ путямъ, съ юга и съ юго-востока, идетъ и встрѣчное теченіе: изъ Хозарской земли — временное господство надъ

*) *Забѣлинъ*. Исторія русской жизни.

южно-русскими племенами; изъ Византіи — христіанство. То же и въ Московскій и въ Императорскій періоды. Завоеваніе Поволжья, Астраханскаго царства, Сѣвернаго Кавказа; заселеніе южныхъ окраинъ; походы подъ Азовъ при первыхъ Романовыхъ; завоеваніе Крыма, Кавказа; политическое и духовное сближеніе съ балканскими славянами; вѣковая мечта о Царьградѣ и Св. Софіи — все это указываетъ на то, что существовала какая-то могучая сила, настойчиво заставлявшая русскій народъ двигаться въ опредѣленномъ направленіи. Сила эта была неодолима; прежде ее любили называть «рокомъ», «историческимъ предопредѣленіемъ», иногда даже «волею Провидѣнія», — въ дѣйствительности же этимъ *рокомъ* были рѣки, въ старое время почти единственные пути сообщенія. Человѣку свойственно общаться съ людьми — это общеніе (мирное или враждебное, съ цѣлью захвата, все равно) въ ту пору могло совершаться преимущественно лишь воднымъ путемъ.

Существовала еще другая система рѣкъ (Зап. Двина, Ловать—Волховъ—Нева), которая тоже, какъ южная, хотя и не въ такой степени, властно направляла народную жизнь въ сторону сѣверо-запада, къ Балтійскому морю; но ея роль проявилась значительно позже, — въ ту пору, когда на южномъ пути выросъ цѣлый рядъ помѣхъ для продвиженія, пока еще неодолимыхъ, а, главное, когда выяснилось, что на немъ одномъ не достигнуть той цѣли, которую поставилъ себѣ къ тому времени русскій народъ, — болѣе тѣснаго соприкосновенія съ европейскимъ Западомъ (борьба за Ливонію и побережье Финскаго залива, съ Ивана Грознаго вплоть до Петра Великаго, даже до временъ Екатерины II и Александра I).

5. *Равнинность Русской земли. Единое государство.*

Развернемъ еще разъ географическую карту, на этотъ разъ карту Европы. Вся восточная ея половина представляетъ собою сплошную необозримую равнину, растянувшуюся на тысячи верстъ. Ничтожныя возвышенности и слабо очерченныя горныя цѣпи, что встрѣчаются на ней, не въ силахъ уничтожить впечатлѣнія громадной скатерти, разостланной на

ровномъ мѣстѣ. На этой-то равнинѣ возникло и сложилось Русское государство.

Теперь, если съ Востока мы перейдемъ на Западъ, то первое, что бросится намъ въ глаза на другой половинѣ нашей карты, это — рѣзкая разница въ ея очертаніяхъ по сравненію съ очертаніями восточной половины: глубокіе заливы здѣсь вдались въ землю; длинные или широкіе полуострова выдвинулись въ море; большіе острова изолированными материками поднялись изъ пучины морской; высокія горы встали непроходимой стѣною и, вмѣстѣ съ заливами и проливами, образовали рядъ отдѣльныхъ замкнутыхъ міровъ.

Выводъ изъ этого сравненія напрашивается самъ собою: тамъ, на Востокѣ, сама природа предназначила *всю* обширную равнину подъ одно государство; здѣсь, на Западѣ, та же природа предначертала быть нѣсколькимъ, многимъ государственнымъ единицамъ, сравнительно небольшихъ размѣровъ съ точно опредѣленными, ярко очерченными границами.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Аппенинскій или Иберійскій полуострова, Корсика, Сардинія, Ирландія, Британія не особые географическіе міры? Развѣ горы, создавшіе Чешскій квадратъ, не выдѣлили его на германской равнинѣ? Аппенинскій хребетъ до самаго послѣдняго времени дѣлилъ Верхнюю Италію отъ Тосканской котловины и Римской Кампаньи на совершенно обособленныя области. А Піемонтъ, въ горномъ отчужденіи собиравшій свои силы? А Швейцарія? А Кастилія, Астурія, Андалузія, гдѣ Сіерра-Морена, Кантабрскій хребетъ и до сихъ поръ служатъ, для отдѣльныхъ провинцій Испанскаго королевства, не только гранью географической, но и духовной? На нашей памяти Скандинавскій горный кряжъ возстановилъ (1907) нарушенную было людьми обособленность Норвегіи отъ Швеціи, указывая, гдѣ кончаются и начинаются особенности языка, быта, умственнаго уклада и политическихъ симпатій. «Il n'y a plus des Pyrénées», сказалъ когда-то Людовикъ XIV; но это были одни слова: Пиренеи стоятъ по прежнему, и Францiя съ Испаніей, какъ и раньше, остаются двумя обособленными мірами.

Вотъ почему сколько войнъ ни вели германцы, французы

или испанцы за обладаніе Итальянскимъ полуостровомъ, утвердиться тамъ они не могли. Итальянскіе походы французскихъ королей въ Италію въ концѣ XV и въ началѣ XVI стол. окончились неудачно, главнымъ образомъ, потому, что выводили Францію за предѣлы ея естественныхъ границъ. Владычество Испаніи въ Сициліи, Миланѣ, въ Нидерландахъ было непрочно по тѣмъ же причинамъ. Австрійцы хозяйничали на Аппенинскомъ полуостровѣ, опираясь на одни только штыки и, въ концѣ концовъ, были все же оттуда выгнаны.

Столѣтняя война между Англіей и Франціей кончилась тѣмъ, что англичанамъ пришлось войти въ свои естественные предѣлы. Кто теперь хорошо помнитъ о той порѣ, когда шведы владычествовали въ Сѣверной Германіи и считали Померанію своею провинціей? Арабы еще могли относительно долго держаться въ предѣлахъ Испанскаго полуострова, да и то не на всемъ его протяженіи; но по ту сторону Пиренеевъ ихъ владычество было преходящимъ и эфемернымъ. Всемірная имперія Карла Великаго и его преемниковъ, равно какъ и такъ называемая Священная имперія Нѣмецкой націи скорѣе идея, чѣмъ фактъ реальный. Имперія Наполеона не пережила даже его самого.

Такимъ образомъ, на Западѣ, можно сказать, политическія границы государствъ, для каждаго, были очерчены съ первыхъ же дней ихъ возникновенія и оставались, въ предѣлахъ данной народности, почти безъ измѣненій. Совершались завоеванія; чужія области силою оружія присоединялись; но именно потому, что онѣ были *чужія*, населены другимъ народомъ, обыкновенно онѣ отпадали и возсоединялись съ тѣми политическими организаціями, отъ которыхъ были насильно отторгнуты. Единственнымъ исключеніемъ была Германія, но самымъ своимъ исключеніемъ она лишній разъ подтверждаетъ общее правило. Германская народность раздвинула свои этнографическія границы и, продвинувшись за Эльбу, въ восточномъ направленіи, колонизовала (германизировала) новыя земли (славянскія) и превратила ихъ въ нѣмецкія. Но почему она могла это сдѣлать? Потому что какъ разъ на Востокъ у нея не было естественныхъ границъ: Германская равнина

сливается и незамѣтно переходитъ тамъ въ равнину Славянскую. Не потому ли и борьба между Германіей и Франціей тянется вѣка (въ наши дни она пріобрѣла лишь болѣе острыя формы, по существу оставаясь такою же, какою была раньше), что между ними нѣтъ «Пиреней» и двѣ народности не могутъ вслѣдствіе этого спокойно размежеваться между собою?

Посмотримъ теперь на Россію. Поскольку на Западѣ всякая попытка выйти за предѣлы круга, рѣзко очерченнаго природой, имѣла успѣхъ только временный, постольку здѣсь сама природа раздвигала эти предѣлы до безконечности. Что сдѣлаетъ жидкость, если ее вылить? Она разольется во всѣ стороны и остановится только тамъ, гдѣ природа или люди воздвигнутъ ей преграду. Проведите на нашей картѣ линію отъ Петербурга черезъ Кіевъ и Одессу — получится почти правильный перпендикуляръ въ 30° къ Востоку отъ Гринвичскаго меридіана. Здѣсь, на этой линіи, открывается первая страница Русской исторіи, и вы видите, на какомъ уже громадномъ пространствѣ! Она охватываетъ не только Кіевъ (на югѣ) и озеро Ладогу (на сѣверѣ), но и городъ Ростовъ въ финскихъ дебряхъ, далеко въ сторону на С.-В. Два вѣка спустя русскій человѣкъ заберется еще дальше, раздвинетъ свои границы до Галиціи, до р. Волги, до Керченскаго пролива. Жидкость вылита и полилась свободно. Она течетъ, главнымъ образомъ, на сѣверъ и сѣверо-востокъ, въ направленіи наименьшаго сопротивленія, — течетъ неудержимо; съ точностью нельзя даже сказать, когда именно русскій потокъ докатилъ до Сѣвернаго Ледовитаго океана, до Уральскихъ горъ, но рано, очень рано. Онъ легко подчинилъ себѣ туземное населеніе и частью смѣшался съ нимъ. Завоеваніе, если только въ данномъ случаѣ примѣнимо такое опредѣленіе, совершалось само собою, тихо и незамѣтно. Не даромъ оно не оставило по себѣ яркой памяти, не выдвинуло ни одного народнаго героя.

Быстрое раздвиженіе политическихъ границъ было несомнѣннымъ зломъ. Стихійно отодвинувъ ихъ до крайнихъ предѣловъ Европы, русскій народъ неизбѣжно ослабилъ себя самого. Народу молодому, еще не окрѣпшему, ему крайне

опасно было разбрасывать свои силы, а между тѣмъ свой домъ онъ сразу началъ строить въ громадномъ масштабѣ. Силы уходили на эту постройку — въ ущербъ строительству духовному.

Это явленіе бросается въ глаза съ особенною силою, если сравнимъ медленный ростъ государственной территоріи на Западѣ. Ярче всего это видно на Римской имперіи: долгое время власть Рима не выходила за предѣлы Лаціума, и чтобы овладѣть только имъ однимъ, ему понадобилось цѣлыхъ четыре вѣка (753—343 г. до Р. Х.).

Вообще Западная Европа пріучилась *концентрировать* свои силы; каждый политическій организмъ жилъ тѣсно; члены находились въ постоянномъ между собою общеніи — это обусловило высокій удѣльный вѣсъ его духовныхъ и матеріальныхъ силъ. Въ Россіи, наоборотъ, народныя силы *разбросались*, можно сказать, растаяли на необъятномъ пространствѣ безбрежной равнины, — удѣльный вѣсъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ былъ здѣсь ничтожный.

Выводъ изъ сказаннаго сдѣлать нетрудно: *чѣмъ большихъ размѣровъ территорія, тѣмъ слабѣе и безпомощнѣе ея хозяинъ, тѣмъ труднѣе ему устроиться на ней и обезпечить правильный и быстрый ростъ своихъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ.*

Эта слабость и безпомощность сказалась въ жизни русскаго народа особенно рѣзко и пагубно еще и потому, что та же самая равнинность, благодаря которой русскій потокъ такъ свободно, почти безпрепятственно разливался на широкомъ, открытомъ пространствѣ Восточной Европы, она же облегчила путь и встрѣчному потоку: оставила народную границу открытою (гл. образомъ со стороны юго-востока) для вторженія чуждыхъ, враждебныхъ племенъ. Это обстоятельство обусловило двѣ характерныхъ особенности русской исторіи: движеніе отъ центра къ периферіи и движеніе отъ периферіи къ центру. Первое означало постоянное, можно сказать, стихійное нарастаніе государственной территоріи; второе — вело къ громадной затратѣ духовныхъ и матеріальныхъ силъ на оборону и самозащиту.

Есть еще одна особенность, которой Россія обязана равнин-

ности своей территоріи, не знавшей предѣловъ и границъ. На этой безграничной территоріи Россія выросла въ громадное политическое тѣло; круговоротъ ея жизни совершался чрезвычайно медленно: вѣдь большому колесу необходимо больше времени обернуться, чѣмъ малому! На что Западу требовался десятокъ лѣтъ, здѣсь — цѣлыя сотни. Этотъ *замедленный темпъ жизни* естественно наложилъ свой отпечатокъ на русскаго человѣка, опредѣлилъ его характеръ, болѣе спокойный, сдержанный и ровный, менѣе порывистый. Въ то время какъ территорія любого изъ западно-европейскихъ государствъ, и меньшая объемомъ и богаче одаренная природою, легче поддавалась человѣку, который поэтому раньше почувствовалъ тамъ собственныя силы и возможность направить ихъ по усмотрѣнію, — средства русскаго народа, можно сказать, потонули въ безбрежномъ морѣ четырехъ сотенъ тысячъ квадратныхъ миль пространства; неустанная работа почти не подвигала впередъ; да и трудно было думать о новомъ шагѣ, когда и первый-то оказывался сомнительнымъ. Вотъ почему *характерная черта Западной Европы — ея энергія наступленія; Россіи — энергія отстаиванія.* На Западѣ, въ болѣе тѣсномъ районѣ, человѣкъ гораздо быстрѣе сталъ хозяиномъ положенія и увѣренно направилъ свой умъ на поприще дальнѣйшихъ завоеваній; мысль же русскаго человѣка работала преимущественно въ направленіи оборонительномъ — въ устраненіи отрицательныхъ, вредныхъ силъ. *Поэтому духъ Западной Европы болѣе либераленъ; характерная же черта русской народности — ея консерватизмъ.*

III. РОССІЯ И АЗІЯ.
РУССКІЙ DRANG NACH OSTEN.
(Колонизація Сѣвера и Востока)

Это наростаніе русской государственной территоріи, будучи, въ основныхъ чертахъ, направлено на востокъ, шло двумя путями: сѣвернымъ, въ сторону наименьшаго сопротивленія, и южнмыъ, въ сторону наибольшей вынужденности; первое привело къ колонизаціи, болѣе или менѣе мирной*), финскаго края, къ сравнительно легкому завоеванію Сибирской равнины; направленіе южное — стоило большихъ потоковъ крови и вызвано было необходимостью защитить свои границы отъ постояннаго натиска полуварварскихъ племенъ и степныхъ кочевниковъ.

---

*) *Болѣе или менѣе мирной* — да, но не безусловно. Походы Святослава (и, можетъ быть, Владиміра Великаго) на волжскихъ болгаръ; заложеніе Ярославомъ Мудрымъ городовъ: Ярославля на Волгѣ и Юрьева въ чудской землѣ, то и другое сопровождалось, конечно, насиліемъ надъ мѣстнымъ населеніемъ; новгородскіе ушкуйники, разъѣзжая по Волгѣ, Двинѣ и ихъ притокамъ, жестоко обижали инородцевъ; мордва и черемисы долго и упорно сопротивлялись вторженію русскихъ въ ихъ землю. И все же это лишь эпизодическія явленія: они не въ силахъ стереть основного характера русской колонизаціи финскаго сѣвера — легкаго и быстраго продвиженія вглубь страны. Сопротивленіе, если гдѣ оно и оказывалось, было, въ общей массѣ, весьма слабосильно и незначительно по своему удѣльному вѣсу. Не даромъ о первыхъ встрѣчахъ русскаго племени съ финнами не сохранилось никакихъ воспоминаній; да и за болѣе позднюю пору возстановить отчетливую картину того, какъ съ береговъ Ильменя и съ верховьевъ Зап. Двины и Днѣпра русскій человѣкъ добрался до Ледовитаго океана и Каменнаго пояса (Уральскаго хребта), не представляется никакой возможности.

1. Сѣверное направленіе.

(Финскій край)

На этомъ пути русскій потокъ встрѣтилъ хмурыхъ финновъ. По культурѣ они стояли значительно ниже русскаго племени и жили бокъ о бокъ съ нимъ, никакою неодолимою преградою не отдѣленные. Русскій звѣроловъ, пчеловодъ и рыбный промышленникъ свободно проникалъ въ дебри финскихъ лѣсовъ, зарывался въ топкія болота, устраивался на безмолвныхъ берегахъ ихъ озеръ; позже пошли сюда тѣ, кому трудно было устроиться на Степномъ югѣ; еще позже пойдетъ сюда Божій человѣкъ, отшельникъ-монахъ, спасавшійся отъ міра и его золъ.

Формы колонизаціи Сѣвернаго края были очень разнообразны. Однимъ изъ первыхъ появился здѣсь вольный, охочій человѣкъ, — ушкуйникъ, повольникъ, какъ его называли. Такой колонизаторъ «продирался черезъ лѣсныя пространства, выбиралъ въ нихъ пригодныя для себя мѣста, выжигалъ ихъ, и на выжженныхъ выгорѣлыхъ мѣстахъ вспахивалъ новь подъ посѣвы и основывалъ свои поселенія: *починки, села, деревни* (поселенія изъ дерева); становилось тѣсно въ нихъ — часть населенія выдѣлялась изъ нихъ и шла дальше, выжигая въ лѣсу новыя пространства для поселенія и пашни — такъ возникли *выселки, поселки, новоселки*»*). Лѣсной край однако манилъ къ себѣ не столько *будущей* пашнею, сколько уже *готовымъ* матеріаломъ для промысла, и вскорѣ вызвалъ образованіе поселеній съ чисто промысловымъ характеромъ для добычи рыбы въ рѣкахъ и озерахъ, пушнины въ лѣсахъ, гонки угля, смолы и дегтя, добычи соли, желѣза. Нашъ Рыбинскъ на Волгѣ выросъ изъ *рыбнаго* склада; городъ Солигаличъ, Костромской губ., такъ и назывался раньше: *Соль* Галицкая; именитые люди Строгановы (Стругановы), выходцы изъ Новгорода, колонизовавшіе при-Камскій край, перевозили добытые продукты на рѣчныхъ судахъ, *стругахъ*, — отсюда

*) *Д. А. Корсаковъ.* Объ историч. значеніи поступательнаго движенія великорусскаго племени на Востокъ.

ихъ прозвище. Заселяло финскій край и правительство, раздавая тамъ помѣстья служилымъ людямъ, строя острожки и укрѣпленія.

Въ процессѣ этой колонизаціи наблюдается одна характерная особенность: смѣшиваясь съ туземнымъ населеніемъ, русскій человѣкъ сумѣлъ однако сохранить свои основныя черты и, заимствуя отъ финновъ, въ свою очередь, и еще въ большей степени, наложилъ на первоначальнаго хозяина края свой славяно-арійскій отпечатокъ. Не безъ основанія четыре русскихъ губерніи, Московская, Владимірская, Костромская и Ярославская, издавна мыслятся *коренными* русскими губерніями, несмотря на то, что первоначальное населеніе тамъ было чисто и исключительно финское — настолько русская народность поглотила его и не оставила тамъ ничего «финскаго».

Причина этому двоякая: во-1-хъ, колонизація, какъ уже было указано, носила болѣе или менѣе мирный характеръ, и потому смѣшеніе двухъ народностей не встрѣчало большой помѣхи; во-2-хъ, она была дѣломъ свободнымъ, вольнымъ. Наше продвиженіе на Востокъ вообще было по преимуществу народнымъ: правительство шло уже вслѣдъ за народной волной, лишь санкціонируя совершившійся захватъ земель. Такъ было въ началѣ русской исторіи, такъ продолжалось до самаго послѣдняго времени. По договору съ Китаемъ въ 1883 г., къ Россіи была присоединена озерная область Марка-Куль (за хребтомъ Южнаго Алтая); но договоръ лишь подтвердилъ, узаконилъ фактъ, уже существовавшій: русскій колонистъ — раскольникъ, звѣроловъ, проникъ туда и овладѣлъ краемъ задолго до подписанія договора.

2. Южное направленіе.

(Азіатскій Востокъ)

Я предложилъ бы еще разъ всмотрѣться въ карту Русской имперіи и особенное вниманіе обратить на ту широкую степную полосу, что, начинаясь отъ устьевъ Дуная, тянется чрезъ всю южную Россію, вдоль Чернаго и Азовскаго морей, пере-

сѣкаетъ, далѣе, въ нижнемъ теченіи Донъ, Волгу и Уралъ и, наконецъ, сливается съ безбрежнымъ степнымъ океаномъ Средне-азіатской низменности. Низовья трехъ только-что названныхъ рѣкъ издавна носили названіе *Великихъ воротъ* изъ Азіи въ Европу; черезъ эти ворота проходили, одно за другимъ, кочевыя полудикія племена, которыя насылалъ Азіатскій міръ на Европейскую часть Стараго материка.

Кочевникъ, по самой природѣ своей, не можетъ не двигаться. Азію не безъ основанія называли officina gentium: она *ковала* на своей кузницѣ, *выдѣлывала* народности и потомъ насылала ихъ на Европу. Азія выбрасывала изъ материнскихъ нѣдръ своихъ одинъ народъ за другимъ, и ея дѣтища, подобно степному вѣтру, врывались на быстрыхъ коняхъ чрезъ эти Ворота, налетали въ Европу, переворачивали тамъ все верхъ дномъ и, опустошивъ одну область, довольные, покидали ее, чтобы перейти въ другую въ поискахъ новой добычи. Новая христіанская Европа, какъ извѣстно, возникла на развалинахъ классическаго міра подъ вліяніемъ именно такого урагана. Но послѣ того, какъ на Западѣ возникли германо-романскія государства, азіатскій потокъ не находилъ уже себѣ тамъ прежняго простора; зато съ большей стремительностью обрушился онъ на молодыя, еще неокрѣпшія племена славянскія. Отъ его разрушительной силы не могло уберечься и Русское государство. Дѣло въ томъ, что оно возникло какъ разъ на берегу этого азіатскаго потока, и потокъ не могъ не подмывать его. Продолжая выражаться фигурально, русскіе люди IX—XII вв. сидѣли на краю большой проѣзжей дороги, и всякій, кто проходилъ по ней, гунны ли, хозары ли, половцы, татары, — неизбѣжно задѣвалъ ихъ. Волна смѣнялась волною, а суть дѣла не измѣнялась! Страдовать и въ потѣ лица бороться за право существованія приходилось попрежнему.

Естественныя границы все равно, что комната съ плотно запирающимися дверями; то же, что хорошая крѣпость, окруженная высокими прочными стѣнами; въ такой комнатѣ или крѣпости спокойно живешь, занимаешься безъ помѣхи своимъ дѣломъ. Если бы даже кто и захотѣлъ къ вамъ ворваться,

то эта самая дверь и стѣна сослужатъ свою службу и защитятъ васъ. Конечно, Аннибала и Наполеона не остановили даже Альпы; норманны пробрались по морямъ не только въ Англію, но и въ Сицилію, на Аппенинскій полуостровъ; но это доказываетъ лишь то, что умъ и энергія человѣка способны подчинить себѣ и природу, и нисколько не противорѣчатъ тому, что природа сама по себѣ можетъ быть доброй пособницей или злою помѣхою человѣку. Такой именно пособницей была она для народовъ Западной Европы. Они, можно сказать, съ первой же минуты своего появленія на свѣтъ Божій, нашли себѣ готовое помѣщеніе, которое обезпечивало имъ внѣшнія удобства и безопасность. Поэтому они сразу же могли приняться за продуктивную работу. Въ иномъ положеніи очутился русскій народъ. Массу энергіи пришлось затрачивать единственно лишь на то, чтобъ обезпечить себѣ внѣшнюю безопасность, завоевать право на жизнь.

Бѣглый взглядъ на прошлое наглядно пояснитъ сказанное.

А. Азіатскій водоворотъ.

Россія еще не зачалась, о русской народности и помину еще нѣтъ, и сама она безформенной массой таится въ хаосѣ народностей, населявшихъ Восточную Европу IV, V, VI, VII вв., а ей уже приходится считаться съ гуннами и аварами. Еще не успѣли пробиться наружу первые ростки государственности, не успѣлъ еще появиться Рюрикъ, первый предвозвѣстникъ ея, а хозары уже протянули руку къ Русской землѣ и собираютъ дань съ южныхъ племенъ. Первый князь кіевскій, Олегъ, едва пришелъ изъ Новгорода, какъ вынужденъ заботиться объ укрѣпленіи южной границы. Ясы и касоги, повидимому, не прочь смѣнить хозаръ, но у нихъ перебиваютъ дорогу печенѣги. Святославъ Игоревичъ въ битвѣ съ ними сложилъ свою молодецкую голову. Владиміръ Великій не только апостолъ христіанства, но и строитель городовъ-крѣпостей; онъ воздвигаетъ ихъ по Деснѣ, по Востру, по Трубежу, Сулѣ, по Сгугнѣ, для отпора кочевниковъ. Цѣлый рядъ легендъ, порожденныхъ борьбою съ печенѣгами,

пріуроченъ къ его времени. Напомню извѣстный разсказъ о единоборствѣ Яна Усмошвеца, о постройкѣ Переяславля на мѣстѣ, гдѣ русскій юноша *переялъ славу* у печенѣжскаго богатыря. При Ярославѣ Мудромъ лѣтопись въ послѣдній разъ упоминаетъ о печенѣгахъ; повидимому, Русская земля освободилась отъ непрошенныхъ гостей, — напрасно! Десятокъ-другой лѣтъ спустя на смѣну печенѣгамъ появятся половцы, съ тѣмъ, чтобы уже на цѣлыхъ два столѣтія держать въ напряженномъ состояніи Русскую землю. Долго держались наши предки, долго отстаивали свои позиціи, но, наконецъ, не выдержали: въ половинѣ XIII стол. напоръ азіатскихъ выходцевъ заставилъ ихъ склонить свою голову, — и надъ растерзанной, поруганной Россіей спустилась и надолго окутала ее темная, безпросвѣтная ночь — татарское иго. А если кто ушелъ отъ него, тотъ попалъ въ руки литовскія и польскія: такова вся Западная Русь.

Нечего дѣлать. Приходилось собирать новыя силы, начинать чуть не сызнова. Эту работу выполнили князья московскіе. Иванъ III покончилъ съ игомъ. Съ игомъ — да, но не съ татарами. Вмѣсто Золотой Орды выросла орда Ногайская, царства Крымское, Астраханское и Казанское. Правда, дышать стало много легче. Ярма уже не было, и мы опять стали въ положеніе обороняющагося, — болѣе того: даже могли перейти въ наступленіе. Если Иванъ III только сбрасывалъ тяжелые путы, то внукъ его самъ накладывалъ ихъ на татаръ; при Иванѣ Грозномъ завоевана Казань и Астрахань. Роли, очевидно, мѣняются, и тотъ, кто недавно тиранилъ насъ, самъ проситъ пощады. Но *сущность дѣла* измѣнилась отъ этого не на много. Всѣмъ фронтомъ повернуться въ сторону Запада намъ все-таки не удалось, даже подчинивъ оба эти татарскихъ царства; отсутствіе естественныхъ границъ дѣлало даже и теперь восточную окраину открытой и небезопасной отъ нападеній. За Волгой тянулись тѣ же степи, текли тѣ же судоходныя рѣки — эти желѣзнодорожные пути стараго времени — значитъ, предстояли тѣ же столкновенія.

Къ тому же вѣчныя распри этихъ азіатовъ неизбѣжно втягивали и насъ въ ихъ дѣла. Культурная народность не

можетъ безучастно смотрѣть на дрязги и междоусобицы сосѣднихъ полудикихъ народовъ, такъ какъ онѣ всегда отзовутся неблагопріятно на его собственномъ развитіи. Путемъ ли покровительства или завоеваній всегда приходится сдерживать эти силы; занимать вражескую землю или устраивать живую изгородь, чтобы заслонить и обезпечить повседневную жизнь мирнаго человѣка отъ возможныхъ нарушеній. И мы, дѣйствительно, въ одно и то же время покровительствовали, завоевывали, огораживались такъ называемыми «линіями».

Шире и шире раскрывались передъ нами двери Востока, и точно какая неумолимая сила толкала насъ туда. Завоевали Казань, а черезъ 30 съ небольшимъ лѣтъ (въ 1586 г.) уже приходится строить укрѣпленный городъ Уфу въ центрѣ Башкирья; едва успѣлъ Иванъ Грозный завоевать Астрахань,какъ вынужденъ строить на Терекѣ городокъ по просьбѣ самихъ жителей края, чтобы дать имъ защиту отъ дикихъ кавказскихъ горцевъ; паденіе Казани открыло свободную дорогу въ Пермскій, издавна русскій, край — и сейчасъ же мы втягиваемся въ дѣла сибирскія; Ермакъ Тимоѳеевичъ переваливаетъ черезъ Каменный поясъ и еще при жизни Грознаго подноситъ русскому государю царство Сибирское. Въ какую-нибудь сотню лѣтъ русскіе землепроходы, какъ называли первыхъ піонеровъ Сибири, прошли этотъ край вплоть до Великаго океана и уже въ концѣ XVII-го стол. привели насъ въ столкновеніе съ Китаемъ.

А тѣмъ временемъ идетъ трехвѣковая борьба съ крымскимъ ханомъ; вплоть до Петра Великаго мы платимъ ему позорную дань, т. наз. «поминки», едва лишь прикрывавшіе въ этой формѣ унизительный смыслъ нашего обязательства. Связь съ Востокомъ чувствуется не менѣе сильно и въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій. Вынужденные двинуться въ киргизское Зауралье, мы строимъ тамъ казачьи линіи, т. наз. Старую Оренбургскую, Сибирскую; нанеся въ XVIII-мъ ст. рѣшительный ударъ крымскому хану и, наконецъ-то обезпечивъ себя со стороны черноморскихъ степей, мы внѣдряемся въ горныя ущелья Кавказа, въ песчаныя степи Средней Азіи. Война съ кавказскими племенами — это сплошной непрерыв-

ный рукопашный бой, грудь съ грудью, въ теченіе десятилѣтій, можно сказать, безъ всякой передышки. Противъ Средней Азіи мы воздвигаемъ Новую Оренбургскую линію, отправляемъ (въ 1839 г.) Перовскаго въ (неудачный) Хивинскій походъ, а съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка предпринимаемъ рядъ дѣйствій, которыя привели насъ въ Самаркандъ, Кокандъ, въ Кульджу и въ Мервъ.

Б. Вынужденность наступленія.

Какъ ни парадоксально можетъ казаться съ перваго взгляда, но все наше поступательное движеніе на Востокъ, по существу, есть простая *оборона*, *самозащита*, не болѣе; нужна была не вражеская земля, не самъ врагъ — надо было отбросить его возможно дальше для того, чтобы онъ не мѣшалъ культурной работѣ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли вѣчно жить подъ угрозою постоянныхъ нападеній? Можно ли заниматься мирной работой, не обезпечивъ себѣ предварительно внѣшняго существованія? Слишкомъ нерасчетливо хвататься за оружіе только въ ту минуту, когда опасность уже нависла надъ головой. Это хорошо понималъ еще Владиміръ Мономахъ. Опасность слѣдуетъ предупредить, устранить. Надо отгородиться отъ нея. Но какъ огораживаться на ровной степи? Оставалось одно: отогнать врага возможно дальше, а чтобъ онъ не возвращался, занять его мѣсто. И русскій народъ, дѣйствительно, отгонялъ кочевника, отодвигалъ свою границу далѣе въ степь; но тамъ попадалъ въ прежнія условія: тотъ же сосѣдъ, живущій грабежемъ, та же широкая, необъятная равнина, открытое, всѣмъ доступное мѣсто.

Да и возможно ли совсѣмъ согнать населеніе, даже кочевое, съ его земли? Когда Русское государство окрѣпнетъ, оно станетъ инкорпорировать азіатскія земли и подчинитъ живущее тамъ населеніе, поставитъ его подъ свой законъ и управленіе. Отсутствіе природныхъ границъ и необходимость оградить мирное населеніе отъ кочевника, который *не могъ* жить иначе, какъ разбоемъ, неудержимо, совершенно стихійно втягивало русскій народъ въ орбиту азіатской жизни.

Какъ ни хотѣли мы отчураться отъ Востока, тормазившаго общеніе съ культурной Европой, но неотразимая сила отбрасывала насъ отъ Запада и толкала въ чуждый намъ по натурѣ міръ, и мы фатально шли, въ поискахъ природной границы, все дальше и дальше, пока не дошли до Тихаго океана и не уперлись въ твердыни Памира и Китайской Стѣны.

Борьба съ Азіей, необходимость обороняться отъ нея, вѣчно отбиваться отъ ея вторженій — затрачивать на эту борьбу свои духовныя и матеріальныя силы — вотъ печальный удѣлъ русскаго народа на протяженіи длиннаго ряда вѣковъ.

Такого рода помѣхъ своему культурному развитію Западная Европа не знала: ея жизнь протекала въ условіяхъ несравненно болѣе благопріятныхъ. Набѣги норманновъ были явленіемъ временнымъ, въ сущности работой и домостроительствомъ тѣхъ же германцевъ-соплеменниковъ; къ тому же норманны явились въ Западную и Южную Европу не племенемъ, а отдѣльными дружинами, приняли языкъ и культуру новой своей родины и легко, незамѣтно слились съ туземнымъ населеніемъ. Послѣднее можно сказать и о мадьярахъ. Что же до арабовъ, то еще вопросъ, чего больше: зла или добра, внесли они въ жизнь Европы? Арабы явились сюда въ пору высокаго развитія своей культуры; послѣдняя, въ нѣкоторыхъ областяхъ, даже превосходила культуру тогдашняго христіанскаго міра, и завоеванія арабовъ, нанеся временное зло, неизбѣжное при всякихъ войнахъ, обогатили европейскій міръ полезными знаніями (медицина, математика, географія, архитектура, поэзія, философія).

3. Стихійный характеръ наступленія.

На памяти исторіи другой «Drang nach Osten», въ такихъ же грандіозныхъ размѣрахъ, лишь въ обратномъ направленіи, повторился всего одинъ разъ: въ Сѣверной Америкѣ, когда англо-саксонская раса, укрѣпившись тамъ на берегахъ Атлантическаго океана, въ какихъ-нибудь сто—полтораста лѣтъ, неудержимымъ, мощнымъ потокомъ прошла черезъ весь ма-

терикъ и дошла до береговъ Великаго океана. Это былъ американскій Drang nach «Far West».

Что особенно характерно въ обоихъ движеніяхъ — это то, что оба они, и русское и американское, движенія *народныя, добровольныя:* иниціативы правительственной здѣсь было меньше всего. Русское правительство не меньше американскаго (исключенія рѣдки) почти всегда только слѣдовало за народною массой; не оно руководило движеніемъ, а само пассивно шло въ томъ направленіи, куда его вели.

Дѣло въ томъ, что тяжелыя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась русская государственность, не всѣмъ были подъ силу: кто не сносилъ ихъ, тотъ убѣгалъ, выходилъ изъ общества. Одного гнала нужда матеріальная, другого несправедливость людская; кто разошелся въ воззрѣніяхъ (раскольники и старовѣры), въ комъ просто искала выхода неспокойная, неустановившаяся сила, и рамки общественныя оказывались черезчуръ тѣсными (казаки).

Куда же уйти? Конечно туда, куда путь свободенъ и гдѣ легче удовлетворить свои желанія. И вотъ на сѣверъ и на востокъ тянется русскій пахарь, которому не по силамъ повинности государственныя; бѣжитъ туда безземельный въ поискахъ свободной земли; бѣжитъ старовѣръ, недовольный порядками въ «никоніанской» церкви, спасать свои старопечатныя книги и иконы, рисованныя по стариннымъ образцамъ; бѣжитъ преступникъ, любой нелегальный и всякъ вообще, кому не легко жилось дома. Идетъ, наконецъ, и предпріимчивый промышленникъ-купецъ: ему дорога, по самой профессіи, при всякомъ режимѣ, нигдѣ не заказана. Единицами, мелкими кучками всѣ эти отщепенцы московскаго центра незамѣтно выростаютъ въ цѣлыя поселенія, крупныя группы. То тамъ, то тутъ возникаютъ деревни, скиты, города, казачьи станицы....

Но, разъ очутившись за рубежомъ, затерянный среди инородцевъ, въ силахъ ли былъ этотъ людъ на самомъ дѣлѣ порвать старыя связи? въ силахъ ли былъ прекратить сношенія съ прадѣдовскимъ очагомъ? Разумѣется, нѣтъ. Ясно, какія вытекали отсюда послѣдствія.

Если правительство есть, дѣйствительно, отраженіе ума и сердца народнаго, то русская власть не могла безучастно относиться къ этимъ выходцамъ и бѣглецамъ, особенно, когда нѣкоторые изъ нихъ, доведенные до крайности, начали взывать къ поддержкѣ. Какъ было не помочь? Нельзя же было бросить на произволъ судьбы, хотя и ослушника, но все же единокровнаго, своего человѣка! Другихъ же (раскольниковъ, бѣглецовъ и преступниковъ) правительство само считало необходимымъ не оставлять въ покоѣ, какъ для поддержанія своего авторитета, такъ и для того, чтобы парализовать ихъ вліяніе на тѣхъ, кто, еще оставаясь на Москвѣ, могъ поддаться соблазну.

Въ этомъ стихійномъ движеніи, особенно если имѣть въ виду движеніе въ направленіи къ азіатскому Востоку, есть нѣчто трагическое; чувствуется присутствіе чего-то неизбѣжнаго, рокового. Въ теченіе тысячи лѣтъ русскій народъ старательно отмахивался отъ Востока, старался отгородиться, уйти отъ него, въ дѣйствительности же роковая рука влекла его туда, сближала, безповоротно связывала. Не идти было нельзя. Двѣ культурныхъ націи легко уживутся на одномъ полѣ; культурная и некультурная — никогда. Сперва русскій человѣкъ молчаливо выносилъ наносимые ему удары; потомъ, окрѣпнувъ, пытался отбросить врага отъ себя, отмежевывался отъ него, создавая военныя поселенія, т. называемыя казачьи *линіи;* но врагъ, пользуясь отсутствіемъ естественныхъ границъ, легко возвращался назадъ. Тогда русскій человѣкъ шелъ въ его собственное логовище, занималъ его, проводилъ здѣсь новую грань, но за нею сейчасъ же выростало новое разбойничье гнѣздо. Шли и туда, занимали и его, но результатъ былъ лишь тотъ, что только становились ближе къ третьему гнѣзду, а за третьимъ виднѣлось четвертое и т. д. безъ конца.

По сравненію съ этимъ вѣчнымъ *движеніемъ*, съ этой неустойчивостью государственной границы, про Западную Европу можно было бы выразиться, что она не только не двигалась, но, наоборотъ, прочно *сидѣла* на мѣстѣ. Политическія границы европейскихъ государствъ были намѣчены самой

природою: горы и моря указывали имъ естественные предѣлы, гдѣ кончались владѣнія одной народности и начинались владѣнія другой. Потому-то въ Зап. Европѣ народности и осѣлись сравнительно быстро. Готовая культура, которую онѣ нашли на территоріи Римской имперіи, еще болѣе скрѣпляла новыя общественныя группы, заставляя особенно дорожить пріобрѣтенными благами; да и сравнительно небольшіе размѣры государственныхъ территорій, бо́льшая густота населенія, заставляя тѣснѣе жить, болѣе содѣйствовали взаимному сближенію. Западно-европейская эмиграція нашихъ дней есть явленіе позднѣйшее, да и она границъ территоріальныхъ не раздвинула: эмигрантъ выходитъ *за* предѣлы своего племени и не столько *двигаетъ* его, сколько *отрывается отъ него*. Эмиграція русскаго народа, или, что одно и то же, колонизація сѣверныхъ лѣсовъ, южныхъ степей и восточныхъ сибирскихъ равнинъ, началась съ перваго же дня его существованія. Русскій эмигрантъ никогда не «отрывался» отъ своей родной земли: онъ *тянулъ* ее за собою, и тамъ, куда впервые ступала его нога, нарождалась не колонія, а та же Русь, та же родина.

4. Заслуга Россіи передъ Западной Европой (ея историческая роль въ Европѣ и въ Азіи).

Въ вѣковой борьбѣ Россіи съ Азіей необходимо отмѣтить двѣ особенности, которыя сами по себѣ ярко выдѣляются на фонѣ историческихъ событій и опредѣляютъ міровое значеніе русскаго народа и мѣсто, какое онъ занимаетъ въ исторіи человѣчества.

Обороняя себя отъ азіатскихъ кочевниковъ, русскій народъ одновременно *охранялъ и Зап. Европу отъ натиска варваровъ, служилъ ей щитомъ и опорой*, причемъ раздѣлялъ эту почетную и отвѣтственную задачу съ сосѣднимъ и родственнымъ племенемъ — польскимъ. Первыя волны азіатскихъ народовъ — гунны, авары, мадьяры — какъ извѣстно, свободно проникли въ Западную и Среднюю Европу, при-

чемъ всю тяжесть ихъ натиска пришлось вынести на себѣ молодымъ германскимъ государствамъ, возникшимъ на обломкахъ древней Римской имперіи. Но вотъ въ IX вѣкѣ появляются Польша и Россія, и съ той поры новыя разрушительныя волны — хозары, печенѣги, половцы, монголы — обрушиваются уже на однихъ славянъ; до германцевъ доходятъ, да и то не всегда, лишь послѣдніе ослабленные всплески разбушевавшагося моря; и даже монголы, успѣвшіе было перевалить за русскій валъ, главный отпоръ получили не въ Германіи, а въ Чехіи и Венгріи.

Нужно ли говорить о томъ, какъ дорого обошлась намъ эта почетная роль передового поста? Вниманіе постоянно отвлекалось въ сторону; культурная работа въ собственномъ домѣ съ трудомъ налаживалась; силы, физическія и духовныя, уходили совсѣмъ не на то, на что, въ иной обстановкѣ, онѣ могли бы быть приложены съ большею пользою.

Указанную борьбу съ азіатскимъ Востокомъ можно назвать *первою историческою миссіею русскаго народа*, — говорю: первою, потому что жизнь возложила на него еще *другую*, въ наши дни далеко еще не законченную: *путемъ ассимиляціи и сближенія передать этому Востоку плоды европейско-христіанской цивилизаціи*.

Дѣло въ томъ, что, какъ мы видѣли, русскій народъ, обороняясь отъ азіатчины, не только принималъ на себя ея удары, но и самъ, въ тѣхъ же оборонительныхъ цѣляхъ, двигался навстрѣчу азіатскому потоку, *колонизировалъ* Востокъ. По размѣрамъ захваченнаго района, по тѣмъ результатамъ, которые продолжаютъ сказываться и по настоящее время, это многовѣковое движеніе русскаго племени давно уже вышло за предѣлы мѣстнаго, спеціально русскаго событія и, по справедливому замѣчанію русскаго историка, имѣетъ значеніе всемірное, историческое. Русская колонизація, русскій Drang nach Osten былъ *побѣдою европейской цивилизаціи надъ азіатскимъ Востокомъ*. Каждое финское или монгольское племя, поглощаясь русскою народностью, какъ бы распускалось, таяло въ ней, и такое претвореніе азіатскаго элемента, духовно менѣе одареннаго, составляло цѣнное пріобрѣтеніе для всей

великой семьи европейскихъ народовъ, которыхъ ходъ исторической жизни поставилъ во главѣ развитія человѣчества, ввѣривъ имъ двойной свѣточъ христіанства и образованности. «Принимая въ себя чуждыя племена, претворяя ихъ въ свою плоть и кровь, русское племя клало на нихъ неизгладимую печать европеизма, открывало для нихъ возможность участія въ историческомъ движеніи народовъ европейскихъ. Въ этомъ отношеніи Русь была тѣмъ же передовымъ бойцемъ за Европу противъ Азіи, какимъ была она, принявъ на себя удары страшнаго монгольскаго нашествія».

При Андреѣ ли Боголюбскомъ на финскомъ сѣверѣ, при Борисѣ ли Годуновѣ въ башкирскомъ Зауральѣ, при Александрѣ ли II въ Средней Азіи, — вездѣ русскій человѣкъ насаждалъ русскую гражданственность, пріобщалъ мѣстное населеніе, жившее дотолѣ въ сторонѣ отъ просвѣщенныхъ народовъ, къ благамъ культурнаго христіанскаго міра, и при этомъ самъ онъ свято сохранялъ свой собственный европейскій обликъ. «Въ крѣпости храненія европейскаго типа, среди безпрерывнаго смѣшенія съ племенами азіатскаго происхожденія и состоитъ *величайшая заслуга русскаго народа;* поэтому-то каждый шагъ русскаго племени въ глубину Азіи и становился несомнѣнною побѣдой европейской гражданственности. Чуждыя племена вливались въ народность русскую подъ условіемъ принятія ими главныхъ условій народности славянской и европейской»*).

Такова была обстановка, въ какой сложились отношенія Россіи къ Востоку, къ *Азіи*. Посмотримъ теперь, какія сложились условія жизни Россіи въ *Европѣ*, выяснимъ посильно и здѣсь матеріальные и духовные факторы, опредѣлившіе характеръ того участія, какое русскій народъ проявилъ къ общеевропейской жизни.

*) *С. В. Ешевскій.* Сочиненія по русской исторіи.

IV. ЕВРОПА И РОССІЯ.

Въ обстановкѣ, въ какой слагались и выростали отношенія Россіи къ Западной Европѣ, останавливаютъ на себѣ вниманіе двѣ особенности: континентальный характеръ Русской страны и удаленность ея отъ общаго европейскаго центра, съ вытекавшимъ отсюда затрудненіемъ въ пользованіи благами того богатаго наслѣдія, какое оставилъ по себѣ древній Греко-Римскій міръ пришедшимъ на смѣну германскимъ и славянскимъ народамъ.

1. *Континентальный характеръ русской страны.*

Мы уже говорили о томъ, какъ моря и горы содѣйствовали образованію въ Западной Европѣ отдѣльныхъ сравнительно мелкихъ государствъ, какъ, служа природной границею, онѣ помогли тамошнимъ народамъ отмежеваться одному отъ другого. Но между горами и моремъ есть одна существенная разница: горы мѣшаютъ общенію народовъ, — моря же, особенно усѣянныя островами, наоборотъ, содѣйствуютъ ему. Конечно, использовать обширные *океаны*, требовавшіе цѣлыхъ мѣсяцевъ плаванія, было посильно только высокой культурѣ; Христофоръ Колумбъ и Васко-де-Гама принадлежатъ къ эпохѣ уже высокой цивилизаціи; но что касается собственно *морей*, т. е. водныхъ пространствъ меньшаго размѣра, то въ этомъ отношеніи начальная исторія Южной и Западной Европы протекала въ условіяхъ чрезвычайно благопріятныхъ. Стоитъ лишь вспомнить роль Архипелага въ сближеніи Древней

Греціи съ Древнимъ Востокомъ. Вообще все Средиземное море было широко использовано въ цѣляхъ общенія народами, жившими по его берегамъ, — а кто только не жилъ у его береговъ! Древніе греки и римляне, финикіяне, позже испанцы, французы, итальянцы, югозападные славяне (сербы и хорваты), византійцы, арабы, османскіе турки. Самое названіе Средиземнаго моря показываетъ, что оно лежало *посреди* земель, гдѣ жили эти народности. Оно притягивало къ себѣ даже тѣхъ, кто жилъ въ сторонѣ отъ него: англичанъ, западныхъ славянъ (чеховъ, поляковъ), особенно германцевъ. Но Западная Европа и на Сѣверѣ имѣла такія же *средиземныя* моря: Сѣверное (Нѣмецкое) море сближало англичанъ съ германцами, французовъ съ скандинавскимъ міромъ; третье «средиземное» море, Балтійское, было поприщемъ, на которомъ сошлись народы германскіе и скандинавскіе. Общенію Зап. Европы значительно содѣйствовала *изломанность ея морского берега*, который идетъ тамъ не сплошной ровной стѣною, но прихотливо изрѣзанъ заливами и бухтами; зачастую самый заливъ, далеко вторгаясь внутрь материка, въ свою очередь образуетъ свои внутренніе заливчики и излучины — каждая такая бухточка даетъ безопасное пристанище для мореплавателя. Особенно развита береговая линія на западномъ побережьѣ Малой Азіи, въ Архипелагѣ, Элладѣ и на Далматинскомъ побережьѣ Адріатическаго моря; обилуютъ хорошо изрѣзанными берегами также итальянскіе острова (Корсика, Сардинія, Сицилія) и побережье Тирренскаго моря; острова Датскаго архипелага; еще богаче ими норвежскіе фіорды: иные врѣзались на цѣлые десятки верстъ вглубь материка, образуя какъ бы внутреннія моря, узкія и извилистыя. Гдѣ береговая линія развита, тамъ населенію относительно не трудно сноситься съ своими прибережными, даже заморскими сосѣдями. И наоборотъ, территорія Африки, даже въ приморской ея полосѣ съ запада и востока (не говоря о центральныхъ областяхъ), долгое время оставалась недоступною для иностранцевъ, отрѣзанною отъ общенія съ культурнымъ міромъ, именно вслѣдствіе неприіютности, негостепріимности ея береговъ. Въ Африкѣ отношеніе береговой линіи къ ея поверх-

ностному протяженію = 1 : 106; въ Европѣ вообще (считая и Россію) = 1 : 37, т. е. Европа богаче Африки береговою линіею въ три раза; самая же богатая — Греція: тамъ отношеніе 1 къ 3.

Кромѣ того Зап. Европа обилуетъ хорошими морскими *гаванями*. Глубокія *устья рѣкъ* — тѣ же заливы лишь съ прѣсной водою (рр. Висла, Одеръ, Эльба, Везеръ, Рейнъ, Темза, Лоара, Жиронда, Тахо, Рона, По); наконецъ, *острова* въ Зап. Европѣ точно станціи и верстовые столбы для путешественниковъ; Архипелагъ — это своего рода мостъ, перекинутый изъ Азіи въ Европу; здѣсь нѣтъ открытаго моря; здѣсь не затеряешься даже безъ компаса: подъѣхалъ къ одному пролету этого «моста», а тамъ уже видѣнъ другой, съ другого — третій и т. д. Совокупность перечисленныхъ условій значительно облегчала взаимное общеніе между народами Зап. Европы — обстоятельство особенно важное для той поры, когда еще не знали ни компаса, ни секстана, позволяющаго быстро оріентироваться въ морѣ, опредѣляя географическое положеніе корабля, — ни такихъ кораблей, которые могли бы, какъ въ наше время, безопасно рѣзать морскую пучину въ самыя сильныя бури.

Въ этомъ отношеніи русскому народу пришлось жить въ обстановкѣ далеко не столь благопріятной. Въ Россіи береговая линія опредѣляется, какъ 1 : 101, т. е. она такая же бѣдная, какъ и африканская. На громадномъ протяженіи морской берегъ омывается Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ: океанъ же этотъ, по своимъ климатическимъ особенностямъ, мало пригоденъ, частью даже совсѣмъ неприступенъ: наиболѣе южная и удобная часть его, Бѣлое море, безполезно замерзаетъ на 7—8 мѣсяцевъ въ году; а къ теплой, незамерзающей полосѣ Океана (Екатерининская гавань) мы добрались, можно сказать, лишь на этихъ дняхъ. Море Каспійское — море лишь по названію: оно замкнуто, безъ выхода, да и ведетъ въ страны съ другой, нехристіанской культурой, — въ ту «Азію», которая, въ жизни русскаго народа, сама по себѣ была явленіемъ отрицательнымъ.

Одно только Черное море съ Азовскимъ, да море Балтій-

ское служили хорошей дорогой въ Европу; но къ этимъ морямъ русскій народъ прикоснулся лишь на короткое время, въ самомъ началѣ своей исторіи, а потомъ его отбросили назадъ: путь загородили степные кочевники, и понадобились цѣлые вѣка напряженныхъ усилій, чтобы снова добраться до нихъ и установить тамъ свои границы. Твердой ногою мы стали здѣсь не раньше XVIII-го столѣтія, лишь съ Петра и Екатерины, когда одинъ «прорубилъ окно въ Европу», а другая счастливо довела до конца многотрудную вѣковую работу, начатую еще Олегомъ, Святославомъ и Владиміромъ Великимъ. Да и тутъ, на югѣ, когда препятствіе было сметено, «Азія», въ лицѣ турокъ, снова загородила намъ дорогу, и выходъ моремъ въ Южную Европу оказался въ зависимости отъ доброй воли людей, которые, какъ носители завѣтовъ, совершенно чуждыхъ Россіи, прилагали всѣ усилія не открыть намъ его, а наглухо запереть.

2. Удаленность Русской земли отъ европейскаго центра (наслѣдіе античнаго міра).

Въ потокѣ народовъ, хлынувшихъ около Рождества Христова изъ Азіи въ Европу (германцы, славяне, литовцы), славяне пришли въ ту пору, когда Западная и Средняя Европа были уже заняты, такъ что только нѣкоторымъ, южнымъ славянамъ, удалось размѣститься по сосѣдству или непосредственно въ областяхъ, испытавшихъ на себѣ вліяніе классической культуры (Далмація, Ѳракія, Мизія, Дакія). Да и то вліяніе это было, относительно, слабое, совсѣмъ не то, что на земляхъ древней Галліи, Иберіи или Карѳагена. Что же до русскаго племени, то оно очутилось уже совсѣмъ на крайнемъ востокѣ, куда древняя культура почти никогда не проникала. На сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря, въ отдѣльныхъ пунктахъ, греки оставили было свои слѣды, но ко времени появленія русскихъ славянъ на Восточно-европейской равнинѣ, слѣды эти совершенно исчезли; самая ближняя изъ культурныхъ странъ, Византія, была отдѣлена степями и моремъ. Вотъ

почему большого и непосредственнаго, постояннаго вліянія на ходъ и развитіе русской жизни цивилизація Древняго міра имѣть не могла.

Иначе сложилась обстановка на Западѣ. Германскія племена разселились тамъ на самой территоріи Зап. Римской имперіи, среди самихъ римлянъ или романизированнаго имъ населенія; они восприняли культуру древняго Рима и, подъ вліяніемъ романизаціи, изъ прежнихъ *германскихъ* превратились въ народы *романскіе*, по духовному своему облику ставъ ближе къ римлянамъ Цесаря или Деоклетіана, чѣмъ къ своимъ предкамъ, германцамъ временъ Тацита. Болѣе неприкосновеннымъ германскій типъ сохранился тамъ, гдѣ новыя государства сложились на территоріи, не испытавшей вліянія Рима или гдѣ его вліяніе было совершенно слабое (Англія, Германія, Скандинавія, Ютландія); однако и здѣсь христіанство, принятое изъ Рима, ввело эти государства въ кругъ той же римской цивилизаціи, что и народы романскіе.

Такая разница въ обстановкѣ и положеніи географическомъ Россіи и Западной Европы объяснитъ намъ, почему культурное содержаніе западно-европейскихъ государствъ значительно богаче и разнообразнѣе. На Западѣ новыя государства съ первыхъ же дней своего существованія получили въ свое распоряженіе богатый запасъ знанія, накопленный предъидущими поколѣніями. Россія, наоборотъ, сѣла на «пустое мѣсто», вслѣдствіе чего и культурное развитіе ея шло медленнѣе и, по содержанію, оказалось много бѣднѣе.

Народы Зап. Европы, занявъ земли Римской имперіи, смѣшавшись съ туземнымъ поколѣніемъ и воспринявъ его культуру, были живымъ и непрерывнымъ продолженіемъ древнихъ римлянъ; поэтому на Западѣ живая традиція просвѣщенія никогда не прерывалась; просвѣщеніе могло временами падать и потухать, но никогда не умирало. Пытливый духъ человѣка тамъ никогда не угасалъ. Классическій міръ оставилъ народамъ, занявшимъ Зап. Европу, свою образованность, свои учрежденія, свой богатый языкъ. Это поистинѣ богатое наслѣдство если не сдѣлало молодого наслѣдника сразу духовно богатымъ, то сразу же поставило его въ исклю-

чительно благопріятныя условія для дальнѣйшаго развитія. Латинскій языкъ сталъ языкомъ церкви и школы и потому сдѣлалъ доступнымъ непосредственное ознакомленіе съ памятниками античной литературы. Это создало на Западѣ извѣстную преемственность классическаго міра: толчекъ къ умственной работѣ и матеріалы къ ней даны были уже предварительно; огонь тлѣлъ подъ пепломъ и только ждалъ, что-бъ его раздули — на Руси, наоборотъ, не было самого огня, и, чтобы добыть его, требовались особыя усилія и работа. Ни латинскій, ни греческій языкъ не были для русскаго человѣка родными; вслѣдствіе этого непосредственное знакомство съ произведеніями античной мысли могло стать удѣломъ лишь немногихъ; приходилось ограничиваться переводами; переводы же въ старое время не могли быть точными и вѣрными, да и сами они требовали особой затраты энергіи и труда. Вслѣдствіе этого образованіе, т. е. духовная пища, находившаяся въ распоряженіи русскаго человѣка, была болѣе скудной, чѣмъ на Западѣ, и самостоятельному мышленію не на чемъ было практиковаться, такъ что въ области духовныхъ вопросовъ долгое время приходилось жить «чужимъ умомъ».

Въ лицѣ Карла Великаго Западъ воскресилъ старую имперію, сталъ ея продолжателемъ и тѣмъ самымъ принялъ на себя нравственную обязанность позаботиться о самомъ главномъ, что завѣщалъ ему древній Римъ — о просвѣщеніи. Русскій народъ жилъ на окраинѣ культурнаго міра, непосредственнаго соприкосновенія съ наслѣдіемъ древней цивилизаціи не имѣлъ; завести просвѣщеніе было ему много труднѣе; необычайно трудно было и взрастить его*). Постоянныя усобицы князей и татарское иго, въ свою очередь, сильно тормазили просвѣщеніе народное. Въ то время, какъ Западъ растилъ у себя, кромѣ знанія, также и науку, иными словами, не только пассивно усвоивалъ новые факты и явленія, но и критически изучалъ ихъ, старался разобраться въ нихъ, создавая университеты, вырабатывая философскія системы и школы, а съ наступленіемъ эпохи Возрожденія особенно пытливо вскрывая завѣсу, скрывавшую тайны мірозданія и законы

*) *Е. Е. Голубинскій.* Исторія Русской церкви.

человѣческаго бытія, — у насъ творческая работа ума въ области научной долгое время совершенно отсутствовала, и чуть не единственнымъ источникомъ просвѣщенія, вплоть до XVII-го, даже XVIII-го стол., было чужое, заимствованное знаніе, доходившее до насъ болѣе или менѣе искаженнымъ, въ неполномъ видѣ или уже устарѣлымъ.

3. *Россія — органическая часть Европы.*

Такимъ образомъ и здѣсь, «въ Европѣ», обстановка для Русскаго народа слагалась столь же неблагопріятно, какъ «въ Азіи». Азія постоянно тянула Россію къ себѣ, наложила на нее свой азіатскій отпечатокъ и тѣмъ дала инымъ ложное основаніе видѣть въ «Россіи» и «Европѣ» два особыхъ, несходныхъ міра; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности Россія есть *восточная половина* Европы, подобно тому какъ міръ германо-романскій есть ея *западная половина.* Ту и другую половину, каковы бы ни были ихъ индивидуальныя особенности, связываютъ общее расовое происхожденіе, общія начала христіанской культуры, общая географическая близость и почти одновременное выступленіе на историческое поприще.

Дѣло въ томъ, что если Азія насильно втягивала Россію въ орбиту своей жизни, то сама Россія, поскольку она оставалась свободною въ своихъ дѣйствіяхъ, постоянно жила и старалась жить, въ орбитѣ родственныхъ ей по духу и культурѣ народовъ. Но въ томъ-то и трагизмъ русской жизни: стоять все время лицомъ къ Европѣ и быть вынужденнымъ постоянно, почти безъ передышки, поворачиваться въ сторону Азіи, дробить свои силы, раздваиваться, противорѣчить самой себѣ!

Когда первые русскіе князья закладывали фундаментъ будущаго государственнаго зданія, они жили въ тѣсномъ общеніи съ западно-европейскимъ міромъ и сознательно шли навстрѣчу этого общенія. Какъ извѣстно, исторія Россіи начинается съ появленія варяговъ, этой скандинавской вѣтви европейцевъ, которая такую же роль фермента, какъ въ Россіи, сыграла и въ другихъ странахъ Зап. Европы: напримѣръ,

въ Британіи, въ Нормандіи. Эпоха Рюриковъ, Святославовъ, Владиміровъ, Ярославовъ Мудрыхъ есть время неустанныхъ сношеній съ Византіею; норвежскіе викинги, короли польскій, французскій, венгерскій ищутъ руки русскихъ княженъ; въ свою очередь для принцессъ византійскихъ и германскихъ Россія становится второй родиною; возникаютъ тѣсныя связи съ Польшей. Заимствуя христіанство изъ Византіи, русскіе люди не считаютъ страннымъ сноситься ни съ императоромъ германскимъ (Генрихъ IV), ни съ самимъ папою (Григорій VII), отправляя къ нимъ посольства, вводя ихъ въ кругъ своихъ интересовъ. Кіевъ издавна ведетъ торговлю съ такимъ отдаленнымъ пунктомъ Нѣмецкой земли, каковъ Регенсбургъ (въ нынѣшней Баваріи); а Новгородъ — съ городами Балтійскаго побережья.

И позже (1054—1242) мы встрѣтимъ подобныя же явленія. Новгородъ и Псковъ продолжаютъ брататься съ ганзейскими городами; кіевское Поднѣпровье, Волынь и Галичъ находятся въ тѣсномъ общеніи съ Венгріей и Польшей; черезъ нихъ подаетъ Россіи руку и Германія. Я не говорю уже о томъ, что Византія попрежнему играетъ видную роль въ нашей культурной жизни. Все свидѣтельствуетъ о томъ, что государственная и общественная жизнь, впервые зародившись на Великомъ Греческомъ Водномъ Пути, продолжала и позже развиваться въ ближайшемъ сосѣдствѣ и общеніи съ культурными племенами. Оставалось только желать, чтобы этотъ обмѣнъ въ области политической и экономической жизни, эта духовная связь продолжались и впредь, обезпечивая ея участникамъ возможно болѣе полное и разностороннее завоеваніе на пути мирнаго прогресса.

Но въ лицѣ азіатскихъ степняковъ надъ Россіей тяготѣлъ злой рокъ. Половцы настолько измучили населеніе Поднѣпровья своими постоянными набѣгами, что русскій человѣкъ не вынесъ: плодородныя поля, которыя сама природа предназначила для земледѣльца, онъ оставилъ въ добычу номаду-скотоводу, а самъ удалился въ глухой Сѣверовосточный край. Конечно, вмѣсто тучныхъ полей онъ нашелъ тамъ непроходимые лѣса, повсюду натыкался на болота; конечно, тамошній

кусокъ хлѣба оказывался болѣе жесткимъ, и добывать его приходилось, поистинѣ, согласно завѣту библейскому, «въ потѣ лица своего», зато по крайней мѣрѣ его не такъ легко вырывали изъ рукъ, по крайней мѣрѣ тамъ можно было жить съ большей увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ.

Такимъ образомъ, когда Андрей Боголюбскій перенесъ свою столицу изъ Кіева во Владиміръ на Клязьмѣ, — это рѣшеніе не было личнымъ капризомъ: его подсказала историческая необходимость. Во всякомъ случаѣ печальный фактъ оставался фактомъ: центръ тяжести переносился къ Востоку, отодвигался отъ Запада, Азія «тянула» къ себѣ — и это какъ разъ въ ту пору, когда первые ростки общенія съ Западомъ успѣли уже пустить корни, хорошо привиться!...

Какъ ни трудно было поддерживать духовную связь съ Западной Европою изъ отдаленнаго Суздальскаго края, однако не невозможно. Доказательства на лицо: чудные храмы, св. Димитрій во Владимірѣ, церковь Покрова на Нерли и рядъ другихъ второстепенныхъ (вторая половина XII в.). Изящные пилястры, богатая орнаментація наружныхъ стѣнъ, обилующая изображеніями человѣческихъ фигуръ, звѣрей, фантастическихъ животныхъ; поясъ изъ узкихъ колонокъ, форма арокъ и оконъ — несомнѣнно свидѣтельствуютъ о вліяніи романскаго стиля въ архитектурѣ, который, въ сочетаніи съ грековосточной основой, положилъ начало будущему русскому національному искусству.

Такимъ образомъ, повторяю, духовная связь еще не была порвана совершенно; хотя и съ большимъ трудомъ, ее все же продолжали поддерживать. Но Россію ожидалъ новый ударъ, еще болѣе ужасный — татарское иго. О Западной Европѣ нечего было тогда и думать. Царила одна мысль — уберечься отъ вражескаго меча. Если Золотая Орда и не поглотила Русской земли, то она отатарила ее, задержавъ развитіе страны на цѣлыхъ два съ половиною вѣка. Въ то время какъ эволюція западно-европейской культуры продолжала идти своимъ чередомъ, въ Россіи она пріостановилась. Поворотъ къ лучшему наступилъ не ранѣе конца XV в., съ паденіемъ мон-

гольскаго ига, съ объединеніемъ Сѣверовосточной Руси и съ образованіемъ Московскаго государства.

Съ Ивана III порванная связь съ Европой возстановляется. А въ Европѣ къ этому времени возникли единодержавныя монархіи; международная жизнь забила полнымъ ключемъ и втянула въ себя и Россію. У нея возникаютъ теперь интересы на Балтійскомъ морѣ; выступаетъ забота о возсоединеніи западно-русскихъ областей; мало-по-малу крѣпнутъ торговыя сношенія съ Англіей и Голландіей на Бѣломъ морѣ; чрезъ весь XVI-й и XVII-й вѣка проходитъ борьба со Швеціей и Польшей; какъ тамъ, на Западѣ, нарождается цѣлый рядъ политическихъ *вопросовъ*, нашедшихъ свое выраженіе въ итальянскихъ походахъ французскихъ королей, въ непобѣдимой Армадѣ Филиппа II, въ 30-лѣтней войнѣ, въ войнѣ за Испанское наслѣдство и т. д., такъ и для Россіи народились вопросы Балтійскій, Польскій, Черноморскій, столь же жизненные, съ такимъ же общеевропейскимъ значеніемъ, какъ и тѣ. Потребность въ культурныхъ заимствованіяхъ обусловила реформу Петра; весь XVIII вѣкъ и добрую половину XIX мы пробыли въ *европейской* школѣ, наглядное доказательство, что европейскій потокъ нашего историческаго русла за послѣдніе вѣка не только не изсякъ, но давалъ чувствовать себя еще сильнѣй прежняго. Наконецъ, участіе Россіи въ Наполеоновскихъ войнахъ при Александрѣ I; авторитетъ ея въ дѣлахъ европейскихъ при Николаѣ; вліятельная роль въ образованіи Германской имперіи при Александрѣ II; союзъ съ Франціей, въ интересахъ политическаго равновѣсія, въ противовѣсъ Тройственному союзу Германіи, Австріи и Италіи, при Александрѣ III; Міровая война 1914—1918 гг. и событія, которыя мы переживаемъ сейчасъ, въ настоящіе дни — снова наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ трудно, прямо невозможно отдѣлять ни исторію Западной Европы отъ исторіи Россіи, ни исторію Россіи отъ исторіи Западной Европы.

V. ХРИСТІАНСТВО.

Изъ трехъ факторовъ, положенныхъ въ основу историческаго зданія, которое русскій народъ на протяженіи 1000 лѣтъ своего существованія строилъ и не перестаетъ строить и донынѣ, нами разсмотрѣны два: обстановка географическая и расовыя особенности, полученныя въ наслѣдіе отъ доисторической поры и переработанныя подъ воздѣйствіемъ какъ этой самой обстановки, такъ и той великой колонизаціонной работы, которую продѣлала русская народность, обрусѣвая инородческій Сѣверъ и Востокъ. Намъ предстоитъ теперь остановиться на третьемъ, послѣднемъ, факторѣ — на тѣхъ культурныхъ началахъ, *во имя* которыхъ строилась русская государственность и общественность, — на *христіанствѣ*, воспринятомъ въ его *православной формѣ*, точнѣе говоря, на той позиціи, какую занялъ русскій человѣкъ по отношенію къ міру не-христіанскому и къ міру христіанскому, но не-православному.

1. Отношеніе къ Азіатскому Востоку.

Принятіе христіанства положило рѣзкую грань между новообращенною Русью и азіатскимъ міромъ, — языческимъ, позднѣе магометанскимъ. Грань эта заключалась въ основномъ различіи міропониманія: одно — строилось на любви къ ближнему, на прощеніи нанесенной обиды, на заботѣ о слабомъ и безпомощномъ; другое, всецѣло «языческое» — руководящимъ началомъ взяло себѣ торжество грубой силы, жесткое себялюбіе

и безжалостное отношеніе къ постороннему. Хотя магометанству, какъ религіи, эти черты въ основѣ и были чужды, но въ глазахъ русскаго человѣка именно ими характеризовался азіатскій кочевникъ; и неудивительно, если, при постоянномъ соприкосновеніи съ нимъ, эти черты были перенесены имъ и на религію, которую тотъ исповѣдывалъ.

Ставъ христіаниномъ и признавъ въ себѣ существо, доросшее до пониманія великой истины, русскій человѣкъ на первыхъ же порахъ почувствовалъ свое превосходство надъ тѣми, кто этой истиной не обладалъ и, казалось, вовсе лишенъ былъ способности или желанія дорасти до нея. Противоположность и непримиримость идеаловъ бросалась тѣмъ рѣзче въ глаза, чѣмъ тяжелѣе сказывалось давленіе азіатчины, постоянное вторженіе ея въ жизнь. Поэтому сознаніе собственнаго превосходства скоро неразрывно связалось съ чувствомъ отвращенія; міръ языческо-магометанскій сталъ представляться нечистымъ — *поганымъ**). При всей крайности и односторонней субъективности такого взгляда, онъ заключалъ въ себѣ цѣнный залогъ спасенія своихъ національныхъ особенностей и культурныхъ завоеваній. Стоитъ вспомнить хотя бы монгольское иго, успѣвшее, несмотря ни на что, наложить свой отпечатокъ на духовный обликъ русскаго человѣка, чтобы признать, что безъ такого двойного чувства превосходства и отвращенія сохранить этотъ обликъ оказалось бы еще труднѣе. *Вообще христіанство послужило русскому народу крѣпкимъ щитомъ въ борьбѣ съ азіатскимъ Востокомъ; оно дало ему силы выдержать натискъ монгольства, сохранить свое арійство, не быть совершенно оторваннымъ отъ родной европейской семьи.*

*) Paganus, по-латыни, значитъ житель деревни (pagus), въ противоположность жителю города. Горожане въ Римской имперіи быстрѣе усвоили христіанское ученіе, деревенщина же гораздо упорнѣе держалась за свои языческія вѣрованія, потому и самый терминъ paganus, въ устахъ христіанъ, съ ужасомъ взиравшихъ на язычество, какъ на тьму, грубое идолопоклонство и проявленіе дьявольской силы, вскорѣ получилъ смыслъ *языческаго*, въ устахъ же русскаго человѣка — выраженіе всего нечистаго, отвратительнаго, *паганаго*.

2. *Отношеніе къ Римской Церкви.*

Если новая религія отгородила русскій народъ отъ міра азіатскаго, нехристіанскаго, то также высокую стѣну воздвигла она и между православной Россіей и католическимъ Западомъ. Хотя въ пору Владиміра Св. христіанская церковь формально еще не раскололась на Восточную и Западную (это совершилось въ 1054 г.), но путь къ расколу уже обозначился: обѣ церкви къ этому времени сложились, какъ два особыхъ и враждебныхъ одинъ другому міра; римскій первосвященникъ уже поставилъ вопросъ о приматѣ и въ сферѣ церковной и въ сферѣ мірской жизни, что неизбѣжно вырывало глубокую пропасть между Римомъ и Константинополемъ; тѣмъ болѣе, что и безъ того греческій Востокъ и латинскій Западъ давно уже выдѣлились въ два особыхъ міра, каждый съ особой культурой и особымъ міросозерцаніемъ.

Въ то время какъ Восточная церковь крѣпла подъ покровительствомъ свѣтской власти, пріучаясь видѣть въ ней выраженіе божественной воли, авторитетъ римскихъ папъ выросъ самостоятельно и независимо отъ поддержки императоровъ, — наоборотъ: зачастую даже въ противовѣсъ имъ.

Причинъ, которыя обусловили привилегированное положеніе папъ въ Западной церкви и дали имъ основаніе притязать на главенство во всемъ христіанскомъ мірѣ, было не мало.

Во 1-хъ: *Политическое обаяніе Рима-города*, гдѣ находилась епископская каѳедра папъ. Не въ примѣръ другимъ городамъ, Римъ былъ «вѣчный» городъ, со временъ римлянъ столица міра, Urbs, не oppidum, т. е. городъ изъ городовъ. Одно уже это повышало римскаго епископа, имѣвшаго здѣсь свою резиденцію, и выдѣляло его изъ среды остальныхъ «провинціальныхъ» епископовъ.

Во 2-хъ: *Въ сферѣ религіозной папа явился своего рода наслѣдникомъ римскихъ императоровъ*. Римскій императоръ въ языческую пору былъ государемъ не только свѣтскимъ (caesar, augustus, imperator), но и духовнымъ (pontifex maximus). Перенесеніе столицы на Востокъ, въ Константинополь, по-

ставило папу, въ областяхъ, гдѣ императорской власти не было налицо, въ положеніе преемника императора по дѣламъ религіи, что и нашло свое выраженіе въ принятіи того же титула: pontifex maximus. Потому-то періодъ управленія церковью каждымъ даннымъ папою (со дня его избранія до смерти или низложенія, иначе говоря, его «царствованіе») обыкновенно называется *понтификатомъ*.

Въ 3-хъ: *Своего рода наслѣдникомъ римскаго императора явился папа и въ сферѣ мірской жизни.* Италія, подъ гнетомъ постоянныхъ варварскихъ вторженій, особенно нуждалась въ защитѣ и властной рукѣ, способной остановить разрушительный потокъ, или по крайней мѣрѣ ослабить его пагубныя дѣйствія. Верховная свѣтская власть отсутствовала; бывало, что въ критическіе моменты не было на лицо ни военной силы, ни надлежащихъ органовъ административныхъ; и папа, волей-неволей, становился единственнымъ авторитетнымъ представителемъ христіанскаго населенія, единственнымъ, кто могъ оказать ему защиту и охранить его интересы. Конечно, защита могла быть только моральною, но тѣмъ сильнѣе дѣйствовала она своимъ успѣхомъ на умы современниковъ, тѣмъ болѣе повышала въ глазахъ благодарнаго населенія представителя церкви. Такова была увѣнчавшаяся успѣхомъ поѣздка папы Льва I къ Аттилѣ съ цѣлью умилостивить его и отклонить ударъ, который тотъ собирался нанести Вѣчному городу; и хотя у Аттилы было не мало другихъ основаній, побудившихъ его покинуть Италію, однако въ благодарной памяти народной, этихъ основаній не вѣдавшей, городъ спасеніемъ своимъ обязанъ былъ исключительно заступничеству святого отца. Подобную же опасность, отъ лонгобардскаго короля Агилульфа, отклонилъ папа Григорій I: за полнымъ отсутствіемъ свѣтскихъ властей въ городѣ, онъ замѣнилъ ихъ собою, вступилъ въ переговоры и добился того, что лонгобарды отступили отъ Рима, не тронувъ его.

Въ 4-хъ: *Религіозное значеніе Рима.* Римская церковь была основана, по преданію, двумя самыми главными и видными апостолами, Петромъ и Павломъ, что особенно возвышало ее надъ остальными церквами. Слова, обращенныя Спасителемъ

къ апостолу Петру: «Ты еси Петръ и на камени семъ созижду церковь Мою», толковались въ томъ смыслѣ, что церковь, основанная Петромъ, есть основной фундаментъ церкви христіанской, и что самъ онъ, апостолъ Петръ, есть намѣстникъ Христа; а такъ какъ папы, по званію епископа, получили власть преемственно отъ Петра, то черезъ него и они стали намѣстниками Христа.

Въ 5-хъ: *Неукоснительное православіе папъ*. Въ то время какъ на Востокѣ III—IX вѣка были эпохой нескончаемыхъ богословскихъ споровъ и уклоненій отъ православія, на Западѣ самостоятельно возникла всего одна ересь (павликіанъ); всѣ остальныя были занесены со стороны и не находили себѣ благопріятной почвы, чему Римская церковь обязана значительно большей чистотой своего вѣроученія. Между тѣмъ какъ многіе изъ восточныхъ патріарховъ впадали въ заблужденіе, римскіе папы, наоборотъ, все время неуклонно охраняли православіе въ томъ видѣ, какъ оно было установлено на первыхъ вселенскихъ соборахъ. Особенно проявили они чистоту своихъ вѣрованій во время иконоборства, выступая ревностными защитниками почитанія иконъ (Григорій II и Григорій III).

Въ 6-хъ: *Заслуги папъ по распространенію христіанской церкви*. Новыя германскія государства, возникшія на мѣстѣ бывшей Западной Римской имперіи, познали истинную вѣру, главнымъ образомъ, благодаря энергіи и просвѣтительной дѣятельности Римскаго престола. Таковъ былъ переходъ франковъ, англосаксовъ и племенъ, жившхъ въ Германіи, изъ язычества въ христіанство; таково было обращеніе вестготовъ, бургундовъ и лонгобардовъ, которые отступились отъ аріанства и приняли православное вѣроученіе церкви.

Въ 7-хъ: *Территоріальные размѣры папскаго вліянія*. Обращеніе главнѣйшихъ германскихъ племенъ въ христіанство или православіе поставило мѣстныя церкви въ варварскихъ государствахъ въ положеніе дочерей къ Римской церкви-матери. Ихъ создалъ папа, за нимъ и право руководить ими. Попытки мѣстныхъ церквей отстоять свою независимость кончились неудачею (Францiя, Миланъ, Равенна, Аквилея). Такимъ образомъ, Западная и Сѣверная Европа съ центральною ея частью

образовала какъ бы одну громадную епархію подъ властью и верховнымъ наблюденіемъ римскаго епископа.

Въ 8-хъ: *Образованіе папской области* придало авторитету духовному еще авторитетъ свѣтскаго владыки, поставило папу, главу церкви — въ положеніе государя — главы государства*).

Въ 9-хъ: Въ VIII и IX вв. составлены были два документа, т. наз. *Даръ Константина* (Donatio Constantini) и *Лжеисидоровы Декреталіи*. Согласно первому, римскій императоръ Константинъ Великій, принявъ крещеніе отъ папы Сильвестра, въ знакъ своего духовнаго подчиненія и въ благодарность за исцѣленіе отъ слѣпоты, передъ тѣмъ поразившей его, подарилъ папѣ знаки императорскаго достоинства, Латеранскій дворецъ, городъ Римъ, Италію и всѣ западныя страны, призналъ его главенство надъ патріархами александрійскимъ, антіохійскимъ, іерусалимскимъ и константинопольскимъ, самъ же перенесъ свою столицу на Востокъ, какъ бы заявляя этимъ, что не подобаетъ главѣ имперіи жить тамъ, гдѣ живетъ глава церкви. Декреталіи — это сборникъ разныхъ писемъ, постановленій и т. п. (въ томъ числѣ и «Даръ Константина»), въ которыхъ доказывалось, что папская власть выше всякой другой на свѣтѣ; что единственно папа въ силахъ дать церкви желанный миръ; что ему подчинены соборы, императоръ, принадлежитъ право суда надъ епископами, самъ же онъ не подлежитъ ничьему суду. Тотъ и другой документъ въ дѣйствительности были подложными, но въ свое время (въ теченіе всѣхъ Среднихъ Вѣковъ) ихъ считали достовѣрными и считались съ ихъ постановленіями, — лучшее доказательство, что мысль, вложенная въ нихъ, раздѣлялась современниками и была убѣжденіемъ ряда поколѣній.

Въ такой обстановкѣ римскіе папы мало по малу привыкли держать себя совершенно самостоятельно, а въ тѣхъ

---

*) Начало свѣтской власти папъ положено было въ 728 г., когда лонгобардскій король Ліутпрандъ подарилъ папѣ Григорію II во владѣніе маленькій городокъ Сутри (къ С. отъ Рима); но настоящимъ свѣтскимъ государемъ сдѣлался папа съ 756 г., когда франкскій король Пипинъ Короткій передалъ папѣ Стефану II отнятый имъ у лонгобардовъ Равенскій экзархатъ.

случаяхъ, когда находили дѣйствія и предписанія византійскихъ государей несправедливыми (напримѣръ, въ дѣлѣ иконоборства), прямо отказывали имъ въ повиновеніи. Принявъ изъ рукъ Пипина Короткаго Равенскій экзархатъ, *по праву* принадлежавшій восточнымъ императорамъ, они и не думали возвращать его имъ. Если власть папы, «намѣстника Христа», «выше всякой другой власти», то эти «другія власти» должны подчиняться ей — вотъ положеніе, глубоко вкоренившееся въ Римской церкви. На этой почвѣ должно было неизбѣжно произойти столкновеніе двухъ властей, мірской и духовной. Еще со времени коронованія Карла Великаго (800), Римская церковь стала проводить мысль, что «римскій императоръ и папа суть два меча, посланные Богомъ на землю для защиты и торжества христіанства: мечъ духовный врученъ папѣ, мечъ свѣтскій — императору». Отсюда оставался одинъ шагъ (его и сдѣлаетъ Иннокентій III въ XIII ст.), чтобы заявить: «такъ какъ задача, возложенная на эти мечи, чисто духовнаго характера, то отъ папы, а не отъ императора зависитъ, какое направленіе дать имъ. Мечъ духовный выше меча свѣтскаго».

Въ полную противоположность Римской церкви, церковь Восточная выросла изъ тѣснаго союза съ свѣтской властью, подъ впечатлѣніемъ великихъ услугъ, оказанныхъ ей византійскими императорами. Константинъ Великій и его преемники помогли христіанской церкви стать на ноги, восторжествовать надъ язычествомъ, оказывали ей могущественную поддержку въ борьбѣ съ многочисленными ересями, обезпечили матеріальное ея положеніе. Императорская власть всегда была въ странѣ налицо, внимательная, готовая къ дѣйствію; она принимала живое участіе въ дѣлахъ церкви, созывала церковные соборы, своимъ авторитетомъ давала силу ихъ рѣшеніямъ. Все это воспитало греческое духовенство въ чувствѣ извѣстной зависимости и подчиненности. Въ его глазахъ императоръ сталъ единымъ законнымъ источникомъ жизни на землѣ, высшимъ блюстителемъ чистоты правовѣрія. Онъ — ставленникъ Бога, Его помазанникъ, верховный покровитель Вселенской церкви, и за свои дѣйствія отвѣчаетъ лишь передъ Богомъ, вручившимъ ему власть на землѣ. Противодѣйствовать

волѣ императора — значитъ идти противъ воли Божіей, совершить тяжкій грѣхъ. Самъ патріархъ совершилъ бы преступленіе, если-бъ допустилъ себя до подобнаго шага.

Другая черта, рѣзко отдѣлившая Восточную церковь отъ Западной, была *рознь религіозная.* Западный догматъ filioque на Востокѣ не признавался; къ причастію подъ обоими видами здѣсь допускали не одно духовенство, но и мірянъ. Многіе обряды церковные тоже сложились различно: запричастный хлѣбъ для проскомидіи на Востокѣ готовился квасный, на Западѣ — употреблялись опрѣсноки. Иконостасъ въ восточныхъ церквахъ; органъ при богослуженіи въ западныхъ; форма построенія храмовъ (латинскій и греческій крестъ) — все это уже въ X вѣкѣ, когда русскіе принимали христіанство, довольно замѣтно обособило «православнаго» отъ «католика», полемическая же литература усиленно питала эту обособленность.

Такимъ образомъ, духъ непріязни, взаимнаго недовѣрія и вражды уже тогда охватилъ обѣ церкви, и христіанство пришло въ Древнюю Русь со взглядомъ на Западную церковь, какъ на «латинскую», т. е. нечистую и полную заблужденій. Молодая Русская церковь, будучи отпрыскомъ Византійской, всецѣло восприняла ея взгляды, воспитывалась на нихъ и тѣмъ самымъ опредѣлила свое отношеніе къ церкви Римской, какъ къ организаціи совершенно чуждой, построенной на основахъ, для нея непріемлемыхъ. Русскіе люди стали воспитываться въ отчужденіи и ненависти къ Западной церкви и ко всему тому, что съ нею было связано, приравнивать латинство къ «поганому» язычеству.

Послѣдствія такой нетерпимости были двоякія: Древняя Русь отгородилась отъ культурнаго общенія съ Западомъ, и отнюдь не въ пользу себѣ: Латинская церковь въ ту пору была большою культурною силою; школа, просвѣщеніе, письменность, литература, богатое наслѣдіе, доставшееся отъ Античнаго міра, нашли, можно сказать, въ ней одной свое разностороннее истолкованіе. Въ результатѣ культурная мысль Запада осталась внѣ круга русскаго мышленія, и русскій умъ

долгое время, почти до временъ Петра В., воспитывался исключительно на однихъ византійскихъ образцахъ и идеалахъ.

Съ другой стороны, эта же самая отчужденность отъ Запада обезпечила русскому народу болѣе самостоятельное развитіе своихъ духовныхъ силъ и бо́льшую оригинальность своего національнаго творчества. Восточная церковь, не въ примѣръ Римской, никогда не *довлѣла* надъ своею паствой, никогда не старалась наложить на нее свой отпечатокъ: она предоставила Русской церкви богослуженіе на славянскомъ, ей близкомъ, языкѣ, не особенно вмѣшивалась въ ея внутреннюю жизнь, и въ то время какъ на Западѣ Римская церковь *латинизировала* исповѣдниковъ католичества, паства православная вліянію *эллинизма (грецизма)* не подвергалась. Русскій языкъ развивался безъ всякаго воздѣйствія языка греческаго, въ тѣсномъ общеніи съ родственными ему южноболгарскимъ и польскимъ, и это сдѣлало его несравненно болѣе богатымъ и совершеннымъ, чѣмъ, напримѣръ, языки французскій или итальянскій, вообще языки, сложившіеся подъ двойнымъ вліяніемъ латыни, какъ языка правительственныхъ учрежденій и языка церкви.

Вообще православіе помогло намъ сохранить сознаніе національнаго единства и не сдѣлаться «добычей другихъ христіанскихъ народовъ, опередившихъ насъ въ образованности. Православіе дало возможность, въ тиши и уединеніи, сложиться и окрѣпнуть славянскому зародышу, заброшенному въ дебри и пустыни, на край свѣта; оно хранило его и оберегало, до тѣхъ поръ пока изъ этого слабаго зачатка образовалось могучее политическое тѣло, которому не страшны стали внѣшнія борьбы и бури». Стань мы римско-католиками, «мы были бы, роковымъ образомъ, втянуты въ кругъ западно-европейскаго развитія», и, если судить по примѣру западныхъ славянъ, оно дѣйствовало бы на насъ разлагающимъ образомъ*).

Въ виду указанныхъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ, естественно возникнутъ вопросу: въ конечномъ результатѣ, было ли благомъ или зломъ то, что Россія стала

*) *Кавелинъ*. Мысли и замѣтки о русской исторіи.

духовной дщерью Византіи, а не Рима? Вопросъ этотъ ставится съ давнихъ поръ; онъ вызывалъ и продолжаетъ донынѣ вызывать страстные споры, но имъ не должно быть мѣста въ исторической книгѣ. *Лучше* и *хуже* — для историка не существуетъ: историкъ, устанавливая факты и явленія исторической жизни, лишь *объясняетъ* ихъ, толкуетъ, какъ они возникли и къ чему привели, предоставляя каждому, соотвѣтственно своимъ симпатіямъ, навыкамъ и воспитанію, отдавать предпочтеніе тому или иному явленію.

Спорить на эту тему прежде всего безполезно. Человѣчество состоитъ изъ совокупности отдѣльныхъ народностей, каждая съ своими духовными особенностями, съ своей духовной работой; въ этомъ отношеніи оно напоминаетъ собою многогранникъ, тѣмъ болѣе совершенный, чѣмъ онъ многограннѣе. *Каждая* сторона такого многогранника *одинаково имѣетъ право* на существованіе. Сильная, здоровая народность, сумѣвшая выработать собственную оригинальную физіономію, тѣмъ самымъ вноситъ цѣнный культурный вкладъ въ общую сокровищницу человѣчества, и чѣмъ разнообразнѣе этотъ вкладъ, тѣмъ богаче само человѣчество.

Исторія стремится къ *объективной* оцѣнкѣ явленій; въ рѣшеніи же вопроса о томъ, что лучше, что хуже, мы руководимся *субъективнымъ* чувствомъ: одинъ съ полнымъ правомъ скажетъ, что его сердцу ближе Эллинскій міръ, оставившій намъ неувядаемые образцы Красоты и Гармоніи; другой — съ не меньшимъ правомъ отдастъ предпочтеніе древнему Риму, за тѣ идеи Права, Законности и Общественнаго Порядка, какія онъ внесъ въ оборотъ человѣческой жизни; историкъ же признаетъ, что наслѣдія древней Эллады и древнихъ римлянъ несоизмѣримы по себѣ; что ихъ нельзя ни сопоставлять ни противополагать одно другому; что они «оба лучше», такъ какъ оба являются одинаково драгоцѣнными пріобрѣтеніями и открытіями человѣческой мысли.

На протяженіи тысячи лѣтъ мы, русскіе, взрастили въ себѣ духъ православія, сроднились съ Православною церковью, привыкли видѣть въ славянахъ своихъ родныхъ братьевъ, противополагать славяно-русскій міръ, какъ *свой род-*

ной, міру германо-романскому; на основаніи этихъ особенностей строилось наше міросозерцаніе; мы впитывали его съ дѣтскихъ лѣтъ; и на субъективный вопросъ: «что лучше?» для насъ не можетъ быть иного отвѣта: «наше лучше чужого; оно намъ ближе, роднѣе» — на такой субъективной оцѣнкѣ «своего», «родного» зиждется великое чувство патріотизма, любви къ родинѣ. Но, разсуждая объективно, мы должны будемъ сказать: и наше славянское православіе и романское католичество суть одинаково высокія, одинаково сильныя и законныя проявленія человѣческаго духа; каждое изъ нихъ сложилось соотвѣтственно складу ума, міросозерцанію тѣхъ, кто его исповѣдуетъ, — сложилось въ зависимости отъ совокупности самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ историческихъ условій. Какъ *историческія* явленія (а въ данномъ случаѣ только такая мѣрка и приложима), православіе и католичество имѣютъ, каждое, свою цѣнность, и чѣмъ обладаютъ одни, того лишены другіе. Это двѣ грани историческаго многогранника, и каждой изъ нихъ нашлось въ немъ свое почетное и видное мѣсто.

VI. ОСНОВНЫЯ ЯВЛЕНІЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

I. Мы уже указывали на неправильность противопоставленія Россіи Европѣ: Россія не есть что либо особое, отдѣльное; вмѣстѣ съ Западной Европой она составляетъ то единое цѣлое, которое зовется новымъ христіанскимъ міромъ. При всѣхъ отличіяхъ нашей жизни отъ Зап. Европы, основа и тамъ и здѣсь одна и та же. Одинаковость этой основы была обусловлена: 1) связью территоріальною, жизнью въ предѣлахъ общаго для всѣхъ европейскаго материка, который, будучи взятъ въ его цѣломъ, скорѣе могъ бы быть разсматриваемъ, какъ часть громаднаго массива, Евразіи, но никакъ не быть еще самъ дѣлимымъ на отдѣльныя части; 2) общностью арійскаго происхожденія; наконецъ, 3) культурными началами, коренящимися въ общихъ, и для Запада и для Востока, основахъ христіанскаго ученія. — Русская общественность и государственность зародились не гдѣ-нибудь въ глухомъ углу, не въ сторонѣ отъ людей, а на поприщѣ международныхъ сношеній, на аренѣ общенія съ европейской семьею, неотъемлемымъ сочленомъ которой былъ и остается и донынѣ русскій народъ. Такіе факты, какъ набѣги варяговъ на русскую землю; походы русскихъ князей на Царьградъ; торговыя сношенія съ Византіей; соперничество съ Польшей на сѣверныхъ предгорьяхъ Карпатъ; принятіе христіанства и обусловленныя этимъ заимствованія въ сферѣ нравственной (этика, семья), юридической (право, законы), литературной (письменность, школа) — достаточно показываютъ справедливость сказаннаго.

II. Однако, наряду съ факторами, обусловившими теченіе русской жизни въ общемъ западноевропейскомъ руслѣ, было

не мало и такихъ, которые серьезно тормозили правильное развитіе русской народности въ рамкахъ «международной» европейской жизни. Таковыми были: 1) обширность и строго материковый характеръ русской территоріи въ противоположность сравнительно небольшому объему государствъ З. Европы, расположенныхъ на полуостровахъ или подлѣ глубоко вдавшихся въ сушу заливовъ, благодаря чему народы Запада жили гораздо ближе другъ къ другу, легче сносились — обстоятельство немаловажное въ пору, когда не могло быть рѣчи ни о паровой силѣ, ни о телеграфѣ; 2) отдаленность русской земли, положеніе ея на периферіи европейскаго круга (помѣха въ болѣе тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ); 3) непосредственное сосѣдство съ азіатскою кочевою степью (требовалось крайнее напряженіе силъ, отвлеченіе ихъ въ сторону); 4) отсутствіе непосредственнаго заимствованія классической культуры: народности итальянская, испанская, французская, частью германская и англійская, жили непосредственно на римской почвѣ, сложились изъ смѣшенія съ народами римской или романизированной крови; походы германскихъ императоровъ въ Италію, общеніе съ Римомъ на почвѣ средневѣковаго идеала единой церкви и единой имперіи возмѣщали для Германіи то, что не вся она нѣкогда была романизирована; общеніе духовное точно такъ же возмѣщало и для Венгріи, Польши, Англіи или Даніи ихъ географическую отдаленность; изъ рукъ Рима получали короли этихъ странъ свои королевскіе титулы и короны, изъ Рима приходило сюда духовенство, воспитывая въ духѣ повиновенія Риму и общенія съ римской (латинской) культурой. — Иначе была поставлена Россія къ Византіи — той странѣ, которая играла въ ея жизни роль аналогичную съ Римомъ по отношенію его къ германо-романскимъ государствамъ. Русь стояла географически далеко; кровнаго смѣшенія съ греками у нея не было; матеріальная культура древняго міра отсутствовала на русской почвѣ. Къ тому же характеръ Римской церкви, воинствующій (ecclesia militans), въ значителной степени содѣйствовалъ *активному* заносу культурнаго наслѣдія древности въ среду германо-романскихъ народностей; церковь же Восточная, до-

пуская гораздо больше простора для самобытнаго развитія, тѣмъ самымъ въ данную минуту значительно слабѣе пріобщала народы славянскіе къ общемірової культурѣ; наконецъ, 5) разница съ Зап. Европой въ пониманіи божественнаго ученія. Исповѣдники православія и католичества недовѣрчиво и враждебно смотрѣли другъ на друга, что вносило въ ту пору большую рознь и взаимное отчужденіе въ вопросахъ далеко не только церковныхъ. Съ точки зрѣнія *практическихъ* выгодъ большій вредъ такое положеніе дѣла приносило Россіи, а не Западной Европѣ; центръ европейской жизни въ ту пору былъ не въ Константинополѣ, а въ Римѣ; Византія — начало отживающее, косное, хранительница прошлаго; Римъ въ средніе вѣка былъ явленіемъ прогрессивнымъ; все живое, способное къ жизни тянуло къ нему. — Результатъ вышесказаннаго былъ двоякій: 1) извѣстная степень обособленности въ развитіи русской національности и 2) недостаточная устойчивость политическаго существованія Древней Руси. На Западѣ идея Римской Священной Имперіи, олицетворяемой папою и императоромъ, даже отдаленную Польшу или Венгрію (не говоря про Францію или Германію) не только втягивала въ общемірову (европейскую) жизнь; не только заставляла смотрѣть на явленія глазами Рима, но и создавала точку опоры ихъ политическому существованію, обезпечивала общую поддержку отъ внѣшнихъ враговъ. Не то Древняя Русь. Положительныя блага классической (византійской) культуры — духовныя и матеріальныя — восприняты были (въ силу вышеуказанныхъ причинъ) въ меньшей дозѣ, а потому и самый ростъ русскихъ духовныхъ силъ, болѣе чѣмъ на Западѣ предоставленныхъ самимъ себѣ, шелъ медленнѣе, слабѣе; слабость же политическихъ связей и съ Византіей и съ латинскимъ Западомъ, при окраинномъ положеніи, на краю европейскаго христіанскаго міра, лицомъ къ лицу со степью, дѣлала ее беззащитною.

III. То, что обыкновенно указывается, какъ на обстоятельства, содѣйствовавшія въ Древней Руси отдѣльнымъ, дотолѣ разрозненнымъ племенамъ сплотиться въ одно государственное цѣлое; рѣки, какъ торныя дороги; равнинность

страны; отсутствіе рѣзкихъ племенныхъ отличій («племена» быстро исчезаютъ, превращаясь въ «волости» и «княженія»); единство княжескаго рода — все это суть признаки, указывающіе скорѣе на отсутствіе отрицательныхъ факторовъ и на присутствіе положительныхъ. Настоящаго цемента еще не было, и части болтались въ сосудѣ, съ которымъ онѣ пока еще не срослись. Съ другой стороны еще сохранявшіяся традиціи пережитаго родового быта скорѣе поддерживали это разъединеніе и отнюдь не содѣйствовали сплоченію общественныхъ элементовъ: Великій Греческій водный путь, въ которомъ обыкновенно (и съ извѣстной точки зрѣнія вполнѣ справедливо) видятъ связующее звено, могучее средство для объединенія разрозненныхъ племенъ, отдѣльныхъ княжествъ, — въ данномъ случаѣ, представляя изъ себя торную дорогу, гдѣ было мѣсто всякому, званымъ и незванымъ, существенно мѣшалъ вырасти, развиться и окрѣпнуть государственному центру, достаточно мощному, чтобы и себя усилить, притянувъ къ себѣ сосѣднія силы, и этимъ сосѣдямъ дать покровъ и защиту; *реальною* политическою силою Кіевъ никогда не обладалъ въ достаточной степени; попытка Романа Мстиславича заложить болѣе прочный фундаментъ государственности въ Волынской землѣ была неудачна, а однородныя попытки его сына, Даніила Галицкаго, оказались уже прямо запоздавшими. Что до Новгорода, то своеобразное положеніе, какое занимала тамъ верховная власть, мѣшало ему выйти за политическія рамки своей территоріи и дѣйствовать наступательно; изъ собственнаго матеріала выработать верховную власть новгородцы не могли, не умѣли; извнѣ приглашаемые князья встрѣчали недовѣріе, авторитетомъ не пользовались, слишкомъ были «гостями» въ Новгородской землѣ и потому прочныхъ связей создать не могли. При такой политической необезпеченности всякій сильный ударъ извнѣ могъ оказаться очень гибельнымъ. И ударъ этотъ не замедлилъ.

IV. Наступательное движеніе азіатскихъ ордъ, усиливаясь и разростаясь, достигло высшаго своего напряженія къ началу второй четверти XIII стол. Ураганъ разразился съ небывалою силой. Монгольское нашествіе, опустошивъ и

обезлюдивъ чуть не сплошь всю Русскую землю, подкосило въ корень и тѣ два пункта, Кіевъ и Волынь, что мечтали было стать во главѣ тогдашнихъ русскихъ княжествъ. Но бѣда не приходитъ одна. Политическое безсиліе, созданное монгольскимъ разореніемъ, открыло дорогу (или по крайней мѣрѣ облегчило появленіе) новымъ врагамъ — Ливонскому ордену и литовцамъ. Опасность съ этой стороны была чуть ли не еще большая; татары только разорили, ураганъ налетѣлъ, но строя русской жизни онъ не коснулся. Правда, утвержденіе Ливонскаго ордена на берегу Зап. Двины отозвалось печально не въ первое время, а значительно позже; съ другой стороны политическое подчиненіе Зап. Руси литовцамъ можно разсматривать одновременно, какъ культурное подчиненіе самихъ побѣдителей; но главное зло заключалось въ томъ, что Приднѣпровская Русь, политически переставъ существовать, какъ государство, черезъ Литву вошла въ косвенное (а нѣкоторыя области и въ прямое) подчиненіе Польшѣ, — подчиненіе, столь чреватое бѣдствіями и тяжелыми осложненіями. Послѣ разгрома татарскаго, послѣ завоеванія Зап. Руси Литвой и поляками жалкіе остатки политической независимости сохранились (да и то относительно) въ одномъ лишь Новгородѣ. Такимъ образомъ приходилось начинать сызнова. Государственность, возникшая на Приднѣпровьѣ, оказалась непрочною; надо было выращивать ее гдѣ-нибудь въ иномъ мѣстѣ, а, главное, на иномъ фундаментѣ. Таковой былъ отысканъ въ Суздальско-Владимірскомъ княжествѣ.

V. По сравненію съ Приднѣпровьемъ, въ Суздальскомъ краѣ все иное: природа, географическое положеніе, люди (складъ понятій, характеръ), взаимныя отношенія князя и населенія. Въ основѣ всей дѣятельности лежитъ упорная борьба за существованіе, за грубое право жить. Вѣчевые порядки, сильные въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, упрочиться здѣсь не могли: господиномъ положенія было не вѣче, а князь; послѣдній изъ прежняго князя-дружинника превращается въ князя-вотчинника, князя-хозяина, домосѣда. Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III Большое Гнѣздо опираются прежде всего не на родовые междукняжескіе счеты, не на договоръ

съ мѣстнымъ населеніемъ, какъ это было въ Кіевскомъ періодѣ, а на реальную силу въ интересахъ тѣснаго круга-семьи. Этимъ путемъ закладывался первый камень въ фундаментѣ того государственнаго зданія, которое потомъ воздвигнутъ московскіе князья. — Укладка этого камня Андреемъ Боголюбскимъ и его братомъ была однако дѣломъ безсознательнымъ: идея государственнаго объединенія была еще чужда имъ; пока же они ярко выразили собою нарождающійся типъ вотчиннаго владѣльца и только. Основной толчокъ, направившій мысль на превращеніе вотчинъ въ государство, былъ данъ монгольскимъ игомъ, не раньше. Бѣдствія этого ига мало-помалу привили русскому обществу мысль, что только въ сплоченности и въ тѣсномъ единеніи, въ твердой волѣ и въ сильной правящей власти спасеніе отъ татаръ, залогъ желаннаго освобожденія. Отсюда постепенный ростъ государственной идеи, подчиненіе ей всѣхъ остальныхъ интересовъ.

VI. На выясненіе (хотя бы только частичное) этой государственной идеи, на укрѣпленіе ея въ народномъ сознаніи, на практическую подготовку ея реализаціи въ будущемъ уходятъ XIV-й и XV вѣка — періодъ т. наз. собиранія Северо-восточной Руси. Внѣшняя опасность заставляетъ тянуть къ Москвѣ и дорожить ею. Дѣло объединенія становится общимъ дѣломъ: земщина, бояре и духовенство принимаютъ въ немъ дружное участіе. Ихъ совмѣстныя усилія, въ согласіи съ послѣдовательно, до конца выдержанной политикой самихъ московскихъ князей, увѣнчиваются полнымъ успѣхомъ: къ XVI вѣку С.-В. Русь освобождается отъ татаръ, на мѣстѣ прежнихъ удѣловъ возникаетъ единое Московское государство.

VII. Отличительными чертами Московскаго государства (1462—1725) были: ясно выраженный государственный принципъ и подчиненіе, во имя этого принципа, общественнаго и личнаго начала. И то и другое, какъ извѣстнаго рода постулатъ, окончательно сложилось и окрѣпло, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ политическаго положенія Россіи въ XVI и XVII вв. и тѣхъ политическихъ задачъ, какія ей пришлось осуществлять въ ту пору. Время возникновенія Московскаго государства совпало съ временемъ, когда русскій

народъ снова и даже интенсивнѣе, чѣмъ прежде, зажилъ широкой международной жизнью, втянувшись въ среду европейскихъ народовъ, у которыхъ у самихъ къ этому времени (къ XVI вѣку) взаимныя связи на почвѣ отношеній политическихъ, экономическихъ, культурныхъ, обмѣна идей, поисковъ новыхъ районовъ дѣятельности значительно усилились и окрѣпли. — Объединеніе С.-В. Руси поставило на очередь вопросъ о возсоединеніи ея съ Русью Югозападной; далѣе, паденіемъ монгольскаго ига счеты съ татарами далеко еще не покончились: борьба ведется попрежнему, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что изъ оборонительной она переходитъ въ наступательную, и если Казань съ Астраханью достались сравнительно легко, то Крымъ потребовалъ значительно большаго напряженія и продолжительныхъ усилій. Въ то же время борьба западныхъ сосѣдей изъ-за преобладанія на Балтійскомъ морѣ неизбѣжно втягивала въ эту борьбу и Московское государство. Успѣхъ въ борьбѣ обусловливался прежде всего матеріальными средствами, — а въ нихъ-то какъ разъ и оказывался большой недочетъ. Перенесеніе центра тяжести съ Кіевскаго Приднѣпровья на притоки средней Волги, на самую отдаленную окраину тогдашняго европейскаго міра, и послѣдовавшее затѣмъ двухъ съ половиной-вѣковое монгольское иго сказались почти полнымъ отчужденіемъ отъ западныхъ собратьевъ, — замедленностью въ развитіи, — тѣмъ, что принято обозначать фразой: «Россія *отстала* отъ Зап. Европы». Отсюда особый смыслъ, какой получаетъ для насъ рѣшеніе Балтійскаго вопроса: его задача — прорубить изъ Россіи окно въ Европу. — На эту-то борьбу съ внѣшними врагами — шведами, поляками, татарами, а позже также съ турками — и уходятъ, начиная съ XVI вѣка, лучшія силы русскаго народа. Борьба эта получила смыслъ государственный: она привлекла къ ней всѣ народныя силы.

VIII. Служить этому государственному дѣлу должны были всѣ элементы тогдашняго общества, безъ исключенія — это поставило русское общество и личность XVI—XVII вв. въ крѣпостное положеніе къ государству. Все, что раньше чувствовало себя свободнымъ и независимымъ, должно было

теперь подчиниться новому принципу государственности. Усиленіе государственнаго начала сказывается съ одной стороны въ расширеніи территоріи, въ ростѣ государственной власти, въ превращеніи единодержавныхъ московскихъ князей въ царей-самодержцевъ Божіею милостію, въ учрежденіи патріаршества, въ идеѣ Третьяго Рима, какъ выраженіи сознанія моральнаго права Россіи на первенство въ подлунномъ мірѣ; съ другой стороны — усиленіе государственнаго начала сказалось борьбою московскихъ государей съ боярствомъ и съ потомками владѣтельныхъ князей, превращеніемъ прежнихъ «вольныхъ» слугъ въ слугъ невольныхъ, въ полномъ закрѣпощеніи крестьянскаго и городского населенія къ ихъ пашнямъ и дворамъ. «Общество» не сразу сдалось «государству»; борьба велась напряженная; въ силу случайныхъ особенностей (личность Ивана Грознаго) струна оказалась натянутою до-нельзя, и въ результатѣ возникъ тяжелый кризисъ — открытая борьба государства съ антигосударственными элементами, сломить которые стало теперь необходимымъ во что бы то ни стало для того, чтобы отстоять и сохранить государство, самому существованію котораго грозила серьезная опасность. Къ тому же внутренній кризисъ осложнился бѣдой извнѣ — нашествіемъ иноземцевъ: Россіи пришлось пережить т. наз. Смутное время. Конечная побѣда осталась на сторонѣ государства: врагъ, внутренній и внѣшній, былъ сломленъ, политическая независимость сохранена, элементы антигосударственные если и не сломлены окончательно, то придавлены и въ значительной степени парализованы. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственное начало, въ самой Смутѣ получивъ новое оправданіе, окончательно принимаетъ теперь формы самодержавныя, общество же получаетъ характеръ безусловно «служилый» и «тяглый».

IX. Къ концу XVII вѣка цѣли внѣшней политики далеко еще не были достигнуты: южная окраина попрежнему не была обезпечена отъ крымскихъ набѣговъ; счеты съ Польшею не закончены тоже; не хватало и «окна» въ Европу. Поэтому напряженіе народныхъ силъ требовалось попрежнему громадное, а между тѣмъ именно въ нихъ-то и чувствовался боль-

шой недочетъ, особенно по сравненію съ западными сосѣдями, съ которыми борьба предстояла наиболѣе упорная: Смутная эпоха въ корень подорвала экономическое благосостояніе народа, пошатнула государственные финансы, расшатала и безъ того не особенно стройный организмъ управленія. А кромѣ того (и это, можетъ быть, самое главное) культурное развитіе Россіи и ея западныхъ сосѣдей за эти два вѣка, XVI-й и XVII-й, шло существенно неодинаковымъ путемъ и темпомъ. Западъ, покончивъ съ феодализмомъ, создавъ крупныя государственныя единицы съ единой верховною властью, вдобавокъ только-что пережилъ періодъ открытій и изобрѣтеній, эпоху возрожденія наукъ и искусствъ, религіозное возбужденіе — реформацію; все это дало сильный толчокъ умственной работѣ западно-европейскаго общества; повсюду чувствовался подъемъ мысли, замѣчался усиленный прогрессъ въ сферѣ духовной и матеріальной кутьтуры. Одно уже это дѣлало Западъ — разъ съ нимъ предстояло соперничество — грознымъ и опаснымъ врагомъ. — Въ иномъ положеніи находилась Россія. Правда, она тоже пережила свою «эпоху возрожденія», но это было возрожденіе значительно болѣе узкое, въ тѣсномъ смыслѣ политическое: сплоченіе мелкихъ частей, княжествъ, въ одно большое политическое цѣлое, освобожденіе отъ монгольскаго ига и созданіе самостоятельнаго государства; мысль объ объединеніи всего русскаго племени подъ одною властью, объ освобожденіи единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ отъ поляковъ и литовцевъ; наконецъ, взглядъ на себя, какъ на хранителей и защитниковъ православія, по наслѣдству отъ Византіи. Конечно, и это былъ большой шагъ впередъ, но одинъ, самъ по себѣ, онъ все же не покрывалъ многихъ другихъ пробѣловъ. Монгольское иго понизило умственный и нравственный уровень, огрубило и задержало развитіе русскаго народа. Слишкомъ уже долго было направлено наше вниманіе въ сторону Востока; слишкомъ долго стояли мы спиною къ Западу. Вѣковое общеніе съ татарщиною, съ народностью, стоявшей ниже насъ по своей духовной культурѣ и идеаламъ, пріостановило духовный ростъ, знаніе не совершенствовалось, а

скорѣе падало. При такихъ условіяхъ самые политическіе успѣхи наши могли оказаться опасными, вызывая излишнее довѣріе къ своимъ силамъ, высокомѣрное отношеніе къ чужимъ. Не безъ значительной доли самомнѣнія и самодовольства смотря на окрестные народы, видя себя обладательницею царствъ Казанскаго и Астраханскаго, свободно распоряжаясь тѣми самыми татарами, передъ которыми нѣкогда ей приходилось раболѣпно гнуть свою шею, — съ гордостью нося новый царскій титулъ, добившись и въ церковной жизни признанія полной самостоятельности и независимости, — за должное принимая подобострастные поклоны грековъ, взывавшихъ къ ней объ освобожденіи отъ ига турецкаго, — наконецъ, убѣжденно вѣруя въ свое высокое призваніе спасти міръ, сохранивъ и передавъ ему въ чистотѣ ученіе православной церкви, — Московская Русь на естественно возникавшій вопросъ: въ чемъ секретъ ея нынѣшняго положенія и превосходства надъ остальными, — отвѣчала: въ православіи, въ обладаніи истинною вѣрою. Православіе — существенный признакъ, отличающій русскаго отъ всякаго иного, будетъ ли это католикъ, протестантъ, еврей, магометанинъ или язычникъ (въ сущности-де даже греки, хоть православные, но съ изъянцемъ). Если для истиннаго православнаго составляетъ священную обязанность хранить и неукоснительно держаться правой вѣры, ни въ чемъ не отступая отъ нея, то это дѣлается тѣмъ охотнѣе и тѣмъ обязательнѣе, что въ православіи русскій человѣкъ находилъ свое самоопредѣленіе, въ немъ и чрезъ него сознавалъ свое «я». Такимъ образомъ, религія являлась для него источникомъ и вмѣстѣ выраженіемъ его національнаго самосознанія, а потому становилась вдвойнѣ дороже. — Но русскій отличается отъ другихъ народностей также и своими обычаями, строемъ жизни, понятіями, всѣмъ обиходомъ — это тоже дорого, это тоже національное достояніе. Умственное невѣжество мѣшало отличить существенное отъ второстепеннаго, форму отъ содержанія; оно готово было самому простому обычаю придать значеніе религіознаго содержанія и въ то же время религіозную сущность низвести на степень простого обряда. Отсюда возведеніе формы на сте-

пень догмата, одинаково какъ въ области вѣры, такъ и въ простомъ заурядномъ обиходѣ; косность жизни, обрядъ безъ содержанія, расколъ, отчужденіе отъ иноземщины, боязнь критики «свѣта», перемѣнъ; въ перспективѣ — опасность застоя. — Результатами сказаннаго, т. е.: 1) отатариванья, 2) слабаго общенія съ Западомъ и 3) косности мысли, было то, что мы *отстали* отъ западныхъ собратьевъ какъ въ сферѣ матеріальной культуры, такъ и въ сферѣ духовной. Эта отсталость сказывается на всемъ: на борьбѣ съ внѣшними врагами, на заботахъ правительства упорядочить жизнь внутри государства, въ отсутствіи необходимаго знанія, въ неумѣньи пользоваться даже и тѣмъ, что имѣется налицо. Сознаніе своихъ недостатковъ, первоначально слабое и робкое, растетъ на пространствѣ всего XVII-го столѣтія, съ каждымъ десятилѣтіемъ все сильнѣе и сильнѣе. Восполнить пробѣлъ или по крайней мѣрѣ обезпечить Россіи возможность удовлетворить этого рода нужды стало задачей преобразовательной эпохи Петра Великаго. Получить знаніе и развить экономическія средства страны можно было лишь съ помощью Запада, поступивъ къ нему въ науку — отсюда начало «школьнаго» періода русской жизни.

X. Что дало намъ пребываніе въ европейской «школѣ» (1697—1861)? Прежде всего матеріальныя средства для рѣшенія политическихъ задачъ, завѣщанныхъ предыдущими вѣками. Рѣшены были вопросы: шведскій, польскій и крымскій; пробито окно въ Европу и обезпечена возможность свободнаго общенія съ Западомъ; возстановлена политическая связь Сѣверовосточной и Югозападной Руси; южные предѣлы продвинуты до естественной грани — до Чернаго моря — и послѣ вѣковой борьбы сломлена та сила, что нѣкогда отбросила русское населеніе вглубь суздальскихъ лѣсовъ и болотъ. Въ связи съ разрѣшеніемъ крымскаго вопроса, на почвѣ роста національнаго самосознанія и представленія о Россіи, какъ хранительницы завѣтовъ православія, выросла и развилась новая задача — турецкая, такъ наз. Восточный вопросъ, — на этотъ разъ въ рамкахъ, получившихъ съ особенной силою характеръ рамокъ международныхъ. Внѣшній ростъ государ-

ства и политическое значеніе Россіи, какъ государства европейскаго, достигаютъ въ указанное время быстраго напряженія. Собственно «государственныя» задачи продолжаютъ преобладать и въ этомъ періодѣ, какъ и въ предыдущемъ, такъ же какъ и раньше, требуя значительнаго напряженія народныхъ силъ, тѣмъ самымъ поддерживая условія, при которыхъ попрежнему забывались интересы личности и общества. Но «школа» дала намъ не одни только техническія знанія, увеличила не одни только матеріальныя средства — она внесла и духовное просвѣщеніе; а оно-то и поставило вопросъ о личности и обществѣ, какъ элементахъ, имѣющихъ право на самобытное существованіе, — болѣе того, на первенствующее положеніе: не они для государства, а государство для нихъ. Поэтому идея освобожденія личности и общества изъ-подъ ферулы государства — постепенно, хотя и довольно туго, проникаетъ въ сознаніе народное. — Выясненіе вопроса о личности и обществѣ шло въ тѣсной зависимости отъ пониманія той роли, какую въ нашей жизни играла европейская «школа». Школа же эта, наряду съ началами общечеловѣческими принесла и такія, что, будучи порожденіемъ спеціально мѣстнымъ, не отвѣчали ни духу, ни особенностямъ русской національной жизни. Мало того: эти чуждыя русскому народу начала школа культивировала на русской почвѣ нерѣдко насильно. Отсюда съ одной стороны — «европейничанье», «слѣпое подражаніе Западу»; съ другой — чувство оскорбленія, вызванное «пренебреженіемъ къ родной старинѣ»; а такъ какъ школа *непосредственно* коснулась однихъ только верхнихъ слоевъ, то отсюда «разрывъ съ народомъ», такъ наз. «петербургскій» періодъ. На этой почвѣ выросло западничество и славянофильство, два направленія одинаково цѣнныя въ исторіи развитія русской общественной мысли; одно научило уважать положительныя стороны русскаго національнаго духа; другое — цѣнить общечеловѣческія пріобрѣтенія западно-европейской культуры (свободу совѣсти, свободу личности, свободу мысли и слова, правосудіе, образованіе и пр.).

XI. Освобожденіе крестьянъ воздвигло прочный фундаментъ дальнѣйшему развитію личности и общества и, что

самое главное, создало почву для практическаго ея осуществленія. Съ 19-го февраля кончается собственно «государственный» періодъ русской исторіи и начинается *общественный, національный*. Общества въ настоящемъ смыслѣ, какъ сплоченной и сознающей свою солидарность группы извѣстныхъ классовъ и категорій, до той поры не могло и быть, такъ какъ двадцать слишкомъ милліоновъ крѣпостныхъ принципіально противорѣчили идеѣ этой солидарности; не могло быть поэтому и націи въ настоящемъ значеніи этого слова. Подошелъ къ концу и «школьный» періодъ, какъ время одного простого перениманія; для русского общества проявилась возможность выйти изъ поколѣнія неопытнаго ученика, который самъ не въ силахъ еще разобраться въ томъ, что ему даютъ, и потому долженъ принимать все на вѣру. Но если окончилась школа, то не кончилось заимствованіе, ибо «вѣкъ живи, вѣкъ учись»; но это заимствованіе происходитъ теперь на почвѣ взаимнаго обмѣна. Русскій народъ получилъ возможность выступить уже не какъ «школьникъ», а въ качествѣ равноправнаго сотоварища, и не только брать, но и свой національный вкладъ дѣлать въ общечеловѣческую сокровищницу. Русская литература, русское искусство (музыка, живопись, театръ), русская философская мысль, русская наука; имена Пушкина, Толстого, Достоевскаго, Чехова; Глинки, Чайковскаго, Мусоргскаго; Врубеля, Левитана; Хомякова, Вл. Соловьева; Лобачевскаго, Пирогова, Менделеева, Мечникова убѣждаютъ насъ въ томъ, что мы вышли изъ прежнихъ пеленокъ и что передъ нами раскрылась арена дѣятельности самостоятельной не только матеріальной, но и духовной. Выходъ изъ «школы», знаменовавшій начало новаго періода русской исторіи, неизбѣжно повелъ къ пересмотру старыхъ отношеній между «обществомъ» и «государствомъ». Пересмотръ этотъ (революціонное движеніе; подпольная или открытая борьба съ правительствомъ) привелъ къ насильственному перевороту 1917 года, который будущимъ историкомъ, несомнѣнно, будетъ признанъ за начало новаго общественнаго и государственнаго уклада, совершенно отличнаго отъ прежняго.

XII. Такимъ образомъ, намѣчаются *четыре* главныхъ

перелома въ русской жизни, опредѣляемые словами: 1) разгромъ (распаденіе) Кіевской Руси; 2) объединеніе Сѣверо-восточной Руси въ Московское государство; 3) реформа Петра В. и 4) освобожденіе крестьянъ; изъ нихъ второй и четвертый переломъ основные, первый и третій — соподчиненные. Отсюда *три* основныхъ періода русской исторіи. *Первый* періодъ, съ IX по XVI вѣкъ — работа внѣшняго домостроительства, законченная превращеніемъ племенъ и отдѣльныхъ волостей въ единое государство; причемъ эту самую работу приходилось продѣлывать *дважды;* въ первый пріемъ дѣло не удалось довести до конца: оно рухнуло; зачатки государственности были насильственно подавлены и часть русской народности временно вынуждена была соединить свою политическую судьбу съ судьбой другихъ народностей. Монгольское нашествіе вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ за нимъ наступательнымъ движеніемъ литовской народности и составляетъ переломъ между первой, неудачной и второю, болѣе счастливою попыткою создать государство и собрать вокругъ и во имя его отдѣльные разрозненные элементы, изъ коихъ до сихъ поръ состояла Древняя Русь. — *Второй* періодъ, съ XVI вѣка до половины XIX-го, точнѣе до 19 февраля 1861 г. — время преобладанія государственныхъ интересовъ; Россія входитъ въ естественныя территоріальныя границы, обезпечиваетъ ихъ за собою и довершаетъ объединеніе племенное (за исключеніемъ небольшой части русской народности — въ Галиціи; это завѣтъ будущимъ поколѣніямъ). Переломомъ въ этотъ періодъ является реформа Петра Великаго; будучи отвѣтомъ на сознанную необходимость обновленія силъ, она, обновивъ эти силы, приводитъ къ послѣдствіямъ, которыхъ никто не намѣчалъ и не предвидѣлъ: она выдвигаетъ личность и общество. — Полтораста лѣтъ растетъ эта идея и даетъ свой плодъ уже на нашихъ глазахъ, въ *третій* періодъ, начавшійся съ половины XIX стол. Его будущее содержаніе можно только угадывать и намѣчать въ самыхъ общихъ чертахъ. Несомнѣнно однако, что государственный принципъ перестанетъ быть основной цѣлью и руководящимъ началомъ, а превратится въ органъ служебный. Вопросъ о территоріи, развитіе внѣш-

нихъ силъ и дальнѣйшее усиленіе органовъ правительственной власти, при всей видной роли, какая останется за ними, все же должны будутъ отступить на задній планъ. Первое мѣсто будетъ удѣлено *обществу*, которое изъ прежней инертной массы станетъ элементомъ, полнымъ самосознанія и требованій на самобытное существованіе. Освобожденіе крестьянъ открыло русскому народу возможность идти въ этомъ направленіи и сложиться въ *націю*, у которой есть и должны быть свои историческія задачи и свои національные идеалы. Послѣдній переворотъ 1917 года показалъ однако, что путь предстоитъ намъ еще дальній, что въ націю мы еще не превратились и до національнаго самосознанія еще не доросли. Зато, можетъ быть, именно самый ураганъ, что пролетѣлъ надъ нами и безжалостно свалилъ вѣками созидавшееся зданіе, онъ-то и послужитъ могучимъ толчкомъ къ тому, чтобы выйти возможно скорѣе на этотъ единственный путь нашего спасенія.

VII. СХЕМА РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Если «Основныя явленія» дали возможность прослѣдить главные этапы въ томъ процессѣ, который называется русскою исторіей, то они еще не указали тѣхъ рамокъ, въ какія можно и слѣдуетъ умѣстить самое содержаніе этой исторіи. Предлагаемая ниже схема дѣлаетъ попытку восполнить этотъ пробѣлъ, съ необходимой, однако, оговоркой: цѣнность подобнаго рода схемъ всегда болѣе или менѣе относительна, и никакая схема не можетъ претендовать на абсолютную непререкаемость.

Древняя Русь. 862—1462.

I. Начало русской государственности (до 1054 г.).
II. Единство Русской земли. Вѣчевой порядокъ. 1054—1242.
  А. Кіевскій періодъ. 1054—1169.
  Б. Суздальско-Волынскій періодъ. 1169-1242.
III. Разъединеніе Русской земли. Вотчинный порядокъ. 1242—1462.
  А. Монголы и Ливонскій Орденъ.
  Б. Литовско-Русское государство.
  В. Московское княжество.
  Г. Господинъ Великій Новгородъ.

Литовская Русь. 1462—1686.

IV. Сліяніе Литовской Руси съ Польшею.
  А. Политическое.
  Б. Церковное.

V. Борьба за самобытность.
   А. Единичными усиліями.
   Б. При поддержкѣ Москвы.

Московская Русь. 1462—1725.

VI. Образованіе Московскаго государства. 1462—1584.
   А. Время послѣднихъ князей. 1462—1533.
   Б. Время перваго царя. 1533—1584.

VII. Государственная разруха (Смутное время). 1584—1613.

VIII. Возстановленіе государства (первые Романовы). 1613—1682.

IX. Превращеніе Московской Руси въ Императорскую Россію (Петръ Великій). 1682—1725.
   А. Переработка стараго московскаго матеріала на новыхъ европейскихъ началахъ.
   Б. Утвержденіе на берегахъ Балтійскаго моря (завѣтъ московской старины).

Императорская Русь. 1725—1917.

X. Созданіе новой Россіи. 1725—1796.
   А. Перестройка полицейскаго государства на началахъ просвѣщеннаго абсолютизма.
   Б. Образованіе Россіи дворянской и крѣпостнической.
   В. Завоеваніе самостоятельнаго мѣста въ Европѣ.
   Г. Возсоединеніе Зарубежной Руси и утвержденіе на берегахъ Чернаго моря (завѣты московской старины).

XI. Гегемонія Россіи въ Европѣ. 1796—1855.
   А. Политическая роль Россіи въ Европѣ и въ Славянскомъ мірѣ: подчиненіе національныхъ интересовъ интересамъ европейскимъ.
   Б. Противорѣчія дворянской и крѣпостнической Россіи съ ея положеніемъ европейской державы.

XII. Раскрѣпощеніе Россіи. 1855—1917.
   А. Политическая роль Россіи въ Европѣ и въ Славян-

скомъ мірѣ: преобладаніе національныхъ интересовъ надъ интересами европейскими.

Б. Продвиженіе въ Среднюю Азію и на Дальній Востокъ.

В. Преобразованіе внутренняго строя.

1. Мирный путь, сверху (реформы имп. АлександраII).
2. Насильственный путь, снизу (дѣятельность революціонная).

Г. Разложеніе и крахъ стараго порядка.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЛАМЯ

Центральные
склады:
„PLAMJA“
(преемн.
„NAŠA RJEČ“)
Praha II.,
Ječná ul. 32.

„RODINA“
Berlin,
Charlottenburg,
Kantstrasse 24.